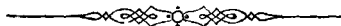

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

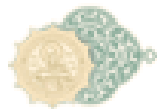
1895.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4-й.
1895.

Печатать дозволяется 12 декабря 1894 г.

Ректоръ Кіевской Духовной Академіи,

Епископъ Сильвестръ.

ЗНАЧЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА III

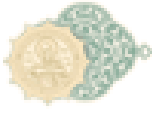
въ общемъ ходѣ нашей исторической жизни.

На памяти исторіи едвали можно указать другой аналогичный примѣръ, когда-бы весь цивилизованный міръ такъ единодушно и такъ искренно выразилъ сожалѣніе о смерти вѣнценосца, какъ это случилось теперь на нашихъ глазахъ по поводу кончины въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Лишь только телеграфъ успѣлъ разнести вѣсть о роковомъ событіи, общества и правительства всѣхъ просвѣщенныхъ странъ, забывъ всѣ свои личные счеты, наперерывъ поспѣшили выразить русскому народу и его юному Вождю сочувствіе въ постигшемъ ихъ горѣ, а ихъ представители явились ко гробу почившаго монарха какъ бы для того, что-бы оспаривать у русскаго народа его исключительное право оплакивать смерть всѣмъ одинаково дорогаго человѣка. Ближайшій смыслъ этого отраднаго скорбному русскому сердцу явленія простъ и ясенъ: онъ нашелъ себѣ полное выраженіе въ одномъ простомъ, но полномъ глубокаго, истинно-христіанскаго, смысла словѣ—*миротворецъ*. Жаждающая мира, но безсильная самолично обуздать свои дурные инстинкты, Европа съ чувствомъ искренней признательности отнеслась къ заслугамъ человѣка, который сумѣлъ отыскать средство, не проливши ни одной капли крови, удерживать всегда незнающій границъ эгоизмъ правительствъ и народовъ. Но таковъ,

говоримъ, только ближайшій, но далеко не весь смыслъ разсматриваемаго явленія. Чтобы уразумѣть послѣднее во всей его полнотѣ, необходимо освѣтить его съ исторической точки зрѣнія, необходимо вспомнить, какую роль разыгрывала Россія въ концертѣ Европейскихъ державъ до Александра III и какую она стала играть при этомъ послѣднемъ государѣ.

Петръ В. первый, какъ принято выражаться, ввелъ Россію въ систему европейскихъ державъ; онъ же первый указалъ истинную точку зрѣнія, которой должна была держаться Россія въ своемъ отношеніи къ этимъ державамъ. Выполняя вѣками намѣченную и ясно сознанную задачу своего народа—пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря, Петръ В. по необходимости вступаетъ въ борьбу со Швеціей, а въ интересахъ успѣшнаго окончанія этой борьбы заключаетъ союзъ съ Даніей и Польшей, стараясь по возможности склонить на свою сторону симпатіи и другихъ европейскихъ державъ. Этой своей политикой великій государь разъ навсегда заставлялъ своему народу, что единственнымъ мотивомъ какъ для веденія войнъ, такъ и для заключенія союзовъ съ европейскими народами должна быть ясно сознанная осязательная польза государства.

Но то, что было просто и ясно для великаго Петра, то оказалось замысловатымъ и непонятнымъ для его весьма не великихъ преемниковъ, за исключеніемъ развѣ Екатерины II. Какъ бы польщенные тѣмъ, что Европа начинаетъ насъ замѣчать, мы, часто безъ всякаго смысла и толку, пустились въ политику приключеній, не сознавая того, что намъ нужно и къ чему мы должны стремиться, и получая въ результатъ раздраженіе и ненависть Европы и свое собственное разореніе. Хорошей иллюстраціей такой политики можетъ послужить наше участіе въ семилѣтней войнѣ. Чтобы видѣть, въ какой степени участіемъ въ этой войнѣ мы преслѣдовали свои собственные интересы, достаточно вспомнить, что сначала мы долго спорили сами съ собою о томъ, чью сторону намъ

слѣдовало принимать въ предстоявшей борьбѣ (какъ будто безъ войны нельзя было обойтись), а когда наконецъ рѣшились, то потѣшивъ свою молодецкую удалъ въ схваткахъ съ Пруссакими, поворотили фронтъ, какъ бы желая доказать Европѣ, что мы можемъ добыть себѣ славу, сражаясь и въ другомъ направленіи. А между тѣмъ эта война стоила намъ до 300,000 русскихъ жизней, что составляло почти 3% всего мужскаго населенія имперіи,—и до 10,000,000 рублей, добытыхъ потомъ и кровью полуголоднаго населенія страны.

Но то, въ чемъ особенно отчетливо выступаетъ духъ нашей внѣшней послѣ-петровской политики, это наше отношеніе къ событіямъ, вызваннымъ великой французской революціей. Екатерина II, вступивъ въ союзъ съ врагами Франціи, приготовила войска для войны съ послѣднею. Павелъ Петровичъ сначала распустилъ эти войска; но, не выдержавъ роли, объявилъ войну. Война эта, покрывъ вѣчною славой Суворова и его славную дружину, дала намъ въ результатѣ, кромѣ огромныхъ матеріальныхъ затратъ, рядъ нравственныхъ оскорбленій отъ нашихъ союзниковъ и окончилась перемѣной фронта: нашъ прежній врагъ объявленъ былъ нашимъ союзникомъ, а прежніе союзники—врагами, съ однимъ изъ которыхъ (Англіей) мы даже начали войну. Не успѣвъ, впрочемъ, сдѣлать и нѣсколькихъ выстрѣловъ, мы завязали мирные переговоры, которые къ концу концовъ привели насъ къ вступленію въ новую коалицію, направленную противъ той Франціи, съ которою еще только что мы обмѣнивались комплиментами, увѣреніями въ дружбѣ, вѣрности и т. д. Въ наказаніе за такое легкомысліе на этотъ разъ мы получили Аустерлицъ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландъ, а въ заключеніе—Тильзитскій миръ. Но скоро нашъ новый союзникъ потерялъ къ намъ всякое уваженіе и, справившись съ своими домашними дѣлами, набросился на насъ всей мощью своихъ огромныхъ силъ и средствъ. Къ счастью, на этотъ разъ ему пришлось имѣть дѣло не съ вашими дипломатами, не съ хитрыми диспозиціями ученыхъ

австрійскихъ генераловъ, а съ открытою грудью русскаго народа, о которую онъ и расшибся.

Чѣмъ же объяснить это странное, по истинѣ легкомысленное непостоянство нашей политики, въ теченіе небольшого промежутка времени семь разъ измѣнявшей свое направленіе? Прочтите тогдашнюю дипломатическую переписку и получите совершенно точное рѣшеніе этого вопроса. Тамъ вы встрѣтитесь съ широкими планами, тонкими соображеніями, благородными порывами великодушія, высокими проявленіями любви къ человѣчеству и т. д.; тамъ вы не встрѣтите только одного: яснаго пониманія интересовъ своего государства и той роли, какую оно должно играть въ отношеніи къ Европѣ. Прекраснымъ подтвержденіемъ этого непониманія можетъ служить наше поведеніе послѣ низверженія Наполеона. Франціи, въ благодарность за причиненныя намъ неисчислимыя бѣдствія, мы, въ порывѣ великодушія, подарили военную контрибуцію, и это сдѣлали въ то время, когда разоренная и истерзанная Россія дорожила каждой мѣдной копѣйкой. Полякамъ, въ награду за вѣроломство и участіе въ разореніи нашего отечества, въ порывѣ либерализма, на зло себѣ даровали конституцію и, къ немалому изумленію и злорадству всей Европы, готовы были прибавить въ придачу еще рядъ истинно русскихъ областей. По отношенію къ остальной части континентальной Европы, въ признательность за тоже участіе въ разореніи отечества и за обнаруженное на Вѣнскомъ конгрессѣ явное недоброжелательство къ намъ, мы взяли на себя обязательство оберегать ея троны и алтари. Чтобы уразумѣть истинный смыслъ этого обязательства, необходимо вспомнить, съ одной стороны, духъ переживаемой тогдашнею Европою эпохи, съ другой стороны,—то усердіе, съ которымъ мы боролись съ этимъ духомъ.

Было-бы несправедливо смягчать всѣ тѣ безобразія, какими заявила себя великая французская революція; но въ тоже время было бы непониманіемъ исторіи отрицать, что

выдвинутыя ею начала порождены были истинными потребностями жизни, и поэтому, взятыя подъ покровительство исторіей, они существенно обновили Европу, вдохнувъ въ нее новую жизнь. Вотъ почему бороться съ этими началами—это значило идти противъ исторіи. На западѣ, гдѣ было столько людей, создавшихъ свое личное благополучіе на старыхъ порядкахъ, борьба съ новыми началами была естественна и понятна; но вмѣшательство въ эту борьбу Россіи, воодушевлявшейся своими особыми идеалами и строившей свою жизнь по своему особому образцу, не имѣло никакого серьезнаго основанія. А между тѣмъ, принимая на себя обязанность поддерживать подточенные исторіей троны, мы не только слѣдили за общимъ ходомъ политической жизни Европы, бряцая оружіемъ при каждой тамошней вспышкѣ, но довели свою опеку до такой назойливости, что готовы были вмѣшиваться въ самыя интимныя стороны народной жизни: столицы европейскихъ державъ видѣли нашихъ курьеровъ, скакавшихъ съ приказаніями, запрещающими постановку на театральныхъ сценахъ неугодныхъ намъ пьесъ, а европейскіе монархи иногда не смѣли въ укромныхъ уголкахъ своихъ кабинетовъ вести откровенную бесѣду съ своими министрами, боясь, какъ бы содержаніе ея не сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ. Знакомая съ подобнаго рода фактами, можно подумать, что Зап. Европа состояла не изъ ряда независимыхъ государствъ, а составляла лишь небольшой кварталъ, причисленный къ Петербургскому полицейскому участку. „Какое дѣло до насъ имъ, этимъ варварамъ?“ восклицала по нашему адресу негодующая Европа. Въ отвѣтъ на это мы ссылались на свои обязательства поддерживать въ Европѣ порядокъ. При такомъ порядкѣ вещей европейское общественное мнѣніе насъ глубоко ненавидѣло, признавая въ насъ темную, враждебную всякой цивилизаціи силу; а европейскіе монархи насъ боялись, дрожа за цѣлость своихъ владѣній, хотя при случаѣ и не прочь были воспользоваться нашею силою для укрѣпленія

своихъ шатавшихся троновъ. Въ результатѣ же получалось всеобщее раздраженіе, которое требовало исхода; и такой исходъ найденъ былъ въ севастопольской войнѣ. Удивлялся той популярности, какою эта война пользовалась во всей Европѣ, интересы которой мы, по нашему сознанию, такъ искренно и такъ безкорыстно охраняли, нѣкоторые историки, для объясненія этого непонятнаго для нихъ явленія, придумали какую то особую инстинктивную вражду, которую европейскій западъ будто-бы искони питаетъ къ русскому востоку. Въ такой постановкѣ вопроса есть нѣкоторая доля правды; но не нужно ее преувеличивать. Зачѣмъ намъ пускаться въ мистическое толкованіе того, что легко объясняется изъ существующихъ на лицо реальныхъ причинъ? Вопросъ только въ томъ: какъ могло случиться, что Россія, такъ близко, казалось, стоявшая къ Европѣ, могла впасть въ такое удивительное самообольщеніе относительно симпатій и антипатій къ себѣ этой Европы? На этотъ вопросъ отвѣтимъ слѣдующими замѣчательными словами изъ дневника извѣстнаго военнаго историка, А. И. Михайловскаго—Данилевскаго, лично сопровождавшаго Александра Павловича на Вѣнскій конгрессъ. „Россія, говоритъ онъ, являетъ единственный примѣръ въ мірѣ, что дипломатическій корпусъ ея состоитъ большею частію изъ иностранцевъ. Не всѣмъ имъ извѣстенъ нашъ языкъ и немногіе изъ нихъ были въ Россіи далѣе Петербурга (слѣдуетъ добавить—тогдашняго Петербурга). Сосчитавъ по адресъ-календарю нынѣшняго (1815) года всѣхъ чиновниковъ, употребленныхъ Россіею въ извѣстныхъ посольствахъ, я нашелъ, что ихъ 73 человекъ, между которыми только *пятинадцать* русскихъ именъ. Фуль, Поццо, Капо, Тейль—вотъ странный подборъ именъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ посланниковъ..... Даже нѣтъ надежды, чтобы въ нашъ вѣкъ мѣста нашихъ министровъ при чужестранныхъ дворахъ были заняты настоящими русскими, по той причинѣ, что молодые люди, служащіе при различныхъ посольствахъ и, слѣдовательно,

готовящіеся современемъ заступить высшія дипломатическія степени, происходятъ изъ фамилій иностранныхъ, частью изъ остзейскихъ губерній, частію изъ поселившихся въ Петербургѣ въ теченіе XVIII столѣтія. Эготъ классъ людей получаетъ обыкновенно хорошее воспитаніе, но основанное на космополитическихъ правилахъ. Они много знаютъ о Россіи, но ничего не чувствуютъ къ Россіи. Умъ ихъ и память обогащены познаніями, но душа ихъ и сердце не напитаны истинною любовью къ отечеству, привязанностью къ престолу и уваженіемъ къ русскимъ нравамъ и обычаямъ“. Въ ближайшее за тѣмъ время положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось. Такъ, изъ 194 лицъ, занимавшихъ дипломатическія должности за границею въ годъ смерти Александра Павловича, только 63 лица было русскихъ. Получивъ такое наслѣдство, Николай Павловичъ съ излихомъ его приумножилъ, такъ что во время севастопольской войны изъ 201 лица, служившихъ за границею, только 38 было русскихъ. Таковъ былъ контингентъ лицъ, разыгрывавшихъ роль посредниковъ между Россіей и Европой. Фактъ этотъ говоритъ самъ за себя и не нуждается въ комментаріяхъ.

Севастопольская война послужила обнаруженію многихъ нашихъ внутреннихъ язвъ; но язва нашей внѣшней политики оставалась незамѣченною. Наша неисправимость въ этомъ отношеніи обнаружилась: а) въ неумѣнн пользоваться разрозненностью интересовъ западно - европейскихъ державъ, б) хотя не въ прямомъ, но несомнѣнно активномъ участіи нашемъ въ образованіи въ сосѣдствѣ сильной германской державы, в) въ дозволеніи раздавить Францію, нашу естественную союзницу въ борьбѣ съ вѣковымъ врагомъ славянства и—г) какъ финалъ и естественное слѣдствіе всего—въ той поистинѣ жалкой роли, какую мы—побѣдители—разыграли на злополучномъ для насъ берлинскомъ конгрессѣ. Итакъ, Европа въ отвѣтъ на наши заботы о ней, всегда относилась къ намъ съ враждою и недоброжелательствомъ.

Вотъ каково было положеніе нашего отечества, когда вступилъ на престолъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III. И что же? Прошло какихъ нибудь тринадцать лѣтъ, и также Европа, собравшись у его открытаго гроба, торжественно засвидѣтельствовала, что его воля была для нея закономъ, что тринадцатилѣтнимъ миромъ, этимъ кореннымъ условіемъ всякаго культурнаго преуспѣянія, она обязана ему одному, и что, наконецъ, такихъ замѣчательныхъ результатовъ онъ достигъ, не поступившись ни честью, ни матеріальными интересами своего народа. Гдѣ же причина этой столь неожиданной метаморфозы? Отвѣтъ простъ и ясенъ: Александръ III разгадалъ наконецъ ту загадку, надъ которой полтора вѣка мучились его предшественники. Не упуская изъ виду Европы, онъ главное свое вниманіе устремилъ на развитіе внутренняго благосостоянія своего народа; а чтобы этой работѣ не помѣшала дерзость какого нибудь искателя приключеній, онъ выдвинулъ сильную армію, всегда готовую дать отпоръ тому, кто бы осмѣлился помѣшать его мирному труду. А чтобы, далѣе, его армія не осталась одинокою, онъ, на крайнемъ западѣ, отыскалъ себѣ естественнаго, а потому и вѣрнаго союзника, и такимъ образомъ какъ желѣзными клещами сковалъ то „разбойничье гнѣздо“, исходившіе изъ котораго воинственные клики и шумъ отъ бряцанія оружіемъ распространяли всюду тревогу и мѣшали мирнымъ людямъ заниматься своимъ трудомъ. Напрасно разнаго рода „честные маклеры“, путемъ всевозможныхъ интригъ, подвоховъ и наглыхъ выходокъ, воодушевляясь примѣрами прошлаго, старались вывести его изъ терпѣнія и повернуть на старую нашу дорогу авантюръ и приключеній. Ихъ трудъ оказался напраснымъ, ибо силою здороваго русскаго смысла онъ понялъ, что честь и достоинство великаго народа покоятся не на языческомъ обычаѣ кровавой мести, а на воплощеніи въ жизни христіанскаго закона любви. Правильно понявъ миссію великаго русскаго народа, онъ отдался ей всѣмъ своимъ существомъ и, въ самый незначи-

тельный срокъ, успѣлъ, какъ сказано, достигнуть серьезныхъ результатовъ.

Много серьезныхъ затрудненій пришлось преодолѣть въ Божѣ почившему Государю при осуществленіи взятой на себя столь сложной и трудной задачи; изъ нихъ не послѣднее мѣсто занимало и слѣдующее. Извѣстно, что европейская дипломатія, особенно воспитанная въ двухъ послѣдовательно выступавшихъ школахъ—князя Меттерниха и князя Бисмарка, до того изолгалась, что вести съ нею дѣло человѣку, воспитанному въ другихъ нравственныхъ понятіяхъ, не было никакой возможности. Для дипломатовъ слово перестало служить орудіемъ выраженія человѣческой мысли, ибо ихъ слова стали простыми звуками, смыслъ которыхъ оставался неразгаданнымъ. Покойный Государь безусловной честностью, прямою, послѣдовательностью и постоянствомъ своихъ дѣйствій достигъ того, что возвратилъ дипломатическому слову (по крайней мѣрѣ своему) его истинный смыслъ, и заставилъ другихъ къ нему прислушиваться, ему вѣрить, его цѣнить и уважать. А чтобы его честное русское слово доходило до слуха Европы въ неискаженномъ видѣ, онъ уничтожилъ странную привилегію нашихъ дипломатовъ (со временъ Александра І) не-звать русскаго языка, сдѣлавъ русскую рѣчь обязательною для нихъ во взаимной перепискѣ, чѣмъ разъ навсегда уничтожилъ монополію иноземцевъ на право занимать русскіе дипломатическіе посты за границей.

Но внѣшняя политика Россіи не исчерпывается ея отношеніями къ западно-европейскимъ народамъ. Поставленный исторіей на стражѣ арійско-христіанскаго Запада въ его невольной борьбѣ съ монголо-татарско-мусульманскимъ Востокомъ, русскій народъ, съ самаго перваго момента выступленія своего на историческое поприще, до послѣднихъ дней, ведетъ эту борьбу, тратя на нее огромныя силы и средства. Не успѣли мы свергнуть двухъ-вѣковое татарское иго и, путемъ покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, от-

крыть себѣ путь на востокъ, какъ исторія поставила намъ новую задачу: единовѣрный и единокровный намъ греко-славянскій міръ, подпавъ подъ иго новыхъ азіатскихъ варваровъ и, изнемогая подъ ихъ тяжкимъ гнетомъ, устремилъ на насъ умоляющіе взоры, именемъ Христовымъ умоляя о братской помощи. Испытавъ на себѣ всю тяжесть рабства, мы не могли не откликнуться на эти мольбы. Частію въ интересахъ разысканія и точнаго опредѣленія естественныхъ границъ своего государства, частію движимые сознаніемъ той высокой роли, какая на нашу долю выпала на Православномъ Востока и опасеніемъ мщенія исторіи за неисполненіе этой роли, мы вступили въ вѣковую борьбу съ поработителями этого Востока—Турками. Когда же, съ развитіемъ нашего національнаго самосознанія, мы сознали потребность, путемъ призванія къ новой жизни славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова, умножить число дѣлателей культуры, основанной на началахъ нашей вѣры и народности, тогда къ двумъ первымъ мотивамъ присоединился третій, и борьба съ врагами креста приняла особенно энергичный и успѣшный характеръ. Результатъ этой борьбы извѣстенъ: тамъ, гдѣ еще не такъ давно развѣвалось мусульманское знамя, теперь существуетъ рядъ христіанскихъ государствъ, поставленныхъ въ условія свободнаго, самобытнаго развитія.

Въ позднѣйшее время, въ виду явнаго недоброжелательства къ намъ правительствъ освобожденныхъ нами народностей, со всѣхъ сторонъ, на ряду съ законными конечно жалобами на „неблагодарность“, показываются симптомы, свидѣтельствующіе о полномъ разочарованіи нашего общества въ своей вѣрѣ въ славянство. Это разочарованіе приняло такой эпидемическій характеръ, что даже такой крупный представитель славянской идеи, какъ В. И. Ламанскій, нашелъ нужнымъ торжественно, предъ всей Россіей, принести покаяніе въ томъ, во что онъ прежде вѣрилъ. Не такъ относился къ этому вопросу въ Божѣ почившій Императоръ Але-

ксандръ III. Какъ своимъ извѣстнымъ отвѣтомъ князю Александру Баттенбергскому, повлекшимъ удаленіе послѣдняго изъ Болгаріи, такъ и своимъ непризнаніемъ Фердинанда Кобургскаго, шедшимъ въ разрѣзъ съ намѣреніями дворовъ лондонскаго, берлинскаго и вѣнскаго, Александръ III наглядно доказалъ, что для него безразличны интересы освобожденной русскою кровью Болгаріи; а своимъ знаменитымъ, въ своемъ родѣ единственнымъ, тостомъ за здоровье своего „единственного друга“ Николая Черногорскаго онъ торжественно засвидѣтельствовалъ, какъ близка его сердцу судьба славянскихъ народностей. И не нужно какой нибудь особой высшей сообразительности, чтобы понять смыслъ такого образа мысли. Въ самомъ дѣлѣ, мы жалуемся на неблагодарность; но на чью неблагодарность? На неблагодарность-ли того болгарскаго народа, который, узнавъ о тяжелой болѣзни русскаго Государя, массами спѣшилъ въ храмы на молитву о его здравіи, или на неблагодарность тѣхъ чиновниковъ Кобурга, которые срывали объявленія, вывѣшенныя духовенствомъ для созванія народа на молитву? Въдѣ этихъ понятій не слѣдуетъ смѣшивать. Что-же касается самихъ Баттенберговъ и Кобурговъ, то ихъ поведеніе такъ естественно, что право же на нихъ не слѣдуетъ сердиться. Въдѣ этимъ маленькимъ, захудалымъ князькамъ и во снѣ вѣкогда не снились короны самостоятельныхъ государствъ. Что же мудренаго въ томъ, что теперь, поднявшись на такую недостижимую высоту, они дрожатъ за сохраненіе своего величія, опасаясь, какъ бы Россія, этотъ всепоглощающій великанъ, не проглотила и ихъ съ ихъ микроскопическими государствами. Если сильные европейскіе государи съ тревогой слѣдятъ за каждымъ движеніемъ Россіи, то чего же можно требовать отъ этихъ Баттенберговъ и Кобурговъ, которые представляютъ собою плоть отъ плоти и кость отъ кости той же Европы? Дайте хотя бы Болгаріи князя изъ дома Романовыхъ, доставьте ей увѣренность въ томъ, что на ея самобытность никто и не думаетъ посягать, и увидите, что

самъ Стамбуловъ превратится въ самого горячаго руссофила. Развѣ можно требовать, чтобы маленькій народецъ, на шеѣ котораго еще зияетъ рана отъ ярма многовѣковаго рабства, чтобы этотъ народецъ сразу могъ оріентироваться въ своемъ новомъ положеніи и стать на путь правильнаго историческаго развитія? Вырвавшись изъ подъ одного ярма, онъ только и думаетъ о томъ, какъ бы не попасть подъ другое, и кто имѣетъ больше на него правъ, того онъ больше боится и, слѣдуя своимъ холопскимъ чувствамъ, ненавидитъ. Если хотите, чтобы онъ сталъ воодушевляться высшими благородными чувствами, воспитайте ихъ въ немъ. Намъ на это могутъ возразить: стоитъ ли великому русскому народу, у котораго много и своего дѣла, хлопотать о воспитаніи жалкой горсти какихъ-то Болгаръ? На это мы можемъ отвѣтить только одно: съ тѣхъ поръ, какъ за эту горсть пролиты потоки русской крови, она перестала быть для насъ только жалкою, а сдѣлалась достойною сожалѣнія. Если вѣрно то, что намъ пора оставить политику сентиментализма, то вѣрно и то, что намъ пора перестать шататься изъ стороны въ сторону, принося сегодня покаяніе въ томъ, что сдѣлали вчера. Да и въ чемъ тутъ каяться? Вспомнимъ тѣ высокія, по истинѣ святыя чувства, какими воодушевлялась Россія въ послѣднюю освободительную войну. Какъ только вѣсть о закипѣвшей за Дунаемъ борьбѣ долетѣла до насъ, тысячи русскихъ людей, не дожидая оффиціального почина, добровольно устремились къ Балканамъ, чтобы сразиться и пролить свою кровь за свободу дорогихъ ихъ сердцу людей, а милліоны другихъ русскихъ людей напутствовали благословеніями этихъ истинныхъ выразителей одушевлявшихъ ихъ чувствъ. Развѣ это глубокое, искреннее, переходящее въ актъ воли, чувство можно назвать сентиментализмомъ? Вспомнимъ, много ли разъ Россія въ послѣ-петровскую эпоху переживала такіе моменты? Можно сказать—ни однажды, ибо подъемъ народнаго духа въ 1812 году вызванъ былъ чрезвычайными, исключительными обстоя-

тельствами. Не каяться, а благословлять Провидѣніе мы должны за то, что оно удостоило насъ пережить эти минуты. Съ тѣхъ поръ, какъ мы сдѣлались европейцами, это былъ первый фактъ крупнаго проявленія нашего національнаго самосознанія, а для нашего общества—это было первое крещеніе его въ національную вѣру. Мысли и чувства, составлявшія прежде достояніе небольшой горсти славянофиловъ, теперъ, благодаря этому крещенію, охватили почти все наше общество. И если въ настоящую минуту противъ этого движенія наступила реакція, то это потому, что наша жизнь всегда текла путемъ реакцій. Пройдетъ время, обстоятельства измѣнятся, и мы будемъ каяться въ настоящемъ своемъ раскаяніи. Теперь, въ порывѣ разочарованія, мы упрекаемъ себя въ томъ, что тратили силы на освобожденіе неблагодарныхъ балканскихъ славянъ въ то время, когда милліоны русскихъ людей еще не возсоединены съ Имперіей. А вы полагаете, что присоединеніе Галицкой Руси доставило-бы намъ одиѣ только радости? Полное заблужденіе! Безъ жертвъ, безъ труда, а главное—безъ любви и терпѣнія, нельзя сдѣлать никакого серьезнаго дѣла.

Въ Божѣ почившаго Государя любили сравнивать съ Николаемъ Павловичемъ и находить между ними сходство. Если не имѣть въ виду прямоты характера и твердости воли—каковыя черты не составляютъ исключительной принадлежности только этихъ двухъ нашихъ государей,—то въ остальномъ мало оказывается сходства. Николай Павловичъ былъ рыцаремъ въ точномъ, европейскомъ, смыслѣ слова; Александръ Александровичъ обладалъ душою и сердцемъ простаго русскаго человѣка. Онъ не любилъ повергать въ прахъ своими молніеносными взглядами, хотя его взоръ былъ истинною казнью для всякой нечестной души; онъ не любилъ играть въ великодушіе, хотя слѣды проявленія его благородной души можно было видѣть вездѣ. Больше сходства, повидимому, можно отыскать въ національномъ направленіи политики того и друга-

го. Но это только повидимому. Мы смѣемъ думать, что отъ смерти Петра В. до Александра III у насъ не было строго національной политики въ точномъ смыслѣ этого слова, особенно если имѣть въ виду чисто внутреннюю жизнь государства. Реакція противъ нѣмцевъ, сопровождавшая вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны, разыгралась для того, чтобы очистить мѣсто французскому вліянію. О Петрѣ III и вспоминать не слѣдуетъ. При Екатеринѣ II дѣйствительно совершено было много дѣлъ, льстившихъ нашему національному самолюбію. Но не забудемъ, что эта императрица какъ то своеобразно смѣшивала интересы государства съ своими личными интересами и интересами окружавшихъ ее людей. Благо Россіи нерѣдко было для нея не цѣлью, а средствомъ для удовлетворенія ея славолубію, что такъ вѣрно подмѣтили нѣкоторые современные иностранцы, упрекавшіе ее въ чрезмѣрномъ „тщеславіи“. Отсюда непомѣрное развитіе показной стороны и сильное несоотвѣтствіе между либеральнымъ словомъ и консервативнымъ дѣломъ. Если мы вспомнимъ положеніе при Екатеринѣ крестьянъ и Церкви, если мы припомнимъ, что „дворъ Екатерины забылъ говорить по русски“, то едвали мы въ состояніи будемъ назвать ея политику строго національной. Политика Александра I не имѣла постоянства въ своемъ направленіи: въ первую свою половину она была крайнимъ проявленіемъ либеральныхъ сторонъ политики Екатерины; вторая, Аракчеевская ея половина, была эпохою реакціи. Въ царствованіе Павла Петровича и Николая Павловича народность оффиціально взята была подъ покровительство; но это сдѣлано было въ интересахъ борьбы съ царствовавшимъ тогда на западѣ „апокалипсическимъ звѣремъ“, послѣдовательно воплощавшимся въ рядѣ революцій. Разумно либеральное царствованіе Александра II, вызванное крайностями предшествовавшаго царствованія, въ рассматриваемомъ отношеніи можетъ быть сравнено съ состояніемъ атмосферы, предшествующимъ смѣнѣ одного направленія вѣтра другимъ.

Это время создало тѣ условія, при которыхъ сдѣлалось возможнымъ зарожденіе истинно національной политики, состоящей въ возможно свободномъ, самобытномъ развитіи народныхъ силъ, совершаемомъ подъ широкимъ воздѣйствіемъ постороннихъ факторовъ. Говоримъ: *свободномъ* и *самобытномъ*, ибо самобытность есть прежде всего свобода отъ юридической или нравственной необходимости обязательно подражать чужому. Самобытность не исключаетъ возможности подражать чужому, но она необходимо требуетъ свободно-критическаго отношенія къ нему. Національно-самобытная политика можетъ быть и либеральною (вѣрнѣе—прогрессивною) и консервативною; но въ обоихъ случаяхъ она непремѣнно предполагаетъ вѣру въ народныя силы и въ цѣлесообразность направленія въ ихъ развитіи. Такой политики до Александра III у насъ не было и быть не могло, вслѣдствіе слабаго развитія нашего народнаго самосознанія. Только сильное движеніе нашей мысли, скрыто работавшей при Николаѣ Павловичѣ и свободно проявившейся при его преемникѣ, подняло уровень нашего народнаго самосознанія и создало условія для строгаго національной политики, какою и была политика Александра III.

Тутъ невольно вспоминается слѣдующій, самъ по себѣ не важный, но весьма характерный фактъ. Петръ В., отдавая насъ въ европейскую школу, приказалъ намъ, по европейскому образцу, сбрить бороду и нарядиться въ европейскій костюмъ. Съ тѣхъ поръ, вплоть до Александра II включительно, предписаніе этой своего рода школьной дисциплины было для насъ обязательнымъ закономъ, что свидѣлствовало о томъ, что мы все еще числимся въ недоросляхъ. Александръ III собственнымъ примѣромъ освободилъ насъ отъ требованій этого школьнаго режима и, какъ бы выдавъ намъ аттестатъ зрѣлости, призналъ насъ правоспособными къ дальнѣйшему развитію безъ ментора, безъ указки, не справляясь

съ тѣмъ, что скажетъ нашъ прежній учитель, „что скажетъ Европа“.

Характеризуя жизнь и дѣятельность покойнаго Государя, нѣкоторые авторы обнаружили тенденцію приискать ему аналогичный примѣръ въ исторіи. Намъ думается, что если самобытно-оригинальной личности Александра III необходимо искать аналогіи, то ее можно найти не въ послѣ—Петровской Руси. Глубокая, непритворная, скорбь, искреннія горячія слезы, съ какими русскій народъ провожалъ въ могилу этого горячо любимаго монарха, невольно напоминаютъ исторіку свидѣтельство лѣтописца о той глубокой скорби, какую вызвала въ душѣ нашихъ отдаленныхъ предковъ вѣсть о кончинѣ св. Владиміра: „Сеже увѣдѣвъше людѣ, безъ числа снидошася и плакашася по немъ. бояре акы заступника ихъ земли, убозіи акы заступника и кормителя“. Эта необыкновенная любовь къ св. Владиміру, сдѣлавшая его главнымъ героемъ былиннаго эпоса и вытѣснившая изъ народной памяти даже имя такого знаменитаго князя, какимъ былъ Владиміръ Мономахъ, объясняется ничѣмъ инымъ, какъ произведеннымъ имъ политическимъ переворотомъ, результатомъ котораго было полное ослабленіе вѣковаго господства на Руси „находниковъ Варяговъ“ и торжество униженнаго доселѣ мѣстнаго національнаго элемента ¹⁾. Сынъ матери славянки (Малуши), воспитанникъ своего дяди славянина же (Добрыни), возведенный на кіевскій столъ стараніями представителя національной партіи, Блуда, Владиміръ былъ первымъ на Руси истинно національнымъ княземъ, уничтожившимъ вѣковую грань, отдѣлявшую доселѣ князя отъ его народа. Разнаго рода Карлы, Ингелды, Вуефасты, Фарлофы и др., разыгрывавшіе при кіевскомъ дворѣ такую же роль, какую при Петербургскомъ дворѣ разыгрывали сначала Бироны, Остерманы,

¹⁾ См наше изслѣд „Владиміръ Св., какъ политическій дѣятель“. К 1888 г.

Минихи, Летстоки, а позднѣе—Фули, Подцо, Капо, Тейли, и др., при Владимірѣ или совсѣмъ удалены были изъ Руси, или разсланы на менѣе важныя посты въ провинціальныя города; а вмѣстѣ съ тѣмъ около князя впервые появляются „старцы градскіи“, „нарочитые мужы“, т. е. истинные представители мѣстныхъ интересовъ, которые до этого времени систематически были оттѣсняемы „находниками Варягами“. Вышеприведенная характеристика нашихъ позднѣйшихъ находниковъ во всей полнотѣ примѣнима и къ этимъ древнимъ: они, какъ люди бывалые, много знали, но ничего не чувствовали къ Россіи; душа ихъ и сердце не напитаны были истинною любовью къ отечеству, привязанностью къ престолу и уваженіемъ къ русскимъ нравамъ и обычаямъ. Проникнутые личными интересами, они только и думали о наживѣ, въ интересахъ которой и старались направить дѣятельность князя. Произволъ и насиліе, обнаруженные Игоремъ при собираніи древлянской дани по наущенію этихъ именно находниковъ, служатъ блестящей характеристикой ихъ образа мысли и дѣятельности. Понятно, что какъ только эти иноземцы замѣнены были русскими людьми, какъ только каждому русскому челоуѣку, какого бы онъ ни былъ происхожденія, стало возможнымъ, за личные заслуги, попасть „въ великіе мужи“ (сынъ кожевника, задавившій печенѣжскаго богатыря), и дѣятельность князя должна была получить другое направленіе. И, дѣйствительно, мы видимъ, что окруженный русскими людьми, Владиміръ думаетъ не о томъ, какъ бы по больше собрать дани, а „о строи землянѣмъ, и о ратехъ, и устави землянѣмъ“. О „ратехъ“ онъ думалъ конечно не для того, чтобы вести войны, а для того, чтобы поддерживать миръ: „и бѣ жива (Владиміръ) съ князи околними миромъ... и бѣ миръ межю ними и любы“. Кто въ этихъ чертахъ дѣятельности св. Владиміра не признаетъ аналогіи съ дѣятельностью Царя Миротворца, положившаго конецъ господству у насъ „находниковъ“, выдвигавшаго людей не по происхожденію, а

по заслугамъ, даваго политикѣ національное направленіе, всю жизнь свою думавшаго „о строи землянѣмъ и уставѣ землянѣмъ“, заботившагося о ратехъ только „мира дѣля“ и по этому жившаго „съ князи околними миромъ“, и за все это заслужившаго горячую любовь своего народа. Современный лѣтописецъ, видѣвшій собственными глазами все то, что пережили и почувствовали всѣ истинно русскіе люди по поводу кончины въ Божѣ почившаго Государя, смѣло можетъ повторить слова древняго лѣтописца: „се же увѣдѣвше людье, безъ числа снidoшася и плакашася по немъ, бояре аки заступника ихъ земли, убозіи аки заступника и кормителя“. Приложеніе послѣдняго эпитета (кормителя) къ Александру III сдѣлается понятнымъ, если вспомнимъ всѣ тѣ мѣропріятія, какія приняты были по случаю постигшаго Россію голода.

Раньше было замѣчено, что главное вниманіе въ Божѣ почившаго Государя направлено было на развитіе внутренняго благосостоянія народа. Подробный анализъ всѣхъ предпринятыхъ въ этомъ отношеніи мѣропріятій завелъ бы насъ слишкомъ далеко, а время для исторической оцѣнки ихъ еще не настало; но общій характеръ этихъ мѣропріятій подмѣтить нетрудно, особенно если взглянуть на нихъ съ точки зрѣнія реформъ прошлаго царствованія. Сущность этихъ реформъ, говоря вообще, выразилась въ освобожденіи крестьянъ и въ призывѣ общества къ самодѣтельности, что проявилось въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, въ гласномъ судѣ, въ проявленіи выборнаго начала въ жизни школы, духовенства, въ свободѣ печати и т. д. Въ виду цѣлаго ряда возмутительныхъ, по истинѣ варварскихъ, фактовъ, въ которыхъ проявились крайности предоставленной обществу свободы, фактовъ закончившихся мученическою кончиною Царя-Освободителя, вызвавшей глубокое негодованіе всей Россіи, слѣдовало ожидать, что новое царствованіе начнется рѣзкой реакціей, которая повлечетъ отмѣну всѣхъ либеральныхъ реформъ прошлаго царствованія. И что же мы видимъ? Если оставить въ сто-

ровѣ мѣропріятія, предпринятыя для подавленія проявленій указанныхъ дурныхъ инстинктовъ общества, то придется признать, что принципіальная сторона реформъ прошлаго царствованія осталась почти нетронутою. Мало того: эти реформы дополнены цѣлымъ рядомъ новыхъ узаконеній, имѣвшихъ цѣлью провести ихъ, такъ сказать, вглубь народной и общественной жизни и придать имъ болѣе разумный, болѣе практической характеръ, чего имъ часто не доставало при первоначальной разработкѣ, носившей слѣды значительной теоретичности. Всѣмъ извѣстны, напр., заботы правительства о развитіи профессиональнаго образованія, объ улучшеніи земледѣлія и о доставленіи земледѣльцамъ дешеваго кредита, о развитіи кустарной промышленности, о проведеніи желѣзныхъ дорогъ и въ числѣ ихъ знаменитой сибирской дороги, объ улучшеніи финансовъ, о поднятіи боевой правоспособности арміи, объ улучшеніи быта духовенства, о воспитаніи народа, урегулированіи переселенческаго вопроса и т. д. Всѣ эти и подобные имъ мѣропріятія имѣють огромное практическое значеніе и въ результатѣ несомнѣнно поведуть къ улучшенію общаго уровня благосостоянія государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его политическаго могущества.

Поучительна и частная жизнь въ Бозѣ почившаго Монарха. Онъ былъ лучшимъ сыномъ Церкви, образцовымъ семьяниномъ, работалъ до усталы, питался простоквашей, въ часы досуга рубилъ дрова, игралъ съ дѣтьми и т. д. Достоянныя вниманія и самая кончина Его. Нѣсколько дней Онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти и готовился къ ней, какъ вѣрующій христіанинъ, не оставляя заботъ о дѣлахъ правленія. Два раза, 9 и 17-го октября, Государь приобщился Св. Таинъ. Не спавъ всю ночь, рано утромъ 20 числа въ Бозѣ почившій Императоръ сказалъ уже Императрицѣ: „Чувствую конецъ, будь покойна. Я совершенно покоенъ“, и, собравъ всю Семью около Себя, пригласилъ духовника и приобщился съ великимъ умиленіемъ, произнесъ вслухъ яснымъ для всѣхъ голосомъ молитву предъ причащеніемъ, сидя въ креслахъ. Го-

сударь все время не терялъ ни на минуту сознанія. Послѣ обѣдни Онъ послалъ за о. Іоанномъ Сергіевымъ и вмѣстѣ съ нимъ молился; потомъ, чрезъ полчаса, призвалъ его снова, и о. Іоаннъ вновь напутствовалъ Его молитвою и помазаніемъ св. елея и оставался при Немъ до самой кончины. Въ два часа по полудни усилился у Государя пульсъ, и взоръ Его какъ бы оживился, но уже чрезъ четверть часа, закрывъ глаза и откинувъ голову, онъ предалъ духъ Всевышнему Богу, завѣщавъ народу Своему благословеніе мира и завѣтъ доброй жизни.

Да будетъ же имя Его благословенно отнынѣ и до вѣка!

В. Завитинъ вичъ.

БОЛЬШОЙ МОСКОВСКИЙ СОБОРЪ

1666—1667 годовъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Величіе Московскаго собора 1666—1667 годовъ. Подготовительныя причины къ созванію этого собора. Краткая его исторія. Дѣятельность собора.

Между церковными соборами, бывшими когда-либо въ Россіи, особенное значеніе имѣеть въ исторіи Большой Московскій соборъ 1666—1667 годовъ. Этотъ соборъ по справедливости носитъ названіе „*Большого Собора*“: онъ великъ какъ по составу своихъ членовъ, такъ и по своей продолжительности.

Въ составъ его членовъ входило множество представителей какъ власти церковной, такъ и власти гражданской. Изъ представителей церковной власти на немъ участвовали: три патріарха—Паисій Александрійскій, Макарій Антіохійскій ¹⁾

---

¹⁾ См. Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, т. II, стр. 21, 29, 169, 179, 181—182, 213, 224, 264—265, 280, 344, 357, 361, 376 383—384. 389, 397 и т. д.; Дополн. къ акт. истор., т. V № 102, стр. 475, 478—479, 485, 487, 488, 491, 493—494, 499—500, 504, 507; см. „Историч. изслѣдов. дѣла патр. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2-я, С. П. Б., 1884 г. прилож., стр. 1000, 1002, 1003, 1007, 1008, 1018, 1032—1033, 1068, 1071, 1080 и т. д.

и Иоасафъ 2-й Московскій ¹⁾, тринадцать митрополитовъ ²⁾, девять архіепископовъ ³⁾ и пять епископовъ ⁴⁾, затѣмъ, множе-

²⁾ Матер. для истор. раск., т. II, стр. 21, 29, 31, 32, 181, 183, 212, 213, 344, 361, 376, 383—384, 390, 397 и т. дал.; Дополн. къ акт. истор., т. V, № 102, стр. 475, 477—478, 479, 485—486, 487, 488, 491, 493—494, 495, 504 и т. д.

³⁾ Четыре русскихъ: *Питиримъ Новгородскій, Лаврентій Казанскій, Иона Ростовскій и Павелъ Сарскій и Подонскій* (Матер. для истор. раск., т. II, стр. 62, 67—68, 78, 80, 83, 92, 96—97, 106, 110, 114, 119, 170 примѣч. 1-е и т. д., Дополн. къ акт. истор., т. V, № 102, стр. 444—444, 448, 451, 452, 455—456, 457, 458, 475; „Историч. изслѣдов. дѣла патр. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2-я; С.-П. Б., 1884 г. стр. 1003) и девять иноземныхъ: *Феодосій Сербскій*. (См. Матер. для истор. раск. томъ II, стр. 62; Дополн. акт. къ истор., т. V, № 102, стр. 443; „Историч. изслѣд. дѣла патр. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2-я, прилож. стр. 1004; впоследствии (17 мая 1667 года) онъ былъ возведенъ на русскую Бѣлгородскую митрополию.—См. Дополн. къ акт. истор., т. V, № 26, стр. 107; № 102, стр. 475; Матер. для истор. раск., т. II, стр. 429), *Паисій Газскій, Григорій Никейскій, Косма Амасійскій, Аванасій Иконійскій, Филовей Трапезундскій* (Матер. для ист. раск., т. II, стр. 170 примѣч. 1-е, Дополн. къ акт. истор., т. V, № 102, стр. 475; „Историч. изслѣдов. дѣла п. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2-я, прилож., стр. 1004), *Даниилъ Варискій, Елифаній Грузинскій и Феофанъ Хіосскій* (Матер. для ист. раск., т. II, стр. 170 примѣч. 1-е; Дополн. къ акт. истор., т. V, № 102, стр. 475).

⁴⁾ Семь русскихъ: *Симонъ Вологодскій, Филаретъ Смоленскій, Иларіонъ Рязанскій* (впоследствии—13 іюня 1669 г.—возведенный въ санъ митрополита), *Иоасафъ Тверской, Арсеній Псковскій* (Матер. для истор. раск. т. II, стр. 62, 68, 78, 80, 83, 92, 97, 106, 110, 115, 119; Дополн. къ акт. истор., т. V, № 102, стр. 443, 444, 448, 451, 452, 455, 456, 457, 458, 475; „Истор. изслѣд. дѣла п. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2-я, прилож., стр. 1004), *Стефанъ Суздальскій* (Матер. для ист. раск., т. II, стр. 170, прим. 1-е; Дополн. къ акт. истор., т. V, № 102, стр. 475) и *Иосифъ Астраханскій* (Истор. изслѣд. дѣла п. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2-я, прилож. стр. 1004; впоследствии (17 марта 1667 г.) онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита—см. Дополн. къ акт. истор., т. V, № 26, стр. 105; № 102, стр. 475) и два иноземныхъ: *Ананія Синайскій* (Матр. для истор. раск. т. II, стр. 170; Дополн. къ акт. истор., № 102, стр. 415; Историч. изслѣд. дѣла п. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2-я стр. 1004) и *Манассія Погонійскій* (Матер. для истор. раск. т. II, стр. 170 прим. 1-е, Дополн. къ акт. истор., № 102, стр. 475).

⁴⁾ Четыре русскихъ: *Мисаилъ Коломенскій* (Матер. для истор. раск. т. II, стр. 170, примѣч. 1-е, Дополн. къ акт. истор., т. V, № 102, стр. 475; возведенъ во епископа изъ архимандритовъ Симонова Монастыря 9 іюня 1667 г.—

ство архимандритовъ, игуменовъ ¹⁾, протопоповъ и другихъ духовныхъ особъ и русскихъ и иноземныхъ ²⁾. Изъ представителей же гражданской власти въ немъ по временамъ принимали живое участіе самъ царь Алексѣй Михайловичъ и весь его царскій синклитъ, состоящій изъ князей, бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, дьяковъ и другихъ придворныхъ сановниковъ ³⁾.

Не менѣе знаменитъ этотъ соборъ и по своей значительной *продолжительности*. Начавшись въ февралѣ, или даже январѣ мѣсяцѣ ⁴⁾ 1666 года, соборъ этотъ закончился въ кон-

см. Дополн. къ акт. ист., V т., № 26, стр. 109), *Александръ Вятскій* (см. Матер. для ист. раск. т. II, стр. 80, 83, 92, 97, 106, 110, 115, 170 прим.; Дополн. къ акт. ист., т. V, № 102, стр. 448, 451, 452, 455, 456, 457, 458, 478; „Истор. изслѣд. дѣла патр. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2, с. 1004), *Лазарь Барановичъ Черниговскій*, *Меводій Мстиславскій*, блюститель Кіевской митрополіи; и одинъ иностранецъ—*Іоакимъ Діаковичъ изъ Сербославоніи* (Матер. для ист. раск., т. II, стр. 170, примѣч. 1-е, Дополн. къ акт. ист. т. V, № 102, стр. 475—476; „Историч. изслѣдов. дѣла патр. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2, прилож., стр. 1004).

¹⁾ Мат. для ист. раск. т. II, стр. 68 примѣч. 1-е, 78—79 прим. 3-е, 81, 83, 92, 97, 106, 110, 115, 119, 170—171 примѣч. 1-е, Дополн. къ акт. ист., раск., т. V, № 102, с. 448, 451, 452, 455—457, 458, 476; „Истор. изслѣд. дѣла п. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2-я, прилож., стр. 1004—1005.

²⁾ Матер. для истор. раск., т. II, стр. 170, 207; Дополн. къ акт. истор. т. V, № 102, стр. 476.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 68—74, 77, 166—167, 171, 173—174, 176, 180, 209, 344, 377, 398; Дополн. къ акт. истор., т. V, № 102, стр. 454—447, 478—479, 491, 495; „Историч. изслѣдов. дѣла патр. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2-я, прилож., стр. 998—1003, 1005—1022, 1032—1037, 1042—1071, 1074—1077, 1080—1092, 1098.

⁴⁾ Въ „Матер. для исторіи раск.“ (т. II, на стр. 61) и въ „Дополн. къ акт. истор.“ (т. V, на стр. 442) сказано, что соборъ составилъ въ *февралѣ 1666 года*, а въ черновомъ спискѣ дѣяній этого собора, находящемся въ библиотекѣ Московской духовной Академіи (№ 18) (См. Матер. для истор. раск., т. II, стр. 49 примѣч. 1-е), въ спискѣ 1-й главы дѣяній собора 1667 года, хранящемся въ библиотекѣ Московской Синодальной Типографіи, въ печатномъ изданіи этой главы при служебныхъ 1667 и 1668 годовъ и въ изданіи ея греческаго перевода (сдѣланномъ архимандритомъ Германомъ Афонидисомъ) за-

цѣ 1667 года, приблизительно въ первой половинѣ сентября мѣсяца ¹⁾, и, слѣдовательно, съ нѣкоторыми перерывами продолжался болѣе, чѣмъ полтора года.

Такимъ образомъ, и по составу своихъ членовъ, и по своей продолжительности Московскій соборъ 1666—1667 годовъ представляетъ изъ себя крупное и выдающееся событіе въ исторіи Русской церкви.

Такое крупное историческое событіе, конечно, не могло быть случайнымъ явленіемъ: должны быть какія-нибудь подготовительныя причины, которыя бы вызвали его. *Какія же были эти причины?*

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы считаемъ нужнымъ обратиться къ состоянію русской церкви въ XVII столѣтіи.

Никогда русская церковная жизнь не отличалась такимъ сильнымъ оживленіемъ, какъ именно въ это столѣтіе.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, интересовавшихъ русское общество того времени, былъ *вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ*.

Наши *богослужебныя книги* уже съ давнихъ поръ отличались своею крайнею неисправностью. Эта неисправность выража-

---

мѣчается, что соборъ начался „въ царствующемъ величѣмъ градѣ Москвѣ въ январѣ 1666 года (См. Матер. для истор. раск., т. II, стр. 201 примѣч. 2 е, 202-я примѣч. 1-е).

¹⁾ Такъ нужно полагать на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) прежде всего, на это время падаетъ самое послѣднее распоряженіе собора, какое только намъ известно. Это распоряженіе касается послѣдняго допроса бывшаго расколоучителя, соловецкаго старца Герасима Фирсова (Матер. для ист. раск., т. III, стр. 115—117); 2) затѣмъ, въ „патріаршихъ выходахъ“, напечатанныхъ въ Дополн. къ акт. истор. (т. V, № 26) есть указаніе на то, что въ началѣ сентября 1667 года русскіе архіереи стали оставлять Москву и уѣзжать въ свои епархіи: такъ, подъ 19 мѣ сентября замѣчено, что бѣлгородскій митрополитъ Θεодосій „поѣхалъ въ Бѣлгородъ“, и на его мѣсто „у церкви Архангела Михаила въ соборѣ“ государь „велѣлъ быти... епископу Іоакиму Сербскому“ (стр. 115). Русскіе же архіереи не иначе могли возвращаться въ свои епархіи, какъ только по окончаніи собора...

лась, съ одной стороны, въ разнообразномъ содержаніи *однихъ и тѣхъ же богослужебныхъ книгъ*, а съ другой,—въ *массѣ грубыхъ погрѣшностей въ каждой изъ нихъ*.

Первое зависѣло отъ того, что источникомъ нашихъ богослужебныхъ книгъ были не однѣ только греческія книги, но и книги южнославянскихъ церквей. Книги же этихъ церквей иногда во многомъ отличались отъ греческихъ богослужебныхъ книгъ. Отсюда, въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, переведенныхъ съ книгъ различныхъ православныхъ церквей, неизбежно должно было появиться множество разногласій и „въ чинахъ, и уставахъ, и въ стихахъ и молитвахъ“ ¹⁾.

Что же касается грубыхъ ошибокъ въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, то онѣ зависѣли частью отъ *переводчиковъ* и *переписчиковъ*, а частью даже—и отъ *нѣкоторыхъ злоумышленныхъ лицъ*.—*Переводчиками* нашихъ книгъ были или греки, или славяне. Но первые плохо знали языкъ славянскій, а вторые—греческій. Отсюда, по выраженію ученика Максима Грека, Нила Курлятева, выходило то, что „прежніи переводницы“ перевели богослужебныя книги „ино гречьски, ово словенски, и ино сербски и другая болгарскы“ ²⁾.—Многія изъ ошибокъ въ богослужебныхъ книгахъ своимъ происхожденіемъ обязаны были и *переписчикамъ*. Послѣдніе часто

---

¹⁾ Объ этой причинѣ разногласій въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ свидѣтельствовалъ самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ своей грамотѣ, посланной отъ 8-го ноября 1616 года на имя Діонисія, игумена Троицко-Сергіева монастыря, въ такихъ словахъ: „во многихъ городѣхъ, при прежнихъ Великихъ Государѣхъ, Царѣхъ и Великихъ Князѣхъ всеа Русіа многіе переводники отъ всѣхъ языкъ много святыхъ книгъ на Рускій языкъ преложиша, и отъ тѣхъ разныхъ пореводниковъ переводы избирали и выписывали церковныя всякія потребы, и того для рознятся во многихъ мѣстахъ, чины и уставы и стихи и молитвы не сходятся“. (См. Акты Археограф. Экспедиц., т. III, № 329, стр. 482).

²⁾ См. Православ. Обзоріе 1887 г., т. I, соч. проф. Н. Каутерева—„Патріархъ Никонъ, какъ церковный реформаторъ, и его противники“, стр. 315—316, примѣч. 52-е.

въ одномъ случаѣ дѣлали пропуски, въ другомъ,—наоборотъ, допускали свои добавленія, въ видѣ поясненія,—въ родѣ, напр. того, что въ евангеліи Маттея V, 22: „рака бо речется сирски оплеванъ“¹⁾; иногда они неправильно раздѣляли слова въ первоначальномъ сплошномъ славянскомъ текстѣ; иногда, при письмѣ подѣ диктовку, смѣшивали созвучныя слова и писали, напр., вмѣсто „помогая“—„помахая“, вмѣсто „видѣста очи“—„видѣста отцы“²⁾ и т. под.. Наконецъ, много погрѣшностей внесли въ богослужебныя книги и злоумышленныя лица. Такъ, по свидѣтельству митрополита Геннадія, жидовствующие еретики часто искажали книги примѣнительно къ своему ученію,—а по свидѣтельству инока Вассіана Патрикѣева, многіе монахи, желая доказать право монастырей владѣть вотчинами, нерѣдко „изъ святыхъ божественныхъ книгъ выкрадывали святыхъ отецъ писаніе и на то мѣсто вносили полезныя себѣ свидѣтельства“³⁾.

Сказанное о неисправности богослужебныхъ книгъ въ XVII вѣкѣ можетъ быть отнесено и къ *церковнымъ обрядамъ*. И въ этихъ послѣднихъ замѣчалось крайнее разногласіе между собою: въ однихъ, напр., мѣстахъ употребляли одни обряды, въ другихъ—другіе. Это зависѣло, прежде всего, отъ того, что церковныя обряды къ намъ переходили изъ Греціи; а такъ какъ въ этой послѣдней часто въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ употреблялись различныя обряды, то и не удивительно, что это разнообразіе переносилось и въ русскую церковь. Вотъ почему въ это время на ряду съ троеперстіемъ мы встрѣчаемъ на Руси и двоеперстіе, на ряду въ пятипросфоріемъ—и седмипросфоріе и т. под. Но, съ другой стороны, въ этомъ разнообразіи церковныхъ обрядовъ отчасти были вино-

¹⁾ Описан. рук. Синод. библ., отд. I, стр. 242.

²⁾ Странникъ 1885 г., т. I, стр. 209—225.

³⁾ См. „Руководство по истор. и общ. старообрядч. раскола“. Н. Ивановскаго, ч. I, стр. 17,

наты и сами русскіе люди, нерѣдко допускавшіе новшества и прямыя непохвальныя вольности въ обрядахъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, и *богослужебныя наши книги, и церковные обряды въ XVII вѣкѣ* были въ крайнемъ неисправленіи и разногласіи между собою.

Лучшіе и благомыслящіе люди того времени видѣли это видѣли они также, что дѣлу не можетъ помочь и самое печатаніе богослужебныхъ книгъ, ибо разногласіе и погрѣшности въ этихъ книгахъ оставались и послѣ ихъ напечатанія. Но отъ чего же это происходило? Отъ того, что самые оригиналы, съ которыхъ печатались книги, были полны разногласія и погрѣшностей. Очевидное дѣло, что прежде, чѣмъ начать печатать богослужебныя книги, нужно сначала пересмотрѣть и исправить самые ихъ оригиналы. И вотъ на протяженіи всей первой половины XVII столѣтія мы видимъ цѣлый рядъ попытокъ къ исправленію богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ. Но эти попытки не заходили далѣе исправленія богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ по добрымъ славянскимъ переводамъ и на основаніи русской церковной практики ²⁾). Конечно, такое исправленіе не могло привести къ благимъ результатамъ: въ богослужебныхъ книгахъ и церковныхъ обрядахъ попрежнему оставалось „многое вѣкое и преизлишно... разгласіе“ ³⁾). Сами издатели книгъ откровенно сознавались въ неисправности своихъ изданій и просили себѣ прощенія. Такъ, напр., въ концѣ потребника (1639 г.), изданнаго при патріархѣ Іоасафѣ 1-мъ, говорится; „молимъ

¹⁾ См. Богосл. Вѣстн. за 1892 г., отд. II, янв., фвр. и мартъ, статьи проф. Е. Голубинскаго: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“.

²⁾ См. соч. „Расколъ, облизаемый своею исторіею“. Изд. второе. СПб. 1854 г. Стр. 36—42; „Истор. о расколахъ въ Церкви Россійской“, соч. Игнатія, архіеп. Воронежскаго и Задонскаго, ч. 1-я. Изд. 2-е. СПб., 1862 г., Стр. 129, 130—133, 143—144; „Руководство по истор. и обличен. старообр. раскола“. Н. Ивановаго, ч. 1-я, Казань, 1886 г., стр. 24—29.

³⁾ Послѣслов. къ Потребн. 1622—1623 г.

вы, о христоименитіи всякаго чина отецъ и братію, егда поюще и славяще по симъ книгамъ Христа Бога нашего и Пречистую Его Матерь и всѣхъ святыхъ, и аще что узрите въ ихъ нашимъ забвеніемъ или невѣдѣніемъ просто что и неисправлено или погрѣшено отъ неразумія, то простите насъ грѣшныхъ потрудившихся о сихъ, а не кляните, ниже уничижите, зане забвеніе и неразуміе надъ всѣми хвалится¹⁾.

Такимъ образомъ, исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ по добрымъ славянскимъ переводамъ и на основаніи русской церковной практики не привело ни къ какимъ благимъ результатамъ. Нужно было найти болѣе правильный и надежный способъ исправленія. Такой способъ указалъ еще въ XVI столѣтіи преподобный Максимъ Грекъ. Способъ этотъ состоялъ въ приведеніи нашихъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ въ полное соотвѣтствіе съ греческими богослужебными книгами и обрядами. Какъ ни хорошъ былъ этотъ способъ исправленія, но онъ шелъ въ разрѣзъ съ основными воззрѣніями русскаго общества XVII столѣтія. Дѣло въ томъ, что у насъ на Руси къ этому времени составилъ неправильный взглядъ, съ одной стороны, на православіе грековъ, а съ другой,—на свое собственное православіе. „У грековъ, по этому взгляду, вѣра пестра: по взятіи турскимъ султаномъ Царьграда, православіе у нихъ погибло, и они теперь, подъ личиною православія, содержатъ ереси: латинскую, кальвинскую и армянскую“²⁾. Такое паденіе православія среди грековъ зависѣло главнымъ образомъ будто-бы отъ того, что они печатали свои священныя и богослужебныя книги въ латинскихъ городахъ—Римѣ, Парижѣ и

¹⁾ См. „Исторію о расколахъ въ Церкви російской“, Игнатія, архіеу. Воронеж. и Задонск. ч. 1-я, изд. 2-е, СПб. 1862 г.

²⁾ См. „Историч. очерки половщины“ П. Мельникова, ч. 1, стр. 19, Москва, 1864 г.; Матер. для истор. раск., т. VII, стр. 396—397; т. VIII, стр. 117, т. III, стр. 253; т. VI, стр. 34.

Венеціи, и латиняне при этомъ, будто-бы, получали возможность помѣщать въ греческія книги своя ереси ¹⁾. Но если православіе затемнилось и исказилось разными латинскими „прелестями“ среди грековъ, то оно сохранилось во всей своей чистотѣ и неизмѣнности въ русскомъ московскомъ государствѣ. Здѣсь, во „всесвѣтлой Россіи“ ²⁾, православіе сіяетъ, „аки солнце посреде круга небеснаго“ ³⁾. Какъ охранительница чистаго, ничѣмъ не помраченнаго, православія, Москва есть третій и послѣдній Римъ ⁴⁾. Падетъ православіе на Москвѣ, падетъ оно и во всей вселенной. А за совершеннымъ паденіемъ православной вѣры во вселенной должны послѣдовать пришествіе антихриста и кончина міра.

Понятно, что, при такихъ воззрѣніяхъ русскаго общества XVII столѣтія, всякое исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ по греческимъ книгамъ и обрядамъ есть только искаженіе чистаго православія, есть введеніе въ него всевозможныхъ латинскихъ ересей, приближающее человѣчество къ роковымъ событіямъ—пришествію антихриста и кончинѣ міра. Естественно, что сторонники такихъ воззрѣній должны были сильно возстать противъ подобнаго способа исправленія богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ.

Такъ на самомъ дѣлѣ и было. Лишь только патріархъ Никонъ рѣшился привести въ полное соотвѣтствіе русскія церковныя книги, чины и обряды съ современными гречес-

¹⁾ Матер. для ист. раск., т. III, стр. 258—259; ср. т. VIII, стр. 116—117; ср. т. VII, стр. 396; См. также челобитную палеопатрасскаго митрополита Θεοφана, поданную имъ русскому государю въ 1645 году,—въ соч. проф. Н. Каптерева: „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (Чтен. въ Общ. Любит. Дух. Просвѣщ. Ноябрь, 1884 г., стр. 536—537).

²⁾ Матер. для ист. раск., т. VII, стр. 86,

³⁾ Тамъ же, т. III, стр. 309—310; ср. стр. 159, 246—247, 256; т. VII стр. 86; т. I, стр. 58—59; т. VI, стр. 276.

⁴⁾ Тамъ же, т. III, стр. 247; ср. т. VI, стр. 277; т. VII, стр. 86—87, 396.

кими, какъ противъ него возстали ревнители русской церковной старины. Это были видные попы и протопопы на Москвѣ—Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ, Даниилъ, Логгинъ и Никита. Недовольные лично патріархомъ за то, что онъ устранилъ ихъ отъ участія въ церковномъ управленіи ¹⁾, и въ то же время будучи горячими поборниками родной церковной старины, они выступили съ протестомъ противъ реформаторской дѣятельности Никона: всюду и всѣмъ они проповѣдывали, что Никонъ не править, а только портить книги, что онъ „остави совершенно вѣру христіанскую, пріять же зло-вѣріе жидовское и ересь аріеву, несторіеву, македоніеву, діоскорову, аполинаріеву, маркіоницкую, маркелову и совершенно возлюбил ересь богоотметную римскую, и равенъ есть патріархъ съ папою Петромъ Гугнивымъ еретикомъ, яко христоименитую вѣру во всемъ съ латиною соедини, и явный есть христіанскій гонитель и папескій ревнитель“ ²⁾. Сбываются, говорили они далѣе, слова Свящ. Писанія: „*Яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ* и проч.; а нигдѣ тово нѣтъ, чтобъ въ послѣдняя времена исправлять вѣру. *Отступятъ, рече, и отъ истины слухъ отворотятъ и къ баснемъ уклонятся. И другое писаніе глаголетъ: поклонятся прелести вси живущіи на земли и проч.*“ ³⁾. Такая проповѣдь расколоучителей производила глубокое и неотразимое впечатлѣніе на мистически

¹⁾ Въ патріаршество Іосифа эти попы и протопопы, во главѣ съ царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ, составляли изъ себя особый кружокъ ревнителей благочестія и заправляли почти всѣми церковными дѣлами. Къ кружку этому, между прочимъ, принадлежала царь Алексѣй Михайловичъ, бояринъ Феодоръ Ртищевъ и самъ Никонъ до своего патріаршества. (Подробно объ этомъ см. въ соч. проф. Н. Калитерова — „Патріархъ Никонъ, какъ церковный реформаторъ, и его противники“—Правосл. Обозр. 1887 г., т. I, стр. 772—831). См. Матер. для истор. раск., т. I, стр. 36, 47, 275.

²⁾ Матер. для истор. раск., т. II, стр. 86; ср. г. IV, стр. 95—97.

³⁾ Тамъ же, т. IV, с. 216; ср. стр. 218, 240.

настроенный народъ ¹⁾. Послѣдній не могъ не вѣрить ихъ фанатической проповѣди, такъ какъ, повидимому, все говорило въ ихъ пользу: съ одной стороны, всѣ эти попы и протопопы пользовались необыкновеннымъ почетомъ и уваженіемъ при дворѣ ²⁾ и въ народѣ, слыли за людей „зѣло искусныхъ“ въ словѣ Божіемъ и отеческихъ писаніяхъ ³⁾; а съ другой стороны, разныя народныя бѣдствія какъ бы подтверждали ихъ проповѣдь. Народъ нашъ всегда считалъ общественныя бѣдствія наказаніемъ Божиимъ за грѣхи. А тутъ какъ на грѣхъ Россію постигли разныя бѣдствія: моровая чума, неурожай, страшные морозы, бури и т. под. ⁴⁾. Какъ послѣ этого было не вѣрить проповѣди московскихъ поповъ и протопоповъ!... И вотъ многіе отдѣляются отъ церкви и образуютъ свое собственное *раскольникове общество*.

Такое удаленіе многихъ изъ церкви Божіей, конечно, не могло ускользнуть отъ вниманія высшей церковной власти. Патріархъ Никонъ прекрасно сознавалъ, какое великое зло приносятъ церкви московскіе расколучители, и онъ рѣшился разъ на всегда отдѣлаться отъ этихъ столповъ раскола: всѣхъ ихъ онъ высылалъ изъ Москвы въ разныя мѣста на заточеніе ⁵⁾. Аввакумъ отправленъ былъ, по его собственнымъ словамъ, „въ Сибирь“ ⁶⁾. Даніиль, протопопъ костромской, по

¹⁾ Въ XVII столѣтіи среди русскаго народа было сильно распространено мнѣніе, что скоро должны наступить прішествіе антихриста и кончина міра (см. „Русскій расколъ старообрядства“ А. Шапова, стр. 87—90). Въ сочиненіи Захарія Копыстенскаго „Палинодія“ даже прямо указывался и самый годъ этихъ событій, — именно 1666 (См. Русск. ист. библ. IV, 316).

²⁾ Матер. для ист. раск., т. I, стр. 36.

³⁾ Тамъ же, стр. 262—264; см. „Автобіографію протопопа Аввакума“ (Лѣтописи русск. литер. и древн. 1859—1860 г., кн. VI, 2-й, стр. 122); см. также сочин. проф. Каптерева — „Патріархъ Никонъ, какъ церковн. реформ., и его противн.“ (Прав. Обзор. 1887 г., т. I, стр. 777—784, 806).

⁴⁾ См. „Историческіе очерки поповщины“ П. Мсльникова, ч. 1-я стр. 12.

⁵⁾ Матер. для истор. раск., т. VI, стр. 197.

⁶⁾ „Автобіограф. протоп. Аввакума“ (См. Лѣтописи русск. литер. и древн. 1859—1860 г., VI, 2-й, стр. 129).

разстриженіи, посланъ въ Астрахань. Логгинъ, протопопъ муромскій, по лишеніи сана, отправленъ въ свой городъ Муромъ ¹⁾. Протопопъ Іоаннъ Нероновъ, по лишеніи скуфи, сначала содержался въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, потомъ посланъ былъ въ Спасокаменскій вологодскій, а оттуда въ Кандалакшскій монастырь ²⁾. Можно думать, что и остальные два попа—Лазарь Романовскій и Никита суздальскій не были оставлены въ Москвѣ и также были разосланы по своимъ городамъ.

Разославъ, такимъ образомъ, главныхъ расколоучителей по отдаленнымъ уголкамъ Россіи, патріархъ Никонъ значительно тѣмъ самымъ ослабилъ появившійся расколъ: послѣ такой расправы съ расколоучителями ужъ никто не могъ выступить съ открытою проповѣдью раскола. Въ сильномъ ослабленіи раскола сознавались даже и сами зачинщики раскола. Такъ, Нероновъ въ письмѣ къ протопопу Стефану Вонифатьеву, отъ 27-го февраля 1654 года, писалъ между прочимъ: „увы мнѣ, яко погиге благоговѣйный отъ земли и исправляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть, и нѣсть творяй благое, нѣсть до единого“ ³⁾, т. е. нѣтъ болѣе ревностныхъ защитниковъ и послѣдователей раскола.

Но такое положеніе раскола было непродолжительное. Скоро, благодаря интригамъ бояръ, палъ самъ патріархъ Никонъ. Его паденіе было торжествомъ для раскола. Видные дѣятели послѣдняго снова появляются въ Москвѣ. Таковы были протопопы—Аввакумъ и Іоаннъ Нероновъ. Снова они начали, не стѣсняясь ничѣмъ, хулить и возставать „на ис-

¹⁾ См. „Автобіогр. протоп. Аввакума“ (Лѣтописи русск. литер. и древн. 1859—1860 г., кн. VI, отд. 2 й, стр. 127—128). Матер. для истор. раск., т. I, стр. 24—25.

²⁾ См. „Автобіогр. прот. Аввакума“ (Лѣтоп. русск. лит. и древн. 1859—1860 г., кн. VI, отд. 2, стр. 127); ср. Матер. для ист. раск., т. I, стр. 134—135, 282—283.

³⁾ См. Матер. для истор. раск., т. I, стр. 75.

правленія святого Символа и книгъ новопечатныхъ, на сложеніе тріехъ первыхъ перстовъ въ знаменіи крестомъ, на крестъ четвероконечный, на просфорахъ воображаемый, на греческія книги, на святѣйшія четыре патріархи и на иная благочинія церковная¹⁾. Ихъ проповѣдь на Москвѣ не осталась безъ результатовъ: они нашли себѣ здѣсь ревностныхъ послѣдователей и *среди духовенства, и въ боярскихъ теремахъ, и среди самаго простаго народа.*

Среди московскаго *духовенства* видными распространителями раскольническаго суетвѣрія были *Теодоръ*, діаконъ Благовѣщенскаго собора²⁾, *Спиридонъ*, архимандритъ Покровскаго монастыря³⁾, *Теоктистъ*, игуменъ Златоустава монастыря⁴⁾, *Серапіонъ*, Симоновскій уставщикъ⁵⁾, и многіе другіе. Всѣ эти лица и словомъ, и писаніями, старались всюду пропагандировать ученіе своихъ видныхъ учителей.

И въ *боярскихъ теремахъ* Аввакумъ и Іоаннъ Нероновъ находили себѣ ревностныхъ послѣдователей. Здѣсь преимущественно ихъ ученіе воспринимали женщины. Таковы были, напр., знаменитая боярыня *Теодосія Морозова*, сестра ея—княгиня *Евдокія Урусова*⁶⁾, боярыня *Анна Петровна* изъ фамиліи Милославскихъ⁷⁾ и др. Какъ богатныя особы, онѣ оказывали всѣмъ нуждающимся матеріальную помощь: ходили по городскимъ улицамъ, по богадѣльнямъ и темницамъ

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 115—116; ср. стр. 5—8, 26—27, 81—82; т. I, стр. 197—198, 199; см. также Лѣтоп. русск. лит. и древн. 1859—1860 г., кн. VI, отд. 2-й, стр. 146—147, 151.

²⁾ Матер. для ист. раск., т. II, стр. 9, 30, 92—93.

³⁾ Тамъ же, т. VI стр. 231—232.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 9, 116.

⁵⁾ Тамъ же, т. I, стр. 426—431; т. II, стр. 15, 109.

⁶⁾ Тамъ же, т. VIII, стр. 145—159; т. I, стр. 308—320; ср. Лѣтоп. русск. лит. и древн. 1859—1860 г., кн. VI, отд. 2-й, стр. 150.

⁷⁾ Матер. для ист. раск., т. I, стр. 313; т. V, стр. 66; ср. Лѣтоп. русск. лит. и древн. 1859—1860 г., VI, отд. 2-й, стр. 150.

и всюду всѣмъ подавали руку помощи ¹⁾). Естественнo, что, при такой своей филантропической дѣятельности, онѣ легко могли склонить многихъ на сторону своихъ раскольническихъ убѣжденій.

Не мало было видныхъ послѣдователей раскола и *среди простого народа*. Здѣсь на себя обращаютъ особое вниманіе *юродивые*. Таковы были, напр., „блаженный *Кипріанъ*, многострадальный *Теодоръ* и трудникъ нелѣностей *Аванасій*“ ²⁾). Всюду, по Москвѣ, они проповѣдывали „доброту древняго благочестія“; часто даже бѣгали за царской колесницей и смѣло кричали царю: „добро бы, самодержавный, на древнее благочестіе вступить“ ³⁾!

Проповѣдь всѣхъ этихъ проповѣдниковъ раскола имѣла большой успѣхъ на Москвѣ: расколъ свилъ себѣ здѣсь прочное и крѣпкое гнѣздо.

Но предѣлами Москвы расколъ не ограничился: зло широко и далеко разлилось и по другимъ, часто даже отдаленнымъ, мѣстамъ Россіи. Здѣсь, въ провинціи, главными проповѣдниками раскола были лица преимущественно духовнаго сословія. Таковы были, напр., *Александръ*, епископъ вятскій ⁴⁾), *Антоній*, архимандритъ муромскаго Спасскаго монастыря ⁵⁾), *Серій* *Салтыковъ*, старецъ изъ Бизюковскаго монастыря ⁶⁾), монахъ *Ефремъ* *Потемкинъ*, подвизавшійся на пользу раскола въ дремучихъ нижегородскихъ лѣсахъ ⁷⁾), старцы соловецкіе—*Герасимъ* *Фирсовъ* ⁸⁾), *Епифаній* ⁹⁾) и очень

¹⁾ Матер. для истор. раск., т. VІІІ, стр. 148, 154, 184.

²⁾ Матер. для ист. раск., т. I, стр. 310; ср. Лѣтоп. русск. лит. и древн. 859—1860 г., VI, отд. 2-й, стр. 151, 154—156, 159, 167.

³⁾ См. „Руковод. по ист. и облич. старообрядч. раск.“ Н. Ивановича, ч. I-я, стр. 55.

⁴⁾ Матер. для ист. раск., т. II, стр. 79.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 11—12 и 117; т. I, стр. 451—457.

⁶⁾ Тамъ же, т. II, стр. 13, 118.

⁷⁾ Тамъ же, т. I, ст. 444—451; т. 2, стр. 13—15, 97—105.

⁸⁾ Тамъ же, т. II, стр. 17, 117; т. III, стр. 107—114.

⁹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 24—26, 30, 34.

многіе другіе. Всѣ эти лица такъ или иначе—кто письменно, кто проповѣдью, кто матеріальною поддержкою другихъ—всецѣло служили общему дѣлу раскола.

Итакъ, въ періодъ междупатріаршества расколъ въ Россіи достигъ самыхъ колоссальныхъ размѣровъ. Отцы собора 1666—1667 годовъ такъ рисуютъ картину тогдашняго состоянія раскола: „грѣхъ ради нашихъ, Божиимъ поущеніемъ, супостата же нашего діавола ратованіемъ, мнози невѣжды, не точію отъ простыхъ, но и отъ священныхъ, ови отъ многого невѣдѣнія божественныхъ Писаній и житія растлѣнна, ови же и во образѣ благоговѣнія и житія мнимаго добродѣтельнаго, являющеса быти постни и добродѣтели, полни же всякаго немыслства и самомнѣннаго мудрованія, иже мнящеса быти мудріи обюродѣша, ови же мнящеса и отъ ревности (и таковы имуще ревность, но не по разуму), возмутиша многихъ души неутверженныхъ, ови убо устно, ови же писменно, глаголюще и пишуще, якоже возшепта имъ сатана. Нарицають бо книги печатныя при святѣйшемъ Никонѣ патріарсѣ быти еретическія и чины церковныя, яже исправишася съ греческихъ книгъ и обычаевъ, съ древнихъ російскихъ книгъ; крайнего архіерея, святѣйшаго Никона, патріарха бывшаго Московскаго, злословять, имяны хульными нарицають ложно, и весь архіерейскій чинъ уничижаютъ: ибо возмущають народъ буйствомъ своимъ и глаголють церкви быти не церкви, архіереи не архіереи, священники не священники, и прочая многая ихъ таковая бляденія“ ¹⁾.

Такое сильное распространеніе раскола обратило на себя вниманіе верховнаго правительства. Благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ, „огнемъ ревности святыхъ раждеженьсый“, подобно „благовѣрному царю Константину и прочимъ... благочестивымъ царямъ“, для поправленія новаго врага церкви—

¹⁾ Матер. для истор. рас., т. II, втр. 121—122; ср. 204—206.

раскола, „повелѣ“ собору быти... въ царствующемъ преименитомъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ“ ¹⁾).

И такъ, появленіе и распространіе старообрядческаго раскола въ началъ второй половины XVII столѣтія было первымъ и главною побудительною причиною къ созванію Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ.

Но это была не единственная причина созванія указаннаго собора.

Появившійся расколъ имѣлъ и всѣ благопріятныя условія для своего дальнѣйшаго развитія. Эти условія крылись въ различныхъ безпорядкахъ русской церковной жизни XVII столѣтія. Безпорядки замѣчались а) съ одной стороны, въ церковномъ управленіи и судѣ, б) съ другой,—въ богослуженіи и с) наконецъ, въ религіозно-нравственномъ состояніи духовенства и мірянъ.

а) Въ церковномъ управленіи въ XVII столѣтіи замѣчался крайній недостатокъ какъ центрально-правительственнаго, такъ и епархіальнаго надзора. Первый недостатокъ зависѣлъ отъ того, что русскіе епископы того времени не всегда собирались ни ежегодные соборы для совѣщанія объ общихъ нуждахъ и потребностяхъ современной церковной жизни ²⁾. Второй же—отъ того, что русскія епархіи были слишкомъ обширны, тогда какъ число архіереевъ было очень ограничено ³⁾. При такомъ положеніи вещей, расколъ, конечно, могъ свободно и успѣшно разливаться по лицу земли русской, не встрѣчая для себя никакого препятствія.

Если присмотрѣтся къ церковному суду того времени, то и тамъ можно найти много данныхъ для развитія и распространія раскола. Въ самомъ дѣлѣ, все духовенство, не исключая и архіереевъ, въ исковыхъ дѣлахъ, по Уложенію царя

¹⁾ Тамъ же, стр. 60; ср. „Истор. Россія съ древнѣйш. временъ“ С. Соловьева, т. XI, с. 334—335.

²⁾ Матеріал. для истор. раск. т. II, стр. 249—250.

³⁾ Тамъ же. Стр. 377, 381, 427.

Алексѣя Михайловича, судилось свѣтскими судьями въ монастырскомъ приказѣ ¹⁾. Эти свѣтскіе судьи нерѣдко притѣсняли духовныхъ-подсудимыхъ, нерѣдко въ продолженіи долгаго времени владчили ихъ изъ палаты въ палату, изъ одного суда въ другой. Забитое и подавленное притѣсненіемъ боярскаго суда духовенство, конечно, не могло уже болѣе пользоваться уваженіемъ въ средѣ народа. Послѣдній не иначе относился къ нему, какъ только съ презрѣніемъ и насмѣшками. А отсюда уже недалеко былъ шагъ къ тому, чтобы окончательно порвать всякія связи съ духовенствомъ и церковью и идти въ расколъ... Съ другой стороны, и сами священнослужители, не находя другаго исхода изъ своего жалкаго положенія, часто убѣгали къ раскольникамъ и нерѣдко дѣлались у нихъ видными пропагандистами раскольническихъ суевѣрій.

б) Много безпорядковъ замѣчалось въ XVII столѣтіи и въ *состояніи богослуженія*. Эти безпорядки были какъ въ самомъ отправленіи богослуженія, такъ и въ мѣстахъ богослуженія. Въ отправленіи церковныхъ службъ — литургіи, таинствъ и различныхъ церковныхъ чиновъ — нерѣдко замѣчалось систематическое уклоненіе отъ опредѣленнаго устава; такъ, напр., 9-й часъ иногда пѣлся предъ литургіею, или послѣ нея непосредственно ²⁾; во время великаго выхода, на литургіи, нѣкоторые священники несли „святый потиръ лѣвою рукою“ ³⁾; таинство крещенія часто совершалось по домамъ ⁴⁾, причемъ священники иногда сами не читали молитвъ, но повелѣвали это дѣлать діакону, или кому-либо изъ своихъ причетниковъ ⁵⁾ и т. под. И въ мѣстахъ обществен-

¹⁾ Матер. для истор. раскол. т. II. стр. 247—248, 369; ср. 1-е Полн. собр. зак. т. I, стр. 69—70.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 124.

³⁾ Тамъ же. Стр. 227.

⁴⁾ Тамъ же. Стр. 140.

⁵⁾ Тамъ же. Стр. 228.

наго богослуженія—въ храмахъ того времени нерѣдко можно было замѣтить ужасный безпорядокъ: на полу и стѣнахъ храмовъ много было пыли и паутины, на престолахъ, въ алтаряхъ, одѣянія не всегда были цѣлы и чисты, церковные сосуды часто были въ грязномъ видѣ и безъ покрывшекъ, иконы не всегда размѣщались въ должномъ порядкѣ ¹⁾ и т. под.

Такіе безпорядки при отправленіи богослуженія и въ самыхъ его мѣстахъ производили подавляющее впечатлѣніе на всѣхъ сколько-нибудь благочестивыхъ людей. Послѣдніе нерѣдко прибѣгали къ сравненію православнаго богослуженія съ состояніемъ богослуженія у раскольниковъ. И это сравненіе часто говорило въ пользу послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ у православныхъ замѣчался ужасный безпорядокъ и въ отправленіи богослуженія, и въ самыхъ его мѣстахъ, у раскольниковъ службы отправлялись чинно, по уставу, ихъ молебни и часовни отличались необыкновеннымъ, иногда даже образцовымъ, порядкомъ. Нашъ русскій простолюдинъ, не отличающій внѣшности религіи отъ ея сущности, невольно поражался такимъ образцовымъ состояніемъ богослуженія у раскольниковъ, невольно получалъ увѣреніе, что расколъ есть истинная вѣра, и, такимъ образомъ, уходилъ въ расколъ...

с) Что касается *религіозно-нравственнаго состоянія духовенства и мірянъ* въ XVII столѣтіи, то и оно имѣло много значенія въ дѣлѣ развитія и распространенія раскола по Россіи.

Большинство русскаго *духовенства* того времени не всегда было на высотѣ своего высокаго призванія. Главнымъ его недугомъ былъ духъ своеволія и самоуправства. Этотъ духъ своеволія русскаго духовенства проявлялся и въ отношеніяхъ его къ высшей церковной власти, и при отправленіи богослуженія, и въ обыденной домашней жизни.

¹⁾ Тамъ же. Стр. 126.

Въ отношеніи къ высшей церковной власти духъ противленія и непокорности проявлялся какъ въ бѣломѣ, такъ и монашествующемъ духовенствѣ, И то и другое духовенство нерѣдко отказывалось слушаться приказанія архіереевъ, презирало ихъ запрещенія, старалось освободиться отъ уплаты законныхъ пошлей, епископскихъ судовъ и т. под. ¹⁾).

Тотъ же духъ своеволія проявлялся и *при отправленіи богослуженія*. Здѣсь ужъ духовенство ничѣмъ не стѣснялось и допускало разныя неприличныя вещи. Какъ оно было небрежно по отношенію къ богослуженію, это видно, напр., изъ одной памяти патріарха Іоасафа 1-го, отъ 14 августа 1636 года. Вотъ что онъ, между прочимъ, пишетъ о столичномъ московскомъ духовенствѣ: „вѣдомо.... великому господину святѣйшему Іоасафу, Патріарху Московскому и всеа Русіи, отъ многихъ извѣстися, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ, иже бо суть въ Китаѣ, и въ Бѣломѣ городѣ Каменномъ, и въ Древянномъ, и въ загородныхъ мѣстахъ, въ соборныхъ и въ приходскихъ святыхъ Божіихъ церквахъ чинится мятежъ и соблазнъ и нарушеніе нашея святыхъ и православныхъ христіанскія непорочныя вѣры, что въ святыхъ Божіихъ церквахъ зѣло по скору пѣніе Божіе, не по правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть, и больші, со всякимъ небреженіемъ...; священники.... суть бесѣдующе, и безчинствующе..., и вся яже святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ преданія вотще презирающе, и мірскимъ людямъ о благочиніи и о укрѣпленіи христіанскаго благопробыванія не наказующе и сами безчинствующе, а обѣдни служатъ безъ часовъ, только отпусомъ начинаютъ; а во святые дни святаго Великаго поста, въ нихъ же должны суть православніи христіане, яко въ жатвенное время, съ трудомъ великимъ и воздержаніемъ плоды добродѣтельные собирать въ житницу душевную, а въ

¹⁾ См. Акты Археограф. экспед. т. 3-й № 123, стр. 171—173; ср. Акты истор. т. 5-й, № 75-й, стр. 114.

тѣ великіе дни службы церковныя священники совершаютъ зѣло поспору, не по правиломъ, ни по преданію святыхъ Отець, но по своему умышленію, и лѣнностію и нерадѣніемъ великимъ изнуряютъ время постное; а иніи же бо суть, послѣ обѣдни на Святой недѣлѣ и вечерни отпѣвають, для своихъ пьянственныхъ нравовъ и лѣнностію содержащеся. Такожде и въ воскресные дни, и во Владычьи и Богородичны и въ нарочитыхъ Святыхъ праздники, заутрени священники поютъ гораздо попозду и для позднаго ради времени поютъ зѣло поспору же, и чтенія, иже учинено прочитати на праздники учительныя народомъ евангелія и иныя святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець поученія и Святыхъ Отець житія, то все оставляютъ, а православнымъ христіаномъ того ничего не прочитаютъ, а которымъ чести хотящимъ и они такожде возбраняютъ, рекуще поздаго ради времени“¹⁾.

Нечего уже говорить о *домашней жизни* большей части духовенства XVII столѣтія. Здѣсь его своеволие доходило до крайнихъ предѣловъ: доводило его до полной разнузданности въ жизни и великой безнравственности. Выдающимися его пороками были въ то время *пьянство* и *корыстолюбіе*.— „Въ духовныхъ чинѣхъ, говоритъ въ своемъ окружномъ посланіи въ 1652 году ростовскій митрополитъ Іона, укоренилась злоба сатанинская безмѣрнаго хмѣльна упиванія“²⁾. Тоже подтверждаетъ и Маржеретъ, бывший въ Россіи въ началѣ XVII вѣка, когда говоритъ, что „духовенство русское въ порядкѣ пьянства, самаго неумѣреннаго, не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ“³⁾. И это пьянство было не только среди бѣлаго духовенства, но даже находило себѣ пріютъ и

¹⁾ Акты Археограф. Экспед. т. III, № 264, стр. 401; ср. документъ № 2, напечатанный проф. Каптеревымъ въ Правосл. Обзорѣни 1887 г., т. III, стр. 790—794.

²⁾ Акт. истор. т. IV, № 62, стр. 176; № 151, стр. 296—297; ср. Акт. Археогр. экспед. т. IV. № 321, стр. 481, стр. 481.

³⁾ Арцыбаш.,—Повѣствов. о Россіи, III, примѣч. CXII.

за монастырскими стѣнами. „Вѣдомо намъ учинилось, говорится въ одной царской грамотѣ отъ 1652 года, что въ Московскихъ, въ ближнихъ и въ далнихъ, въ степенныхъ и нестепенныхъ монастырѣхъ, архимандриты, и игумены, и келари, и строители, и казначей, и священники, и братія на монастырскихъ погребехъ и по кельямъ у себя держать хмѣльное питье, вино и пиво и медъ, и про монастырской обиходъ и про себя въ монастырскихъ вотчинахъ вина сидятъ и пива варятъ, и меды ставятъ, и въ монастыри возятъ, и отъ того хмѣльного питья церкви Божіи бываютъ безъ пѣнія“¹⁾.— Съ пьянствомъ въ духовенствѣ неразрывно соединялся и другой главный порокъ—*корыстолюбіе*. Чтобы можно было проводить разгульную жизнь, нужно, конечно, имѣть болѣе или менѣе достаточное обезпеченіе. И вотъ недостойные священники и монахи XVII столѣтія идутъ на различныя корыстныя сдѣлки: то „за мзду“ преподавали тѣло и кровь Христова недостойнымъ²⁾, то совершали незаконные браки³⁾, то занимались различными, неприличными для пастырей церкви, промыслами, въ родѣ, напр., винокуренія⁴⁾, чернокнижія и т. под.

Если такъ низко стояли въ религіозно-нравственномъ отношеніи пастыри церкви, то что послѣ этого можно сказать о *пасомыхъ*?!.. Духъ непокорности и своеволія и здѣсь разливался широкою волною. Этотъ духъ своеволія у мірянъ, какъ и въ духовенствѣ, проявлялся и въ отношеніи къ *духовной власти — пастырямъ церковнымъ*, и

¹⁾ Акты Археогр. Экспед. т. IV, № 328, стр. 489; ср. стр. 490; № 325, стр. 485; № 37, стр. 57—58; см. тамъ же, т. III, № 262, стр. 398—400; № 285, стр. 428; № 298, стр. 440—442; Акт. истор. т. IV, № 151, стр. 296—297; ср. Записки отдѣл. рус. и слав. археол. Импер. рус. арх. Общ. т. II, СПб., 1861, стр. 643, 485—686, 688, 691—695; см. „Истор. изсл. дѣла патр. Никона“ Н. Гиббенета. СПб. 1881 г., ч. 2-я, дополн. прилож. къ 1-й части. Стр. 493.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 141.

³⁾ Акты Археогр. Экспед. т. IV, № 42, стр. 62; ср. № 105, стр. 146.

⁴⁾ Тамъ же, № 116, стр. 162.

по отношенію къ богослуженію, и въ обыкновенной домашней жизни.

Въ средѣ русскихъ православныхъ въ XVII столѣтіи было не мало такихъ лицъ, которые совсѣмъ не уважали „отцовъ“ своихъ духовныхъ, и по приходамъ поповъ, и учительныхъ людей наказанья“ не слушали, „и за наказанье отцомъ духовнымъ и приходскимъ попомъ и учительнымъ людямъ поруганіе и укоризну и безчестье и налогъ“ дѣлами ¹⁾. И это поруганіе и безчестіе пастырей церкви выражалось иногда въ самой грубой формѣ; припомнимъ, напр., какъ новгородцы поступили во время мятежа въ 1650 году съ своимъ митрополитомъ Никономъ, впослѣдствіи бывшимъ великимъ патріархомъ, когда тотъ по долгу пастыря рѣшился ихъ увѣщевать. „Всѣ, говоритъ его біографъ Шушеринъ, „страшнымъ гласомъ возопиша: сей есть самый заступникъ, измѣнничей и ухранитель, и абіе, яко звѣріе, на него устремившеса, начаша его немилостивно бити, овѣи дреколѣмъ, овѣи же камениемъ“ ²⁾....

Не уважая своихъ отцовъ духовныхъ, такіе люди не перестали почитать и храмъ Божій и рѣдко приходили къ богослуженію ³⁾. А если иногда и приходили въ храмъ Божій, то вели себя здѣсь крайне непристойно: одни во время богослуженія бранились между собой и даже доходили до драки, „а иніи“ полагали „пелены на блюдѣхъ и свѣчи“ и собирали деньги, „рекуще, на созиданіе церквамъ; иніи же“ притворялись малоумными, а потомъ ихъ видѣли

¹⁾ Акты истор. т. IV. № 35, стр. 125.

²⁾ См. соч. клирика Іоанна Шушерина — „Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона, патр. Московскаго и всея Россіи“, стр. 16. Изд. Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ икѣнуемаго монастыря. Москва. 1871 г.

³⁾ Акты Археограф. экспед. т. IV, № 19, стр. 32; № 321, стр. 481; № 324, стр. 484; № 334, стр. 497; № 115; стр. 160; ср. Акты. Истор. т. IV, № 35, стр. 124—125; № 151, стр. 296—297.

„цѣлоумными; а „иніи“ ходили „во образѣ пустыническаго и въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ власы; а иніи во время святаго пѣнія во церквахъ“ ползали, „пискъ творяще, и великъ соблазнъ“ производили въ простыхъ чело-вѣцѣхъ“¹⁾).

Не лучше себя вели такіе люди и *въ жизни обыденной*. Порвавши всякія связи съ пастырями церкви и храмомъ Божиимъ, они уже теперь ничѣмъ не стѣснялись: пьянство²⁾, блудъ³⁾ и другіе, имъ подобные, пороки были для нихъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.—

Какое впечатлѣніе послѣ этого могло производить на сколько-нибудь благочестивыхъ людей такое религіозно-нравственное состояніе русскаго духовенства и мірянъ XVII столѣтія?!... Конечно,—самое удручающее. Считаая внѣшнее благоповеденіе и порядокъ мѣриломъ истинности, чистоты и неповрежденности вѣры, такіе люди часто не могли устоять противъ соблазна и нерѣдко дѣлались жертвою фанатичныхъ проповѣдниковъ раскола.....

Такимъ образомъ, безпорядки въ *церковномъ управленіи и судѣ*, въ *богослуженіи* и въ *религіозно-нравственномъ состояніи русскаго духовенства и мірянъ XVII вѣка* были благопріятными условіями для развитія и распространенія раскола.

Нужно было уничтожить всѣ эти безпорядки церковные, дававшіе расколу начала жизни и силы, подкрѣпленія и развитія; нужно было обновить всю церковно-общественную жизнь. За все это и взялись отцы Большаго Московскаго собора 1666—1667 годовъ.

¹⁾ Акт. Археограф. экспед. т. III, № 264, стр. 402; ср. стр. 403—404; см. тамъ же т. IV, № 334, стр. 497; стр. Акт. Истор. т. IV, № 151, стр. 296—287; 1-е Полн. собр. зак. т. I, № 47, стр. 246.

²⁾ Акт. Археогр. экспед. т. III, № 264, стр. 402; Акт. Ист. т. IV, № 35, стр. 124—123.

³⁾ Акт. Археогр. экспед. т. III, № 177, стр. 259, т. IV, № 105, стр. 146; ср. Акты Истор. т. IV, № 35, стр. 125.

Итакъ, появленіе разныхъ безпорядковъ въ русской церковно-общественной жизни—вотъ была вторая побудительная причина къ созванію указаннаго собора.—

Наконецъ, третьею такою причиною было дѣло патріарха Никона.

Уже съ самаго начала своего патріаршества своею кипучею и разностороннею дѣятельностію Никонъ нажилъ себѣ цѣлый сонмъ враговъ въ средѣ бояръ, духовенства и фанатичныхъ ревнителей старины.

Бояре ненавидѣли его за то, что своимъ умомъ онъ затмилъ ихъ при дворѣ, что часто, въ силу особыхъ полномочій отъ государя, дѣлалъ властныя распоряженія по управленію государствомъ ¹⁾ и нерѣдко громилъ ихъ безнравственность, преслѣдуя легкость и небрежность, съ какою они относились къ уставамъ церкви и нѣкоторымъ благочестивымъ обычаямъ старины ²⁾.

Не любило Никона и духовенство: высшее—за его властное съ нимъ обращеніе ³⁾, а низшее—за то, что онъ требовалъ отъ него образованія и нерѣдко наказывалъ его за безнравственность и нарушеніе церковнаго чина ⁴⁾.

Не менѣе тягостенъ онъ былъ и для *неразумныхъ ревнителей старины*, которые всею душою ненавидѣли его за

¹⁾ Астѣ Археогр. Экспед. т. IV, № 71. стр. 108—109; № 86, стр. 125—126, ср. Акт. истор. № 103, 245—246; 1-е Посл. собр. зак. т. I № 163, стр. 368—369. См. также „Истор. Русск. Церкви“ Макарія, митроп. Москов., т. XII, стр. 232—234; 238—240. СПб. 1883.

²⁾ См. соч. свящ. Самуила Михайловскаго—„Святѣйшій Никонъ, патр. всероссійскій“ (Страницы за 1863 г., т. III, стр. 163—164); ср. соч. В. Берха—„Царствованіе царя Алексѣя Михайловича“, ч. 1-я, стр. 222—223. СПб. 1830.

³⁾ См. „Ист. Рус. Церк.“ Макарія, митр. Москов. т. XII, стр. 241, 300. СПб. 1883.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 243—245; 297—298; 299—300; ср. сочин. клирика І. Шушерина—„Извѣстіе о рожденіи... Никона“. Стр. 24.

исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ ¹⁾).

Всѣ эти враги шли къ государю и такъ или иначе наговаривали ему на патріарха Никона. Наговоры не остались безъ результата, тѣмъ болѣе, что самъ государь Алексѣй Михайловичъ сталъ тяготиться неограниченною властію Никона, которую онъ же самъ предоставилъ послѣднему, и началъ избѣгать встрѣчи съ нимъ. Никонъ понималъ перемѣну въ отношеніяхъ къ нему государя. Но, не видя за собою какихъ-либо важныхъ преступленій, онъ не считалъ себя обязаннымъ идти на перемиріе. Начинается, такимъ образомъ, глухая борьба между царемъ и патріархомъ. До полного разрыва не доставало одного лишь удобнаго случая.

Случай этотъ скоро представился. 6-го іюля 1658 года царь Алексѣй Михайловичъ давалъ торжественный обѣдъ въ честь прибывшаго въ Москву грузинскаго царя Теймураза. Патріархъ, сверхъ обыкновенія, не былъ приглашенъ къ царскому столу. Мало этого, царскій окольничій Богданъ Хитрово, расчищавшій путь для грузинскаго царя, два раза ударилъ палкою патріаршаго боярина, князя Димитрія Мещерскаго. Никонъ былъ раздраженъ подобнымъ поступкомъ Хитрово и требовалъ письменно отъ царя удовлетворенія, но не получилъ его; тогда онъ надѣялся лично переговорить съ царемъ въ храмѣ на ближайшіе праздники—въ честь Казанской иконы Богоматери (8-го іюля) и Ризы Господней (10-го іюля). Но царь не пришелъ къ патріаршему богослуженію ни въ тотъ, ни въ другой праздникъ, а, посланный царемъ 10-го іюля, князь Ромодановскій прямо объявилъ Никону о царскомъ на него гнѣвѣ и сталъ даже его упрекать въ принятіи титула—„великаго государя“. Никонъ не вынесъ подобнаго оскорбленія: 10-го іюля, окончивъ литургію, онъ всенародно объявилъ, что отнынѣ онъ уже не патріархъ москов-

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. I, стр. 158.

скій, поставилъ посохъ Св. Петра на святительскомъ мѣстѣ и съ простою клюкою удалился изъ соборнаго храма на Воскресенское подворье, откуда скоро выѣхалъ въ Воскресенскій монастырь ¹⁾).

Съ удаленіемъ Никона съ московскаго патріаршаго престола, дѣла церкви пришли въ крайнее разстройство: враги церкви—раскольники снова возвышаютъ свой голосъ и снова открыто разсѣваютъ свое пагубное ученіе среди православныхъ. Царь и всѣ духовныя и свѣтскія власти видѣли, какое зло происходитъ въ церкви вслѣдствіе отсутствія патріарха, и поэтому старались поскорѣе разрѣшить патріаршій вопросъ. Было сдѣлано къ этому нѣсколько попытокъ: сначала на соборѣ 1660 года было постановлено низложить съ патріаршаго престола Никона и лишить его епископскаго сана, а на его мѣсто поставить новаго патріарха. Но тутъ на защиту Никона выступили два мужа—ученый іеромонахъ Епифаній Славинецкій и полоцкій архимандритъ Игнатій. Первый доказывалъ, что отрекшагося епископа не слѣдуетъ лишать священства,—а второй говорилъ: „судилища ... совершеннаго о немъ разрѣшити правильно, мню, отнюдь невозможно, развѣ по согласію съ большимъ Соборомъ церкви Великія Константинопольскія, и со Вселенскимъ Патріархомъ“ ²⁾. Голосъ этихъ двухъ защитниковъ Никона былъ принятъ во вниманіе, а опредѣленіе собора 1660 года не было приведе-

---

¹⁾ См. „Записки отдѣл. рус. и слав. археологій Император. рус. археол. общества“, т. II, стр. 513—517. СПб. 1861 г.—Матер. для истор. раск. т. VII, стр. 118; Дворц. разряды, т. III, стр. 497—503. СПб. 1852 г.; ср. „Историч. изслѣдов. дѣла патр. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 1-я, прилож., стр. 178—179. „Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго“, соч. клирика Іоанна Шушерина, стр. 31—33. Изд. Воскресенскаго монастыря. Москва. 1871 г.

²⁾ См. соч. В. Берха—„Царствованіе царя Алексѣя Михайловича“, ч. 1, стр. 208.

но царемъ въ исполненіе ¹⁾). По предложенію бывшаго тогда въ Москвѣ газскаго митрополита Паисія Лигарида, рѣшено было пригласить для суда надъ Никономъ восточныхъ патріарховъ. Съ этою цѣлью въ январѣ 1663 года былъ отправленъ на Востокъ съ царскими грамотами греческій іеродіаконъ Мелетій. Но патріархи не пріѣхали и прислали только свои отвѣты на царскіе вопросы. Въ этихъ отвѣтахъ патріархи осудили всѣ дѣйствія и поступки Никона, о которыхъ говорилось, безъ упоминанія самаго имени Никона, въ царскихъ вопросахъ ²⁾). Но такіе патріаршіе отвѣты никого не могли удовлетворить на Москвѣ, во-первыхъ, потому, что сразу же здѣсь была заподозрѣна самая ихъ подлинность, а во-вторыхъ,—неизвѣстно было, какъ бы отнеслись восточные патріархи къ дѣлу Никона, еслибы спросить ихъ объ этомъ прямо... Вотъ почему снова снаряжено было посольство на Востокъ съ предложеніемъ патріархамъ прибыть въ Москву для разрѣшенія дѣла Никона. На это приглашеніе отозвались только два патріарха—Паисій Александрійскій и Макарій Антиохійскій. Патріархи же константинопольскій и іерусалимскій отказались пріѣхать по причинѣ трудности дальняго путешествія и по разстроенному состоянію церковныхъ дѣлъ въ своихъ собственныхъ областяхъ ³⁾).

¹⁾ О соборѣ 1660 года см. подробнѣе въ „Истор. Рус. Церкви“ Макарія, митрополита Московскаго, т. XII, стр. 353—364. СПб. 1883 г.; въ соч. Н. Гиббенега — „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона“ ч. 1-я, стр. 51. 53—90: СПб. 1892 г.; въ соч. проф. Н. Субботина „Дѣло патріарха Никона“, стр. 35—45, и въ сочин. свящ. Самуила Михайловскаго — „Святѣйшій Никонъ, патріархъ всероссійскій“ (Страники за 1863 годъ, т. III, стр. 200—204).

²⁾ См. „Собраніе государств. грамотъ и договоровъ“, ч. IV, стр. 84—117. Москва. 1826 г.

³⁾ См. „Истор. Рус. Церк.“ Макарія, м. Московскаго, т. XII, стр. 438, 444, 445—446, 469—480, 515—518, 525—529. СПб. 1883 г.; „Истор. изслѣд. дѣла патр. Никона“ Н. Гиббенега, ч. I, стр. 106, 136—7, СПб. 1882; ч. 2-я, стр. 7—17, 91—111, 159—178, 274—275. СПб. 1884 г.—„Исторію Россіи съ древн. временъ“ С. Соловьева, т. XI, стр. 329—336. СПб. 1861 г.—Соч. Н. Субботина — „Дѣло патр. Никона“, с. 72—85 Москва 1862 г.—Сочин. свящ.

Итакъ, къ созванію Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ были три побудительныхъ причины: во-первыхъ, сильное развитіе и распространеніе по Россіи старообрядческаго раскола въ началъ второй половины XVII столѣтія, во-вторыхъ, разные беспорядки, укоренившіеся въ русской церковно-общественной жизни и, наконецъ, въ-третьихъ, дѣло патріарха Никона.

Отсюда и вся дѣятельность указаннаго собора должна была направляться, съ одной стороны, противъ раскола, съ другой,—на устраненіе различныхъ церковныхъ беспорядковъ и, наконецъ,—на разрѣшеніе дѣла патріарха Никона.

Такъ на самомъ дѣлѣ и было: вопросы о расколѣ, о церковныхъ беспорядкахъ и о патріархѣ Никонѣ были главнымъ и единственнымъ предметомъ обсужденія отцовъ собора 1666—1667 годовъ.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать краткій и общій очеркъ исторіи указаннаго собора.

Всю исторію этого собора можно раздѣлять на две части: на исторію собора русскихъ святителей 1666 года и исторію патріаршаго собора конца 1666 и 1667 годовъ.

Соборъ русскихъ святителей 1666 года начался двумя предварительными засѣданіями.

На первомъ засѣданіи, бывшемъ въ крестовой патріаршей палатѣ въ февралѣ мѣсяцѣ¹⁾, отцы собора—каждый въ отдѣльности—сочли нужнымъ прочесть во всеуслышаніе никео-цареградскій символъ, въ знакъ своего православія и въ доказательство своей правоспособности въ дѣлѣ сужденія по религіозно-церковнымъ вопросамъ. Затѣмъ, когда это было сдѣлано, всѣ члены единодушно признали православіе греческой и русской церкви, въ чемъ каждый изъ нихъ далъ

С. Михайловск.—„Святѣйш. Никонъ, п. всероссійск.“ (Страникъ за 1863 г., т. III, стр. 217—219; 227—230; 241—242, 246).

¹⁾ Можетъ быть,—п въ январѣ (см. наше примѣч. 2-е на стр. 4).

особое „рукописаніе“. Изъ всѣхъ этихъ „рукописаній“ былъ составленъ особый свитокъ, въ концѣ котораго былъ приложенъ никео-цареградскій символъ: „Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя“ и т. д. ¹⁾).

Второе засѣданіе, по случаю наступившаго великаго поста и праздника Пасхи ²⁾, послѣдовало только 29-го апрѣля. Оно происходило въ царской столовой палатѣ, въ присутствіи самого государя Алексѣя Михайловича и всего его царскаго синклита. Засѣданіе было открыто рѣчью государя. „Насѣя, говорилъ онъ, Домовитъ небесный благогобзовитую ниву православныя державы нашелъ чистаго благочестія пшеницею; но врагъ завистный, спящимъ намъ, имже Богомъ вручѣна стража ея, всѣя куколь душевредный, его же еще ревность ваша умедлить исторгнути и искоренити, бѣдство будетъ о пшеницы, да не озизанится. Чистая есть пшеница истинное слово Божіе, первѣе святымъ первоизваннымъ апостоломъ, таже святу Кирилла и Меодія проповѣданіемъ въ странахъ насѣянное нашихъ, потомъ великія княгини Ольги рачительствомъ утепленное и согрѣенное, напоследокъ Великаго князя Владимера увѣреніемъ спасительными крещенія святаго водами покропленное и доволнѣ одожденное, Богомъ же самымъ возвращенное толико, якоже и плодъ ему нескудный въ житницу небесную отдати. Куколь же есть душепагубный секретъ діаволомъ насѣянный расколы, ихъ же тлетворное прозябеніе тщится чистую слова Божія истинныя каѳолическія вѣры отецъ святыхъ преданія искоренити пшеницу“ ³⁾. Указавши, затѣмъ, на сильное распространеніе раскола по Россіи, царь молить и увѣщаетъ отцовъ собора; „чтобы они „со всякимъ тцаніемъ“ прилежали „о семъ дѣлѣ Божіи“,

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 61—6.; ср. 34—39.

²⁾ См. „Выходы государей, царей и великихъ князей, Михаила Феодоровича, Алексія Михайловича, Феодора Алексѣевича, всея Русіи самодержцевъ“, стр. 456—460 Москва. 1844 г.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 69—70

дабы „въ страшный день отмщенія“ они не были виновными предъ лицомъ „Судіи велицемѣрнаго“. Съ своей стороны и мы, говоритъ государь, „готови есмы вся наша и самыхъ насъ положить на побореніе по церкви Божіи“ ¹⁾. Въ концѣ своей рѣчи государь замѣтилъ, что „много мыслящимъ намъ и прилежно пекущимся о утоленіи мятежа церковнаго... даде намъ обрѣсти Господь въ сокровищѣ нашемъ царскомъ драгій и безцѣнный бисеръ, преизрядное и преугодное орудіе на искорененіе расколовъ, богодухновенную книгу, Хризовулъ именованную“ ²⁾. Затѣмъ „благовѣрный“ государь садится на своемъ царскомъ мѣстѣ, повелѣваетъ сдѣлать то же самое архіереямъ и боярамъ и читаетъ указанную книгу. Когда же дошелъ до святаго символа, то всталъ съ своего мѣста, прочелъ его стоя „и сотвори вопросъ къ архіереомъ и бояромъ: тако ли Символъ святой и прочія догматы по написанному въ Хризовулѣ держать“? ³⁾.

Тогда, въ отвѣтъ на царскую рѣчь, новгородскій митрополитъ Питиримъ, отъ лица всего собора, въ рѣчи своей „первѣ“ возноситъ „благодареніе всеблагодаривитому во Троицѣ единому Богу“ за то, что Онъ, въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича, благоволилъ „даровати“ „добра, ревностна и благорачительствующа.... стража и поборника церкви“; затѣмъ благодарить самого государя и возглашаетъ ему: „многа лѣта тебѣ, благовѣрному царю нашему и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, второму Константину, истинному православія расширителю, вѣрному слугѣ Христову, теплому вѣры каѳолическія рачителю“ ⁴⁾. Наконецъ, на послѣдній царскій вопросъ ораторъ отвѣчаетъ, что мы „пріемлемъ... сей неудобобѣдный

¹⁾ Тамъ же. Стр. 71.

²⁾ Матер. для истор. росс. т II, стр. 72.

³⁾ Тамъ же. Стр. 74.

⁴⁾ Тамъ же. Стр. 75—76

бисеръ, богодухновенную книгу „Хризовулъ“ что мы „такъ вѣримъ, такъ держимъ, якоже въ ней святѣйшіи четьри восточніи патріарси, написавше руками си и печатми утвердивше, прислаша, и якоже твое пресвѣтлое царское величество благоволи намъ въ услышаніе всѣмъ прочести. Къ симъ во вѣки ничесоже имамы приложити, отъяти, или измѣнити. Инако же держащія, прилагающія, или измѣняющія за враги имамы и супостаты церкви Божіа, ихже властію, отъ Бога намъ данною, потщимся въ покореніе любезно преводити, на небрегущія же о семъ и жезла нашего духовныя силы не усумнимся употребити, способіемъ прекрѣпкія твоя царскія десвицы, о еже всемирно молимъ“¹⁾).

По окончаніи рѣчи митрополита Питирима, царь поцѣловалъ начертаніе никео-цареградскаго символа въ книгѣ „Хризовулъ“; то же сдѣлали и всѣ присутствовавшіе на засѣданіи архіереи и бояре. Послѣ этого книга „Хризовулъ“ чудовскимъ архимандритомъ Іоакимомъ была отнесена „въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы“. Этимъ второе засѣданіе и закончилось²⁾.

Въ послѣдующія засѣданія, происходившія, безъ участія государя, въ крестовой патріаршей палатѣ³⁾, отцы собора производили судъ надъ видными расколоучителями. Въ

¹⁾ Матер. для ист. раскола, т. II, стр. 76—77.

²⁾ Тамъ же, стр. 67—77.

³⁾ Трудно опредѣлить число засѣданій, на которыхъ былъ произведенъ судъ надъ расколоучителями. По Симеону Полоцкому, такихъ засѣданій было восемь (3—10) (см. Матер. для истор. раск. т. III, стр. 78—118); но ихъ было больше, суди по тому, что, напр., Соловецкій старецъ Гарасимъ Фирсовъ судился не на одномъ десятомъ засѣданіи, а на двухъ—1-го и 12 іюля (см. Матер. для истор. раск. т. II, стр. 117, 117; ср. т. III, стр. 107—110),—что діаконъ Феодоръ судился также не на одномъ шестомъ засѣданіи, но на двухъ—11 и 13 мая (см. Матер. для истор. раск. т. I, стр. 408—416), что нѣкоторые событія, происходившія 30-го мая, 1-го и 12-го іюля у Симеона Полоцкаго представлены какъ бы происходившими на одномъ десятомъ засѣданіи (см. Матер. для истор. раск. т. II, стр. 117—118; ср. т. III, 107—110 стр.) и т. д. Трудно указать и хронологическій порядокъ этихъ засѣданій, такъ какъ этотъ порядокъ

каждое засѣданіе призывалось по одному, или по нѣсколько расколоучителей. Всѣхъ ихъ отцы собора „съ любовью увѣщевали“ ¹⁾, отверзали имъ „умная очеса“..., толковали „божественныхъ писаній трудности“ ²⁾ и „многими книгами древними харатейными и лѣными доводы истину“ ³⁾ изъясняли. Труды архипастырей не были безуспѣшными: многіе изъ расколоучителей принесли покаяніе предъ соборомъ, хотя и не всѣ искренно. Искренно покались—Александръ, епископъ вятскій ⁴⁾, старецъ Ефремъ Потемкинъ ⁵⁾, старецъ Серапіонъ ⁶⁾, игуменъ Θεоктистъ ⁷⁾ и др.; протопопъ же Григорій Нероновъ ⁸⁾, попъ Никита ⁹⁾, и діаконъ Θεодоръ ¹⁰⁾ привесли лицемѣрное раскаяніе. Всѣхъ раскаявшихся соборъ простилъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ разослалъ по разнымъ монастырямъ ¹¹⁾,—кого—„ради исправленія“ ¹²⁾, а кого—просто „на житіе“ ¹³⁾. Но были, къ несчастію, и такіе, которые остались упорно вераскаянными, которые на всѣ увѣщанія отцовъ собора отвѣчали

у Симеова Полоцкаго представляя не совсѣмъ вѣрно,—напр., по нему, попъ Лазарь, который не могъ быть въ Москвѣ ранѣе половины сентября мѣсяца 1666 года (См. Матер. для истор. раск. т. I, стр. 432—440), судился на девятомъ засѣданіи (Мртер. для ист. раск. т. II, стр. 110—114), а на десятомъ происходило то, что случилось гораздо раньше,—напр., 30-го мая, 1-го и 12 юля (см. Матер. для истор. раск. т. II, стр. 7, 117—118; ср. т. III, стр. 107—110) и т. под.

¹⁾ Мат. для истор. раск. т. II, стр. 94.

²⁾ Тамъ же. Стр. 87.

³⁾ Тамъ же. Стр. 79.

⁴⁾ Тамъ же. Стр. 78—79; стр. 39—40.

⁵⁾ Тамъ же. Стр. 13—15, 97—105; ср. т. I, стр. 445—451.

⁶⁾ Тамъ же. т. II, стр. 15, 109.

⁷⁾ Тамъ же. Стр. 9, 117; ср. т. I, стр. 344—356.

⁸⁾ Тамъ же. т. II, с. 5—7, 115—117.

⁹⁾ Тамъ же. Стр. 10—11, 83—91.

¹⁰⁾ Тамъ же. Стр. 9—10, 91—95; т. I, стр. 413—420.

¹¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 7, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 95, 109, 117—118

¹²⁾ Тамъ же. Стр. 10, 12, 13, 15, 17, 95, 109, 117—118.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 13, 118.

однѣми лишь хулами на все православное и укоряли „въ лице весь освященный соборъ“ ¹⁾. Таковы были юрьевскій протопопъ Аввакумъ ²⁾ и романовскій попъ Лазарь ³⁾. Первый былъ осужденъ на лишеніе іерейскаго сана и преданъ анаѳемѣ, а второй пока былъ оставленъ до пришествія святейшихъ восточныхъ патріарховъ.

Наконецъ, на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій ⁴⁾ отцы собора составили особое „наставленіе благочинія церковнаго“ въ руководство всѣмъ богобоязливымъ іереямъ въ ихъ противораскольнической дѣятельности ⁵⁾.

Въ этомъ „наставленіи“ русскіе святители, прежде всего, рисуютъ картину современной русской церковно-общественной жизни и здѣсь находятъ много благопріятныхъ условій для развитія старообрядческаго раскола. Эти условія коренились въ разныхъ безпорядкахъ, замѣчаемыхъ и въ церковно-богослужебной практикѣ, и въ современномъ религіозно-нравственномъ состояніи русскаго духовенства и мірянъ.

Сообразно съ этимъ, отцы собора въ томъ же „наставленіи“ издають различныя опредѣленія касательно богослу-

¹⁾ Тамъ же, стр. 82; ср. стр. 113, 8, 16.

²⁾ Тамъ же. Стр. 7—9, 81—82.

³⁾ Тамъ же. Стр. 15—16, 111—113.

⁴⁾ Это засѣданіе было 2-го іюля 1666 года (См. Матер. для ист. раск. т. II, с. 141). У Симеона Полоцкаго оно считается послѣднимъ засѣданіемъ собора русскихъ святителей 1666 года. Но оно не было таковымъ, потому что есть прямые указанія на то, что поименованный соборъ продолжалъ свои засѣданія и послѣ 2-го іюля; такъ, напр., извѣстно, что на засѣданіи 12-го іюля былъ судимъ соловецкій старецъ Герасимъ Фирсовъ (См. матер. для истор. раск. т. II, стр. 17, 117); извѣстно также, что попъ Лазарь могъ быть судимъ не ранѣе второй половины сентября мѣсяца 1666 года, такъ какъ пустозерскимъ воеводою былъ отосланъ въ Москву только 31-го августа (См. Матер. для истор. раск. т. I, стр. 438—440; для переезда же отъ Пустозерска до Москвы, принимая во вниманіе тогдашній способъ передвиженія, нужно имѣть времени не менѣе половины мѣсяца, если даже не болѣе того („Истор. Русс. Церкви“ митроп. Макарія, т. XII, стр. 660—661. СПб. 1853 г.).

⁵⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 119—144.

женія и религіозно-нравственнаго состоянія духовенства и пасомыхъ. Такъ напр., архипастыри постановили, чтобы „во олтаряхъ“ церковныхъ „было... чисто, всегда выметено и вымыто, чтобы не было сору на полу и на стѣнахъ пыли и паучинъ“, чтобы „для крещенія младенцемъ были... купели чистыи и всегда покровенныи, и лежали бы въ честнѣ мѣстѣ, и воду послѣ крещенія лили-бы въ чистое-жъ мѣсто подѣ церковь, чтобы тѣ купели и вода освященная не была бы попираема отъ чловѣкъ“¹⁾. Касательно духовенства и мірянъ отцы собора „накрѣпко“ повелѣвають, „чтобы священноиноцы, и священницы, и прочіи иноцы и церковніи причетницы не упились и въ корчмы пити бы не ходили, и отъ сквернословія и срахословія и кощунства всякаго удалялися; и мірскихъ бы людей поучали, якоже священная правила повелѣвають, но вся воскресенія по литургіи раздавъ анаѳора, иже къ церковному всякому пѣнію приходити велѣли, и въ церковь приношеніе, свѣщи, и ладонъ, и вино приносить завѣщевали, и нищимъ милостыню за грѣхи своя подавати научали, комуждо по силѣ отъ праведнаго притяжанія, а не отъ грабленія, и обиды, и проклятаго мздоиманія неправеднаго; и стояли въ церквахъ тихо и немятежно, и пѣнію бы и чтенію внимали и Господу Богу о оставленіи грѣховъ своихъ молилися отъ всея души, со умиленіемъ, и воздыханіемъ и со слезами“²⁾ и т. д.

Затѣмъ, въ „наставленіи благочинія церковнаго“ архипастыри сдѣлали и прямыя постановленія касательно раскола. Такъ, они постановили, чтобы всѣ истинные сыны церкви держались новоисправленныхъ богослужебныхъ книгъ³⁾, просфоры употребляли съ четвероконечнымъ крестомъ⁴⁾, крестное знаменіе совершали тремя первыми перстами⁵⁾, аллилуіа произносили трижды, а не дважды⁶⁾ и т. д.

¹⁾ Тамъ же. Стр. 126,

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 130—131.

³⁾ Тамъ же, стр. 124—125.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 125.

Въ заключеніе всего отцы собора грозятъ духовными и тѣлесными наказаніями всякому, кто ихъ „не послушаетъ хотя во единомъ чесомъ“ изъ повелѣннаго ими ¹⁾).

Такимъ образомъ, разсматривая исторію собора 1666 года, мы видимъ, что вся его дѣятельность была направлена, съ одной стороны, на разрѣшеніе главнымъ образомъ вопроса о расколѣ, а съ другой,—на устраненіе различныхъ церковныхъ безпорядковъ, способствовавшихъ развитію раскола. Что же касается третьяго вопроса—о патріархѣ Никонѣ, то имъ занимались главнымъ образомъ отцы *патріаршаго собора конца 1666 и 1667 годовъ*.

Этотъ соборъ начался по пріѣздѣ въ Москву восточныхъ патріарховъ—Пансія Александрійскаго и Макарія Антиохійскаго.

Уже въ концѣ 1665 года стало извѣстнымъ на Москвѣ, что патріархи ѣдутъ въ Россію азіатскою дорогою ²⁾). Царь Алексѣй Михайловичъ много позаботился о томъ, чтобы доставить имъ всѣ удобства въ путешествіи и встрѣтить ихъ какъ нельзя лучше. Съ этою цѣлью онъ посылалъ къ нимъ навстрѣчу своихъ пословъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которые привѣтствовали ихъ отъ его лица, спрашивали о ихъ здоровьѣ и заботились о всевозможныхъ удобствахъ въ ихъ путешествіи ³⁾). Медленно путешествовали патріархи. Наконецъ, 2-го ноября 1666 года они приблизились къ златоглавой Москвѣ. Здѣсь ихъ ожидала великолѣпнѣйшая встрѣча; въ различныхъ пунктахъ, при колокольномъ звонѣ, съ крестными ходами встрѣчало ихъ духовенство и привѣтствовало витіеватыми рѣчами, народъ тысячами слѣдо-

¹⁾ Тамъ же, 143—144.

²⁾ См. „Историч. изслѣдов. дѣла патр. Никона“ Н. Габбенета, ч. 2, прилож. стр. 814—816, 832—847. СПб.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 148—156; „Истор. изслѣд. дѣла п. Никона“ Н. Гибенета, ч. 2, прилож. стр. 933—948, 954—955, 962—963, 981—988, 992—994. (Пб. 1881; „Дворц. разряды“, т. III, с. 645—651. СПб. 1852.

валъ за этими „двумя свѣтозарными свѣтилами“ ¹⁾. Послѣ всевозможныхъ церемоній патріархи прослѣдовали въ отведенные имъ покои на Кирилловскомъ подворьѣ. 4-го ноября они были торжественно приняты и привѣтствованы государемъ въ грановитой палатѣ ²⁾.

И только съ 5-го ноября восточные патріархи, вмѣстѣ съ русскими и иноземными архіереями, занялись дѣломъ Никона: въ нѣсколько засѣданій они рассмотрѣли все это большое дѣло, приглашали и допрашивали самого Никона и, наконецъ, 12-го декабря 1666 года низложили его съ патріаршаго престола, лишили епископскаго сана и опредѣлили сослать его, въ качествѣ простого монаха, въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ монастырей. И 13-го декабря Никонъ, нѣкогда могущественный патріархъ, а теперь простой монахъ, дѣйствительно, долженъ былъ отправиться въ ссылку въ Оерапонтовъ Бѣлозерскій монастырь ³⁾.

По низложеніи патріарха Никона, патріаршій соборъ, по случаю наступившихъ праздниковъ—въ честь Московскаго святителя Петра (21-го декабря), Рождества, Обрѣзанія и Богоявленія Господня, на нѣкоторое время прекратилъ свою дѣятельность ⁴⁾.

И только съ 14-го января слѣдующаго 1667 года онъ снова открылъ свои засѣданія. Теперь отцамъ собора предлежало разрѣшить два вопроса: вопросъ о патріаршей и церковной власти и ихъ взаимныхъ между собой отношеніяхъ

¹⁾ „Дѣло патр. Никона“ Н. Субботина, стр. 126. Москва. 1862 г.; ср. Матер. для истор. раск. т. II, стр. 154, прим. 1.

²⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 156—166; ср. Дополн. къ акт. истор. т. V, стр. 98—99; „Дворц. разр.“ т. III с. 651—656; „Истор. изслѣд. дѣла п. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2, прилож., стр. 997—998, 1022—1029. СПб. 1884.

³⁾ „Историч. изслѣд. дѣла патр. Никона“ Н. Гиббенета, ч. 2 л, прилож. стр. 998—1022, 1032—1039. 1042—1099; Матер. для истор. раск. т. II, стр. 166—178.

⁴⁾ См. Дополн. къ акт. истор. т. V, стр. 100—101.

и вопросъ о поставленіи на московскомъ патріаршомъ престолѣ преемника Никону. Первый вопросъ отцы собора разрѣшили въ томъ смыслѣ, что царь имѣетъ преимущество *въ политическихъ дѣлахъ*, а патріархъ—*въ церковныхъ*¹⁾; а второй—избраніемъ 10-го февраля въ московскіе патріархи архимандрита Троицко-Сергіева монастыря Іоасафа²⁾.

По выборѣ новаго московскаго патріарха, соборъ до конца своихъ засѣданій занялся главнымъ образомъ вопросомъ о расколѣ и устраненіемъ различныхъ беспорядковъ, вкравшихся въ русскую церковно-общественную жизнь.

По отношенію къ расколу дѣятельность патріаршаго собора выразилась въ томъ, что онъ подтвердилъ опредѣленіе по этому вопросу собора русскихъ святителей 1666 года³⁾, опровергъ основанія раскольническихъ мнѣній⁴⁾ и убѣдительнымъ образомъ доказалъ истинность новоисправленныхъ книгъ и положеній, въ нихъ содержащихся⁵⁾. Съ другой стороны, соборъ судилъ и видныхъ поборниковъ раскола, въ родѣ, напр., Аввакума, Лазаря, Епифанія⁶⁾, архимандрита Никанора⁷⁾ и др.; раскаявшихся изъ нихъ соборъ простилъ, а нераскаянныхъ предалъ анаѣмѣ. Ту-же анаѣмѣ онъ возло-

¹⁾ См. „Истор. Рус. Церк.“, Макарія митроп. Московскаго, т. X I, стр. 754—760. СПб. 1883 г.; см. также въ статьѣ Н. Кантерева: „Сужденіе Большаго Московскаго Собора 1667 года о власти царской и патріаршей“ (Богословскій Вѣстн. 1892 г., октябрь. отд. II, стр. 4—67).

²⁾ Дополн. къ аѳг. истор. т. V, стр. 101—103; ср. „Выходы государей, царей и великихъ князей, Михаила Ѳеодоровича, Алексія Михайловича, Ѳеодора Алексіевича, всея Русіи самодержцевъ“, стр. 474—474; Матер. для исторіи раск. т. II, стр. 178—181.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 201—223.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 220—222, 236—237, 268—270 и др.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 25—218, 231—232, 265—267 и др.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 26—34, 181—182; т. VI, стр. 45—48; т. V, стр. 111—118; ср. „Лѣтописи Русск. литер. и древн.“. Изд. Н. Тихомирова, т. V, отд. III, стр. 113—114.

⁷⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 183—184, т. III, стр. 199—202.

жилъ и на всѣхъ подобныхъ непокорниковъ „святой восточной церкви“, въ какое бы время они ни существовали ¹⁾).

Не мало патріаршій соборъ потрудился и въ дѣлѣ устраненія различныхъ церковныхъ безпорядковъ, служившихъ хорошимъ подспорьемъ для раскола: такъ, этотъ соборъ издалъ множество опредѣленій противъ безпорядковъ, замѣчаемыхъ и въ церковномъ управленіи и судѣ ²⁾, и въ богослуженіи ³⁾, и въ религіозно-нравственномъ состояніи русскаго духовенства и мірянъ XVII столѣтія ⁴⁾.

Такимъ образомъ, сопоставляя дѣятельность патріаршаго собора съ дѣятельностію собора русскихъ святителей 1666 года, мы не можемъ не замѣтить, что вся дѣятельность Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ была направлена, съ одной стороны, противъ раскола, съ другой,—на уничтоженіе разныхъ бозпорядковъ, накопившихся въ русской церкви, и, наконецъ,—на разрѣшеніе дѣла патріарха Никона.

Полное изслѣдованіе этой троякаго рода дѣятельности Московскаго собора 1666—1667 годовъ и составитъ предметъ нашего изслѣдованія.

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 218—220.

²⁾ Тамъ же, стр. 247—248, 249—250. 376—382 и др.

³⁾ Тамъ же, стр. 224—231, 250—256 и др.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 231—235, 241—243, 256—263 и др.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣятельность Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ противъ раскола.

Главною побудительною причиною къ созванію Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ было, какъ мы знаемъ, сильное распространеніе старообрядческаго раскола, появившагося по поводу исправленія патріархомъ Никономъ нашихъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ примѣнительно къ греческимъ. Такое исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ вызвало большое волненіе въ церкви: нѣкоторые изъ православныхъ отдѣлились отъ нея и стали всѣмъ и всюду проповѣдывать, что Никонъ не исправляетъ богослужебныя книги и обряды, а только ихъ портить. Къ этой мысли расколоучители пришли такимъ путемъ: они заподозрили православіе восточныхъ патріарховъ и цѣлость и неповрежденность греческихъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ на томъ простомъ основаніи, что патріархи восточные живутъ подъ игомъ великаго гонителя христіанскаго имени, турецкаго султана, а греческія богослужебныя книги печатаются въ латинскихъ городахъ—Римѣ, Парижѣ и Венеціи. Отсюда выводъ у расколоучителей былъ такой: если сами восточные патріархи не могутъ похвалиться своимъ православіемъ, если греческія богослужебныя книги и чины не чужды крупныхъ, подъ часъ даже еретическихъ, погрѣшностей, то отсюда само собою слѣ-

довало то, что и русская церковь, постановившая на Московскомъ соборѣ 1654 года править церковныя книги и чины по греческимъ, допустила массу погрѣшностей и всевозможныхъ ересей. Такимъ образомъ, по логикѣ расколоучителей выходило, что какъ греческая церковь, такъ по ея примѣру и русская—потеряли свое чистое, ничѣмъ не поврежденное, православіе.

Въ виду такихъ разглагольствій расколоучителей, отцамъ Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ предлежала двоякая задача: съ одной стороны, подтвердить православіе греко-русской церкви, а съ другой,—произнести сужденіе о подобныхъ фанатичныхъ проповѣдникахъ, которые, по неразумной ревности къ сохраненію всякой русской церковной старины, отдѣлились сами отъ православной церкви, увлекли за собою и другихъ и образовали свое собственное раскольниковое общество. Сообразно съ этою своею двоякою задачей, отцы собора и поступаютъ: I., съ одной стороны, они *утверждаютъ православіе греко-русской церкви*; II., а съ другой,—*произносятъ рѣшительный и окончательный судъ надъ расколоучителями и всеми ихъ послѣдователями.*

I.

Утвержденіе отцами Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ православія греко-русской церкви.

Православіе греко-русской церкви отцы собора утверждаютъ такимъ образомъ: а, сначала они *выставляютъ положеніе, что означенная церковь православна*; в., затѣмъ, это общее положеніе они *подтверждаютъ всевозможными доказательствами*; с., и, наконецъ, *все это стараются сдѣлать больше или меньше извѣстнымъ народу, при помощи нѣкоторыхъ сочиненій.*

а) Общее положеніе о православіи греко-русской церкви отцы собора сначала выражаютъ въ своемъ отвѣтѣ на слѣдующіе три вопроса, предложенные ими самимъ себѣ: 1) какъ нужно думать „о святѣйшихъ патріарсѣхъ греческихъ: константинопольскомъ, александрійскомъ, антиохійскомъ и іерусалимскомъ,—суть ли они православни, живуще подъ властію великаго гонителя имене христіанскаго?“ ¹⁾ 2) далѣе: праведны ли и достовѣрны печатныя и древнія рукописныя греческія книги, „ихже святѣйшіи гречестіи патріарси и вси священники во всякомъ священнослуженіи употребляютъ?“ ²⁾ 3) и, наконецъ, какъ должно думать о Московскомъ соборѣ 1654 года, постановившемъ исправлять богослужебныя книги и чины по греческимъ, и можно ли его признавать „за праведный соборъ“ ³⁾?

На всѣ эти три вопроса отцы собора единодушно отвѣчали, что они исповѣдуютъ православными и „святѣйшихъ Греческихъ патріарховъ“, и „греческія печатныя и древнія рукописныя“ богослужебныя книги, исповѣдуютъ они также православнымъ и тотъ соборъ, который былъ „въ богоспасаемомъ преименитомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, при благочестивѣйшемъ и богохранимомъ великомъ государѣ..., царѣ и великомъ князѣ Алексіи Михайловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцѣ, и при святѣйшемъ Никонѣ патріарсѣ, и царскаго пресвѣтлаго величества при всемъ его синклитѣ, въ лѣто отъ созданія міра 7162, отъ рождества же по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1654“ ⁴⁾.

То же положеніе о православіи греко-русской церкви отцы собора выражаютъ и въ отрицательной формѣ, когда даютъ повелѣніе, чтобы никто не вѣрилъ ложной повѣсти Ди-

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 63; ср. стр. 35.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 64; ср. стр. 35—36.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 65; ср. стр. 36—39.

митрія толмача о бѣломъ клобукѣ, присланной имъ изъ Рима къ архіепископу новгородскому Геннадію ¹⁾). Въ этой повѣсти говорится, что бѣлый клобукъ былъ пожалованъ „въ почестъ“ царемъ Константиномъ Великимъ святому Сильвестру, папѣ римскому. Когда же православіе пало въ Римѣ, клобукъ этотъ былъ перенесенъ въ Царьградъ. Но и здѣсь бѣлый клобукъ былъ только до времени святѣйшаго патріарха Филоея: послѣднему явились царь Константинъ и папа римскій Сильвестръ „и глаголали: первый Римъ паде аполинаріевою ересію, а здѣ, во второмъ Римѣ, въ Царѣ-градѣ, вѣра изсякнетъ агарянскимъ насиліемъ, въ третіемъ же Римѣ, въ Москвѣ, тамъ благочестіе просіяетъ паче первыхъ царствъ, и то наречется свѣтлая Россія отъ Бога: тамо пошли бѣлый клобукъ, да похвалятся сынове русіи“. И клобукъ былъ, дѣйствительно, перенесенъ въ Россію: сначала въ Новгородъ, а потомъ въ Москву ²⁾). Изъ этой повѣсти о бѣломъ клобукѣ выходило, что греческая церковь потеряла православіе; потеряла его и русская церковь, такъ какъ она со времени Никона рѣшительно во всемъ слѣдовала примѣру первой. Въ виду этого отцы Большого Московскаго собора 1666—1667 годовъ признали эту повѣсть о бѣломъ клобукѣ „лживою и неправою“ ³⁾).

б) Итакъ, отцы собора показали, что греко-русская церковь православна. Но этого еще было недостаточно: нужно было еще доказать это общее положеніе, нужно было показать, что сами раскольники не правы въ своемъ ученіи, и что, наоборотъ русская церковь осталась православною и послѣ допущенныхъ ею исправленій церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ. Такъ отцы собора и поступаютъ: съ одной стороны, они *опровергаютъ различныя основанія, приводившіяся раскольниками въ пользу своихъ мнѣній, и тѣмъ косвенно доказываютъ истинность своего ученія*, а съ другой,—*приво-*

¹⁾ Тамъ же, стр. 236—237.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. VI, стр. 275—277; ср. т. VII, стр. 396

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 237.

дять и положительныя основанія въ пользу того же своего ученія.

Всѣ основанія раскольническихъ мнѣній можно раздѣлить на два вида: на основанія историческаго характера и основанія, имѣющія характеръ простаго раскольническаго объясненія или разсужденія.

Между раскольническими основаніями историческаго характера видное мѣсто занимають *опредѣленія Стоглаваго собора 1551 года*. На опредѣленіяхъ этого собора раскольники основывали нѣкоторыя свои неправыя мнѣнія, въ родѣ, напр., мнѣній о двуперстии для крестнаго знаменія, о сугубой аллилуіа и т. под. ¹⁾. Въ виду этого отцы собора 1666—1667 годовъ сочли за необходимое разсмотрѣть постановленія Стоглаваго собора „о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой аллилуіи“ и о другихъ церковныхъ обрядахъ, сдѣлавшихся вполсѣдствіи догматами раскола ²⁾, а также и опредѣлить, на сколько была справедлива клятва этого собора, возложенная имъ на всѣхъ, противящихся его опредѣленіямъ. Разсмотрѣли все это отцы Большаго Московскаго собора и пришли къ такому заключенію, что многія опредѣленія Стоглаваго собора были постановлены „неразсудно, простотою и невѣжествомъ“, и что самая клятва этого собора была изречена „безъ разсужденія и неправедно“ ³⁾. Такая неправоильность нѣкоторыхъ опредѣленій Стоглаваго собора, по мнѣнію отцовъ собора 1666—1667 годовъ, происходила отъ того, что самъ „Макарій митрополить“, предсѣдатель Стоглаваго собора, „и иже съ нимъ, мудрствоваша невѣжествомъ своимъ безразсудно, якоже восхотѣша сами собою, не соглася съ греческими и древними харатейными словенскими

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 39—391; стр. 220—221; ср. т. IV, стр. 75, т. VI, стр. 5, 37; т. VII, стр. 247.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 220—221; ср. стр. 394.

³⁾ Тамъ же, стр. 221.

книгами, ниже со вселенскими святѣйшими патріархи о томъ совѣтоваша и ниже свопросишася съ ними“ ¹⁾. Въ виду такой неудовлетворительности и неправильности нѣкоторыхъ постановленій Стоглаваго собора, отцы Московскаго собора 1666—1667 годовъ сдѣлали такое опредѣленіе: „мы, православніи патріарси..., и весь освященный соборъ, тую неправедную и безразсудную клятву макаріеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ, и той соборъ не въ соборъ, и клятву не въ клятву, но ни во что вѣняемъ, якоже и не бысть“ ²⁾.

Такое опредѣленіе собора 1666—1667 годовъ, конечно, не могло удовлетворить неразумныхъ ревнителей старины: среди нихъ могло возбудиться сомнѣніе относительно того, имѣлъ ли право Большой Московскій соборъ отмѣнять постановленія Стоглаваго собора? Въ виду этого отцы собора 1666—1667 годовъ признали необходимымъ сдѣлать особе „увѣщаніе о бывшемъ соборѣ въ лѣто 7059 (отъ сотворенія міра, 1551 отъ Рожд. Хр.), въ царство царя Іоанна Васильевича всеа Россіи“ ³⁾. Въ этомъ „увѣщаніи“ отцы Большого Московскаго собора доказываютъ право одного собора отмѣнять или измѣнять постановленія другаго, сравнительно меньшаго, собора. Это право доказывается, съ одной стороны, многими „указаніями“ и „образами“ изъ священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, а съ другой,—и практикою церкви.

Многіе „указанія и образы“, взятые изъ Священнаго Писанія, по мнѣнію отцовъ собора, доказываютъ, что „святая церковь“ можетъ „на лучшее преспѣвати..., аще соборнѣ и обще, аще отъ части“ ⁴⁾. Въ примѣръ „указаній“ въ Ветхомъ Завѣтѣ отцы приводятъ слова „премудраго Соломона: имъ же нѣсть совѣта, падуть, яко листвіе, спасеніе же во мнозѣ со-

¹⁾ Тамъ же. стр. 221.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 221.

³⁾ Тамъ же, стр. 389—396.

⁴⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр., 391.

вѣтъ есть“, и въ Новомъ Завѣтѣ слова апостола Петра: „все убо другъ другу повинующеся, стяжите смиренномудріе“ ¹⁾. Не мало изъ священнаго Писанія отцы собора приводятъ и „образовъ“ или примѣровъ исправленія. Такимъ примѣромъ исправленія въ Ветхомъ завѣтѣ былъ, напр., Моисей, „иже тестя своего Іофора послушавый совѣта, нѣчто полезному отъ него навъче, еже той не свѣдѣше“ ²⁾. Въ Новомъ Завѣтѣ часто взаимно исправляли и другъ другу повиновались сами первоверховные апостолы: такъ, апостолъ Павелъ уступилъ и повиновался апостоламъ—Петру и Іакову въ Іерусалимѣ, равно также и св. Апостолъ Петръ въ Антиохіи повиновался апостолу Павлу, „всегда зазрѣ ему со языки ядущему“ ³⁾.

И въ церковной практикѣ, замѣчаютъ отцы собора, можно указать много примѣровъ того, что „узаконоположенная отъ прежде бывшихъ соборовъ прочіи послѣди ихъ обличаху и исправляху несовершеннѣ изложенная отъ нихъ правила“ ⁴⁾. Такъ, соборъ неокесарійскій 15-мъ своимъ правиломъ завѣщаль вездѣ имѣть по семи діаконѣвъ, хотя бы городъ былъ и очень великъ. На это отцы 6-го вселенскаго собора замѣтили, что неокесарійскій соборъ неправильно понималъ повѣствованіе книги Дѣяній апостольскихъ о семи діаконѣхъ: апостолы, по замѣчанію отцовъ вселенскаго собора, заботились тогда „не о служащихъ.... божественнымъ тайнамъ мужей“..., какъ это понималъ неокесарійскій соборъ, „но о служащихъ въ трапезахъ, имже бѣ поручено строеніе общія потребности тогда собиравшихся“ ⁵⁾.... Точно также 6-й вселенскій соборъ отмѣнилъ и постановленіе кареагенскаго собора, узаконяющее причащаться „святымъ тайнамъ Христовымъ“,

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же стр. 391—392.

³⁾ Тамъ же, стр. 392.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Матер. для истор. раск. т. II, с. 392—393

по подобію вечери Господней, послѣ вкушенія пищи¹⁾. И не только правила соборовъ, но и апостольскія правила и узаконенія святыя отцы на послѣдующихъ соборахъ измѣняли и исправляли къ лучшему²⁾. Вообще же, замѣчаютъ отцы собора 1666—1667 годовъ, много можно указать въ практикѣ церковной примѣровъ того, что „отъ прежнихъ свягыхъ убо соборовъ не добръ нѣкая забвенія ради, или инаго дѣла случая изложенная, отъ послѣднихъ соборовъ безъ всякаго взора обличена и добръ исправлена быша“³⁾.

Итакъ, одинъ соборъ можетъ измѣнять и отмѣнять постановленія другого, сравнительно меньшаго, собора.

Въ-частности, обращаясь къ Стоглавому собору, отцы собора 1666—1667 годовъ находятъ, что, по сравненію съ ихъ соборомъ, этотъ соборъ будетъ меньшимъ соборомъ, такъ какъ онъ нигдѣ не засвидѣтельствованъ, не сносился даже съ восточными патріархами и на своихъ засѣданіяхъ не имѣлъ ихъ мѣстоблюстителей, какъ бы это должно быть по церковнымъ правиламъ и въ силу тогдашней номинальной зависимости русской церкви отъ греческой⁴⁾. Правда, на этомъ соборѣ присутствовалъ самъ царь, но присутствіе царя еще не даетъ ему права на званіе великаго и вселенскаго собора: такимъ онъ былъ бы лишь только тогда, когда бы на немъ присутствовали многіе епископы и сами патріархи непосредственно, или чрезъ своихъ мѣстоблюстителей: „а безъ верховныхъ вселенскихъ архіереовъ совѣта помѣстни же и сами верховнии ничтоже смѣяху творити о себѣ, якоже свидѣтельствуеть второе правило карѣагенскаго собора“⁵⁾...

Такимъ образомъ, отцы Большого Московскаго собора

¹⁾ Тамъ же, с. 393.

²⁾ Тамъ же

³⁾ Тамъ же стр. 393—394

⁴⁾ См. „Руководство къ русской церковной исторіи“ П. Зяменскаго, стр. 111. Казань. 1886 г

⁵⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр 395—396

1666—1667 годовъ имѣли полное право отмѣнить нѣкоторые неправильныя постановленія Стоглаваго сбора „о крестѣ“ и объ „аллилуіи, и о согбеніи перстѣ, и о символѣ и о прочихъ вещахъ, писанныхъ на ономъ соборѣ“¹⁾, какъ постановленія собора сравнительно меньшаго.

Другимъ основаніемъ историческаго характера для раскольниковъ было *житіе преподобнаго Евфросина*. Это житіе раскольники приводили главнымъ образомъ въ пользу своего неправаго мнѣнія о двоеніи аллилуіа²⁾. Въ виду сего отцы собора 1666—1667 годовъ сочли необходимымъ рассмотреть и это раскольниковъ основаніе и сдѣлать на него вѣское опроверженіе. Обращаясь къ содержанію самаго житія, отцы собора нашли здѣсь и „песказанную хулу на святую и живоначальную Троицу“³⁾, и историческія невѣрности, и явныя внутреннія противорѣчія. „Велія и несказанная хула на святую и живоначальную Троицу“ въ житіи преподобнаго Евфросина заключалась въ томъ, что писатель этого житія, „толкуя аллилуіа“, отъ лица Богоматери высказываетъ такія мысли, которыя „и писанію предати неможно“, въ родѣ, напр., того, что „глаголетъ воплотившагося Бога Отца, и паки глаголетъ воплотившагося Святаго Духа, и паки и воскресша Бога Отца и Святаго Духа“⁴⁾. Что же касается историческихъ невѣрностей житія, то ихъ отцы собора видѣли въ самомъ путешествіи Евфросина въ Царьградъ, гдѣ онъ, будто бы, слышалъ отъ вселенскаго патріарха Іосифа и въ великой соборной церкви возгласеніе сугубой аллилуіа. Прежде всего, замѣчаютъ отцы собора, Евфросинъ не могъ путешествовать въ Константинополь,

¹⁾ Тамъ же, стр. 394.

²⁾ Матер. для истор. раск. т VI, стр. 273.

³⁾ Тамъ же, стр. 142, 279.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 279; ср. стр. 142, 268—269.

„за не времена тогда не такова быша, владѣша бо тогда турки Болгарією, и Сербы, и всѣмъ западомъ до Дуная и до Чернаго моря, и ратоваша тогда на христіаны великими и лютыми ратми“. Но если даже допустить, что преподобный Евфросинъ путешествовалъ въ Царьградъ, то и тогда получится нѣкоторая несообразность, ибо какъ онъ могъ видѣть вселенскаго патріарха Іосифа, который, по сказанію лѣтописцевъ, жилъ совсѣмъ въ другое время, чѣмъ въ какое жилъ самъ Евфросинъ?!... Допустимъ даже и это, допустимъ, что преподобный Евфросинъ видѣлся съ патріархомъ Іосифомъ и слышалъ отъ него двоеніе аллилуіа, то и тогда, говорятъ отцы собора, не слѣдуетъ придавать никакого значенія свидѣтельству послѣдняго, ибо этотъ патріархъ былъ „на осмомъ соборѣ во Флорентіи“ и былъ сторонникомъ латинства; притомъ же, „по божественному писанію, единаго челоуѣка свидѣтельство не пріемлется..., аще и ангелъ съ небесъ будетъ“ ¹⁾).

Отцы собора указывали, затѣмъ, въ житіи Евфросина и явные внутренніе противорѣчія: такъ, его списатель, ратуя за сугубую аллилуіа, въ тоже время въ другихъ мѣстахъ житія замѣчаетъ, что „вся церкви по всей земли законно глаголаша издревле трижды аллилуіа“, что „издревле взяся троити святая аллилуіа“, или что „глаголющи трижды аллилуіа, въ четвертое: слава Тебѣ Боже, просіяша мнози въ чудесѣхъ“. И такихъ противорѣчій въ житіи Евфросина можно найти очень много: „прилежно... прочитаѣя“ это житіе, по замѣчанію отцовъ собора, можетъ „уразумѣть вся сія и больша сихъ“ ²⁾).

Послѣ такихъ критическихъ замѣчаній на житіе преподобнаго Евфросина отцы собора имѣли уже полное право сказать, что „сіе смущеніе, еже глаголати аллилуіа дважды,

¹⁾ Матер для истор. раск. т. II, стр. 268

²⁾ Матер для ист. раск. т. II, стр. 279; ср. стр. 142.

таже: слава Тебѣ Боже“, произошло „отъ сонваго мечтанія писателя“, но не отъ самого Евфросина, ибо еслибы послѣдній стоялъ за двоеніе аллилуіа, то онъ долженъ былъ бы объ этомъ сказать въ своемъ „последнемъ поученіи“; между тѣмъ какъ онъ „пичесоже завѣща братіи монастыря своего, ниже писа что о томъ въ testamentъ своемъ“¹⁾).

Въ доказательство справедливости употребленія сугубой аллилуіа раскольники ссылались еще на преподобнаго Максима Грека, который будто бы стоялъ за двоеніе аллилуіа на томъ основаніи, что св. Игнатій Богоносецъ слышалъ въ средѣ ангеловъ возгласеніе сугубой аллилуіа²⁾. Отцы собора находятъ и это основаніе раскольниковъ несправедливымъ. Невѣрно, говорятъ они, что св. Игнатій Богоносецъ слышалъ двоеніе аллилуіа въ средѣ небожителей, ибо ангелы ему явились „не о аллилуіа“, но „о божественномъ псалмопѣніи, сирѣчь о антифонѣхъ“. Затѣмъ, и самъ преподобный Максимъ Грекъ не могъ приводить такого свидѣтельства въ доказательство справедливости двоенія аллилуіа, ибо онъ былъ человѣкомъ весьма мудрымъ и не могъ писать подобныхъ несообразныхъ вещей³⁾. Въ пользу истинности другаго своего главнаго положенія—двуперстія для крестнаго знаменія и благословенія раскольники приводили свидѣтельства, извѣстныя съ именемъ св. Мелетія и блаженнаго Феодорита, и также и свидѣтельство сочиненія, помѣщавшагося въ началѣ Слѣдованной Псалтири и друиыа боюслужебныхъ книгъ⁴⁾. Но и всѣ эти свидѣтельства отцы собора 1666—1667 годовъ признали неосновательными. Прежде всего, говорили они, раскольники неправильно поняли свидѣтельство св. Мелетія, ибо „святый Мелетій три

¹⁾ Тамъ же, стр. 269; ср. стр. 222.

²⁾ Тамъ же. т. VI, стр. 5.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 269—270

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 57, 65, т. IV, стр. 4. 37 53, 274 и др

первыя персты показа ради трехъ ипостасей святаго Троицы, и паки тыя три персты совокупи ради единого Божества, и бысть знаменіе: а не инако бысть показаніе перстовъ отъ святаго Мелетія“¹⁾).

Что же касается свидѣтельства блаженнаго Θεодорита, то оно было найдено отцами прямо подложнымъ и приписаннымъ послѣднему нѣкоторыми „суетумудрыми и сокровенными еретиками“. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ отцы собора, „велико истязаніе о томъ“ свидѣтельствѣ „было во святой горѣ Аѳонской въ лѣто 7156-е, подобно якоже и въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ бысть крѣпкое истязаніе отъ преосвященныхъ великороссійскихъ митрополитовъ, и архіепископовъ и епископовъ, во Святомъ Дусѣ собравшихся въ лѣто 7174-е, и не обрѣтесе въ Θεодоритовѣ книзѣ такое писаніе“²⁾).

Наконецъ, относительно сочиненія, помѣщавшагося въ началѣ Слѣдованной Псалтири и другихъ церковныхъ книгъ отцы собора прямо замѣтили, что оно „сложено отъ нѣкоторого раскольника и скрытаго еретика арменскія ереси, и напечатася невѣжествомъ и неразумно“³⁾, а потому и недостойно никакого довѣрія со стороны православныхъ христіанъ. —

Кромѣ основаній историческаго характера, у раскольниковъ были еще и *другія основанія, имѣвшія характеръ собственнаго ихъ объясненія или разсужденія.*

Такъ, напр., чтобы оправдать свое двоеніе аллилуія, раскольники говорятъ, что слово „аллилуія“ значить „слава тебѣ Боже“; произнося два раза слово „аллилуія“, съ прибавленіемъ „слава Тебѣ Боже“, они, такимъ образомъ, возглашаютъ трижды „слава тебѣ, Боже“, и тѣмъ самымъ прославляютъ Святую и живоначальную Троицу. На такое

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 274.

²⁾ Матер. для истор. раск.. т. II, стр. 274.

³⁾ Тамъ же, стр. 237.

разсужденіе раскольниковъ отцы собора сдѣлали простое замѣчаніе, что своимъ троякимъ возгласеніемъ словъ—„слава тебѣ, Боже“ раскольники прославляютъ только Троицу въ Божествѣ, но не прославляютъ Его единства: „невѣдѣніемъ“ исповѣдуютъ они „только Троицу просто, а единицу ни“¹⁾.

Подобное же основаніе раскольники приводили и въ пользу другаго своего положенія—двуперстія для крестнаго знаменія и благословенія. Такъ они разсуждали, что двумя перстами—указательнымъ и среднимъ они изображаютъ божество и человѣчество въ Іисусѣ Христѣ, а тремя остальными—первымъ, четвертымъ и мизинцемъ, вмѣстѣ соединенными, изображаютъ Святую и Живоначальную Троицу. Но на это отцы Большого Московскаго собора остроумно замѣтили раскольниковъ, что, изображая тремя неравными перстами Святую Троицу, они тѣмъ самымъ исповѣдуютъ и неравенство въ Ней самой, подобно тому, какъ это дѣлаютъ „аріане, и несторіане, и духоборцы, и аполинариане и прочіе проклятїи еретицы: зане онїи сице исповѣдаша несравненіе и раздѣленіе во святѣй Троицѣ: Отца болша назваша, а Сына менша, и Духа святаго еще менша и яко раба“²⁾.

Такимъ образомъ, *всѣ основанія расколическихъ мнѣній—и основанія историческаго характера, и основанія, имѣющія характеръ простаго расколическаго разсужденія,—оказались крайне несостоятельными.*

Опровергнувши расколическія основанія, отцы собора 1666—1667 годовъ въ то же время опровергнули и всѣ ложныя мнѣнія раскольниковъ, опирающіяся на этихъ основаніяхъ, и, такимъ образомъ, *косвеннымъ образомъ доказали то, что истину нужно искать не въ расколѣ, а только въ ученїи греко-русской церкви.* Но такого косвеннаго доказательства православія русской церкви было, конечно, еще недостаточно: нужно было

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 267.

²⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 271—272.

положительнымъ образомъ доказать, что эта церковь осталась вполне православною и послѣ допущеннаго ею исправленія церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ. Такъ отцы Большого Московскаго собора и дѣлаютъ: съ одной стороны, они утверждаютъ истинность и неповрежденность новоисправленныхъ богослужебныхъ книгъ, а съ другой, положительнымъ способомъ доказываютъ справедливость содержащихся въ этихъ книгахъ разныхъ частныхъ положеній и выраженій, противъ которыхъ возставали ревнители мнимой церковной старины.

Всѣ новоисправленныя книги, по мнѣнію раскольниковъ, полны всевозможныхъ ересей, а потому и русская церковь, употребляющая эти книги въ своемъ богослуженіи, является, по ихъ мнѣнію, не чуждою разныхъ еретическихъ погрѣшностей. На такое раскольническое обвиненіе отцы собора замѣчаютъ, что въ богослужебныхъ книгахъ русской церкви нѣтъ ничего „стропотнаго, или развращеннаго, или вѣрѣ нашей православной противнаго“ ¹⁾. И, въ доказательство этого положенія, они приводятъ разныя основанія. Прежде всего, говорятъ отцы собора, бывший патріархъ Никонъ принималъ исправленіе церковныхъ книгъ не самъ собою, „но совѣтомъ благочестивѣйшаго государя..., царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержца, благословеніемъ же и совѣтомъ свѣтѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, и согласіемъ архіереевъ всего російскаго государства и всего освященнаго собора“ ²⁾. Затѣмъ, самое исправленіе совершалось по надежнымъ первоисточникамъ—по греческимъ и древнеславянскимъ харатейнымъ книгамъ ³⁾. И наконецъ,—что особенно важно—сами отцы собора, въ присутствіи государя и всего его царскаго

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 125, 207.

²⁾ Тамъ же, стр. 209, 124—125.

³⁾ Тамъ же, стр. 125, 209.

символита, подробно разсматривали новоизданныя богослужебныя книги, сравнивали ихъ съ греческими и древнеславянскими рукописными книгами, показывали эти первопечатныя книги московскимъ священникамъ и ничего не нашли въ нихъ неправого и противнаго православной вѣрѣ¹⁾.

Доказавши истинность и неповрежденность новоисправленныхъ богослужебныхъ книгъ, соборъ 1666--1667 годовъ уже тѣмъ самымъ доказалъ и справедливость всѣхъ тѣхъ частныхъ положеній и выраженій, которыя заключались въ этихъ книгахъ и были предметомъ порицанія у раскольниковъ. Но соборъ не ограничивается только общимъ доказательствомъ истинности этихъ положеній, служившихъ предметомъ разногласія между русскою церковью и расколомъ: онъ входитъ и въ болѣе подробное разсмотрѣнiе и основательное доказательство каждаго изъ этихъ положеній.

Возраженія раскольниковъ главнымъ образомъ касались слѣдующихъ положеній: *чтенія 8-го члена символа вѣры*²⁾, *возмашенія аллилуйа*³⁾, *перстосложенія для крестнаго знаменія и благословенія*⁴⁾, *чтенія молитвы Иисусовой*⁵⁾, *почитанія формы животворящаго креста*⁶⁾ и *совершенія круговыхъ хожденій во время нѣкоторыхъ священнодѣйствій*⁷⁾. На эти раскольническія возраженія отцы собора дали полный и обстоятельный отвѣтъ.

Такъ, относительно *8-го члена символа вѣры* отцы замѣтили, что русская церковь ничуть не погрѣшила, когда опредѣлила читать этотъ членъ символа безъ прибавленія слова „истиннаго“. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ они, еще на первыхъ

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 125, 208—210, 212, 214—215, 238.

²⁾ Тамъ же, т. т. IV, стр. 124, 128; т. VI, стр. 270—271; т. II, стр. 207.

³⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 28; т. II, стр. 207, 267.

⁴⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 59, 271—275; т. II, стр. 207.

⁵⁾ Тамъ же, т. II, стр. стр. 131—132, 207.

⁶⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 280; т. IV, стр. 191; т. II, стр. 122, 271—272, 207.

⁷⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 231.

двухъ вселенскихъ соборахъ „святой символъ былъ написанъ по-гречески „безъ прилога истиннаго“; то же чтеніе символа приняли и подтвердили и всѣ послѣдующіе соборы—вселенскіе и помѣстные. Не удивительно послѣ этого, если и во всѣхъ богослужебныхъ книгахъ—и греческихъ и древне-славянскихъ—было то же самое чтеніе символа вѣры, въ чемъ отцы собора имѣли случай убѣдить какъ самихъ себя, такъ и всѣхъ московскихъ священниковъ, бывшихъ въ то время на соборѣ ¹⁾).

Что касается *тройкаго возгласенія аллилуіа съ прибавленіемъ словъ*—„слава Тебѣ, Боже“, то и въ этомъ случаѣ русская церковь, по замѣчанію отцовъ собора, поступила вполнѣ правильно. Здѣсь она руководствовалась, прежде всего, „древнимъ преданіемъ“ о троеніи аллилуіа, полученнымъ ею „отъ святыхъ Апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отцевъ и вселенскихъ учителей“ ²⁾, а также—и свидѣтельствомъ „многихъ греческихъ и словенороссійскихъ древнихъ рукописныхъ харатейныхъ“ ³⁾ книгъ, въ которыхъ заповѣдывалось „глаголати аллилуіа трижды“ и „въ четвертое: слава тебѣ Боже“ ⁴⁾. Наконецъ, такимъ возгласеніемъ аллилуіа, по замѣчанію отцовъ собора, русская церковь „славословить“ и „исповѣдуетъ“ „Бога въ Троицѣ и во единцѣ“, а именно: тройнымъ произнесеніемъ слова „аллилуіа“, имѣющаго хвалебное значеніе ⁵⁾, она славить и величаетъ Отца, Сына и Святаго Духа, а словами—„слава Тебѣ Боже“ знаменуетъ, „яко Троица единъ Богъ есть, а не три бози“. Такое прославленіе троичности и единства въ Божествѣ встрѣчается и въ другихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ: такъ, въ ангельской пѣсни словами—„святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный“—прославляются

¹⁾ Тамъ же, стр. 215, 210, 208, 274—275.

²⁾ Тамъ же, стр. 216, 265, 267, 142.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 265, 142, 208—209, 209—210, 216.

⁴⁾ Тамъ же, 142.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 265—266, 277—278.

всѣ три лица Святой Троицы—Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, а словами—„помилуй насъ“—едино божество: единъ бо Богъ Троица, а не три“; то же и въ Херувимской пѣсни: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ...: „трижды святъ ради тріипостаснаго Божества, и: Господь Саваоѣ—ради единого существа“¹⁾).

Не погрѣшила русская церковь и въ своемъ опредѣленіи касательно *перстосложенія для крестнаго знаменія*, когда повелѣваетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ „знаменатися знаменіемъ честнаго и животворящаго креста тремя первыми персты десныя руки, совокупивше я во имя Отца, и Сына и Святаго Духа“²⁾. Въ этомъ случаѣ церковь, прежде всего, прислушивается къ древнему преданію, полученному ею „отъ святыхъ славныхъ и всехвалныхъ Апостоловъ и отъ святаго священномученика Игнатія Богоносца, третіаго патріарха антиохійскаго и наслѣдника святыхъ Апостоловъ, и отъ всеенскихъ учителей“; словомъ, прислушивается къ тому самому „не писанному преданію“, о которомъ „свидѣтельствуетъ и святой Василій Великій въ словѣ 27-мъ..... ко святому Амфилохію, епископу иконійскому“³⁾. Незмѣнное и твердое сохраненіе этого преданія русская церковь видитъ и среди всѣхъ народовъ христіанскихъ, „иже суть во православіи, отъ востока и до запада“, и даже среди своихъ сыновъ „мужей—поселянъ“, которые всегда и „незмѣнно, изъ древняго обычая, знаменуются тремя первыми персты“⁴⁾. Затѣмъ, указаніе на троеперстіе для крестнаго знаменія находится и въ очень многихъ „старыхъ славенороссійскихъ харатейныхъ книгахъ“⁵⁾, по которымъ исправлены были новопечатныя книги. Наконецъ, святая церковь, по замѣчанію отцовъ собора,

¹⁾ Тамъ же, стр. 265—268

²⁾ Матер. для истор. раск., т. II, стр. 275; стр. 131, 208, 216, 270, 272

³⁾ Тамъ же, стр. 270—271, 272—273, 275; ср. стр. 216.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 216.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 208—209

повелѣваетъ употреблять троеперстіе для крестнаго знаменія и съ тою цѣлю, чтобы наглядно показать, что она вѣруеть и исповѣдуетъ „въ Божествѣ Троицу и единицу: сирѣчь, яко святая Троица единъ Богъ есть тріипостасный и единосущный“. И дѣйствительно, три первые перста могутъ знаменовать троичность въ Божествѣ, самое же ихъ соединеніе—Его единство, такъ что въ общемъ получается наглядное выраженіе той истины, что „Богъ—въ Троицѣ“ и въ тоже самое время—„во единцѣ“¹⁾.

Что касается *именословнаго перстосложненія для благословенія*, то и тутъ, по замѣчанію отцовъ собора, нѣтъ ничего погрѣшительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, „указательный“ и „великосредній“ персты правой благословляющей руки, изъ которыхъ первый „простертъ“, а второй „мало наклоненъ“, вмѣстѣ „знаменуютъ“ слово—„Исусъ“; два же перста—„глаголемый палець и близосредній“, наклоненные и другъ съ другомъ соединенные, вмѣстѣ „знаменуютъ“ букву Х“; послѣдній палець, мизинець, „простертый“ и „мало наклоненный“ изображаетъ букву „с“, а вмѣстѣ съ двумя вышеуказанными перстами—слово „Христосъ“. Такимъ образомъ, по разумѣнію отцовъ собора, въ именословномъ благословеніи церковь изображаетъ имя Господа нашего Иисуса Христа и, слѣдовательно, вполне этимъ оправдываетъ слова Божіи, обращенныя въ Ветхомъ Завѣтѣ къ отцу вѣрующихъ—Аврааму: „и въ сѣмени твоємъ“, т. е. Исусъ Христъ, „возблагословятся вси языцы“²⁾.

Раскольники упрекали церковь православную также и въ томъ, что на ряду съ одною формою молитвы Иисусовой—„Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“—она употребляетъ и другую форму той же молитвы—„Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“³⁾. На этотъ упрекъ отцы собора замѣтили, что и въ такой формѣ Иису-

1) Матер. для истор. раск. т. II, стр. 270—271.

2) Матер. для истор. раск. т. II, стр. 112—143, 217—218.

3) Тамъ же, стр. 131—132, 275—276.

совой молитвы нѣтъ ничего еретическаго. Причину большого употребленія церковью молитвы—„Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“ отцы видятъ въ томъ, что эта „молитва древняя и общая церкви“¹⁾, что она „по... преда-нію“ перешла отъ „святыхъ и богоносныхъ отцевъ“, какъ это „видится и писано во многихъ древнихъ греческихъ и славенороссійскихъ харатейныхъ книгахъ“²⁾. Наконецъ, эта молитва, по замѣчанію отцовъ собора, „вѣща прилична и больша честь приносить“ Господу нашему Иисусу Христу, такъ какъ Онъ здѣсь исповѣдывается и Сыномъ Божиимъ, и истиннымъ Богомъ,—а именно: словами—„Господи, Иисусе Христе“—мы исповѣдуемъ Его Сыномъ Божиимъ, „зане единъ Иисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, а не инъ“, а словами—„Боже нашъ, помилуй насъ“... „исповѣдуемъ, яко Христосъ есть истинный Богъ нашъ“ такъ же, какъ „и Отецъ и Духъ Святыи“³⁾, и, такимъ образомъ, эта молитва является „мечемъ сѣкущимъ на еретики аріаны“⁴⁾ и на всѣхъ тѣхъ, которые, отстаивая только форму молитвы—„Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“,—даютъ поводъ подозрѣвать, не мудрствуютъ ли они и не исповѣдуютъ ли Христа такъ же, какъ „и Аріи, точію Сына Божія быти по благодати, а не Бога истинна, единосущнаго Отцу“⁵⁾.

Не мало порицаній ревнители мнимой старины высказали по адресу православной церкви и по вопросу о почитаніи формы животворящаго креста. Они начали проповѣдывать, что церковь допустила еретическое новшество, когда наравнѣ съ осмиконечнымъ крестомъ она почитаетъ истиннымъ и крестъ четвероконечный. Особенно же они не могли терпѣть

¹⁾ Тамъ же, стр. 131.

²⁾ Тамъ же, стр. 275.

³⁾ Матер. для ист. раск. т II, стр. 275—276.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 132.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 275; ср. стр. 132.

изображенія четвероконечнаго креста на печатяхъ просфоръ. Но на всѣ эти порицанія отцы собора замѣтили, что церковь и въ этомъ случаѣ поступила вполнѣ правильно. Крестъ четвероконечный, какъ и осмиконечный, есть вполнѣ истинный крестъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ такіе великіе свѣтильники и учителя вѣры, какъ Аѳанасій Великій, Іоаннъ Дамаскинъ и другіе ¹⁾. Что же касается, въ-частности, печатей на просфорахъ, то и здѣсь, по мнѣнію отцевъ, удобнѣе и лучше изображать крестъ четвероконечный, ибо печати на которыхъ изображенъ „животворящій крестъ“, съ подножіемъ, адамовою головою и надписью: „се агнецъ Божій, взямаый грѣхи всего міра“,—не соотвѣтствуютъ назначенію просфоръ. Послѣднія имѣютъ не одинаковое назначеніе: изъ одной только просфоры вынимается часть „въ воспоминаніе Господне“ и пресуществляется „словесы Господними, глаголемыми отъ священника, и наитіемъ и дѣйствомъ святаго Духа“. Эта часть и будетъ агнцемъ Божиимъ. Изъ другихъ же просфоръ вынимаются части въ честь „пресвятыя Богородицы“ и святыхъ, или за живыхъ и умершихъ православныхъ христіанъ. Эти части уже „не глаголются агнецъ Божій и не прелагаются въ тѣло Владычне, или въ тѣлеса святыхъ, но токмо дары суть, и приношенія, и жертвы и умоленіе..., во оставленіе и прощеніе грѣховъ душъ или живыхъ, или мертвыхъ“ ²⁾. Понятно, что для такихъ просфоръ печати съ осмиконечнымъ крестомъ и надписью: „се агнецъ Божій, взямаый грѣхи всего міра“ уже не будутъ имѣть никакого смысла.

Наконецъ, раскольники порицали русскую церковь за то, что *во время нѣкоторыхъ священнодѣйствій она допускаетъ круговое хожденіе не навѣро по солнцу, но направо-противъ солнца.*

¹⁾ Матер. для ист. раск., т II, стр 125, 217

²⁾ Тамъ же Стр. 122—123, 206.

Отцы собора на это замѣчаютъ, что если церковь и допускаетъ противосолонное круговое хожденіе, при совершеніи таинствъ крещенія и брака, при перенесеніи плащаницы на утрени, въ великую субботу, и—мощей на освященіи храмовъ, то въ этомъ случаѣ она руководится слѣдующими основаніями: во-первыхъ, „обычаемъ святыхъ восточныхъ церкви“, которая служитъ для нея всегда первымъ и единственнымъ образцомъ, а во-вторыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что посолонное круговое хожденіе при указанныхъ священнодѣйствіяхъ не согласно съ таковымъ же хожденіемъ, при совершеніи другихъ церковныхъ чиновъ; такъ, напр., при хиротоніи діакона, священника, или архіерея обхожденіе святой трапезы съ хиротонисуемымъ бываетъ не налѣво, по солнцу, но направо, противъ солнца; малый входъ съ евангеліемъ и великій входъ со святыми дарами, чинъ кажденія во святомъ алтарѣ вокругъ святой трапезы и въ церкви также бываетъ не по солнцу, но паправо, противъ солнца. Зачѣмъ, послѣ этого, такое разнообразіе, замѣчаютъ отцы, когда во святой церкви должно быть во всемъ полное согласіе?!...¹⁾

С) Итакъ, отцы Большаго Московскаго собора и отрицательными и положительными доводами, вполне доказали православіе русской церкви, исправлявшей свои богослужбеныя книги, чины и обряды по греческимъ. Но всего этого было еще недостаточно: нужно было всѣ разсужденія собора касательно православія греко-русской церкви сдѣлать болѣе или менѣе извѣстными народу. Такъ отцы собора и дѣлаютъ: съ одной стороны, они издають отъ своего лица²⁾ книгу „Жезлъ Правленія..., утвержденія..., наказанія... и казненія“ служившую къ опроверженію раскольниковскаго ученія³⁾, а съ другой,—одобряють къ употребленію книгу „Скрижаль“,

¹⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 231—232.

²⁾ „Жезлъ Правленія“. Изд. 1753 г. Л. А. 1, об., 7 об., 9 об., 10 об., 13, 13 об. 58 об. 85, 103 об. и др.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 239—241, 396, 111—112.

весьма полезную въ дѣлѣ уясненія церковно-богослужебныхъ обрядовъ и положительнаго доказательства православія греко-русской церкви ¹⁾).

Еще 7-го мая 1666 года отцы собора постановили издать такое сочиненіе, которое бы основательно опровергало всѣ раскольническія мнѣнія²⁾. Составленіе такого сочиненія было поручено извѣстному ученому того времени Симеону Полоцкому, который и, дѣйствительно, взялся за этотъ трудъ 18-го мая того же года ³⁾. Результатомъ труда этого ученаго и была книга „Жезлъ Правленія“⁴⁾, которая была отпечатана въ первый разъ въ началѣ іюля 1667 года ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, с. 238—239.

²⁾ Въ самомъ началѣ книги „Жезлъ Правленія“ стоитъ такое надписаніе: „Жезлъ..., сооруженный отъ всего освященнаго собора, собраннаго повелѣніемъ благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержца, въ царствующемъ богоспасаемомъ и преименитомъ градѣ Москвѣ, вѣ лето 7174 (1666). мѣсяца мая, въ 7 день“. Указаніе года, мѣсяца и числа должно быть описано здѣсь, по мнѣнію проф. (убоитина, не къ слову „сооруженный“, а къ слову „собранный“, такъ что выйдетъ, что 7-го мая 1666 года было не „сооруженіе“ самой книги „Жезлъ Правленія“, а скорѣе только—то засѣданіе собора, на которомъ состоялось опредѣленіе—написать сочиненіе противъ раскольниковъ. Относитъ же указаніе года, мѣсяца и числа къ слову „сооруженный“ и признавать, такимъ образомъ, что „Жезлъ Правленія“ изданъ 7-го мая 1666 года—нѣтъ никакой возможности, ибо, во-первыхъ, никакъ нельзя предположить, чтобы такая большая книга была составлена въ одинъ день; а во-вторыхъ, самъ Симеонъ Полоцкій говоритъ, что онъ началъ составлять свою книгу „Жезлъ Правленія“ только 18-го мая 1666 года. Итакъ, 7-е мая 1666 года было днемъ не „сооруженія“ книги „Жезлъ Правленія“, а скорѣе, какъ справедливо думаетъ г. Субботинъ, днемъ того соборнаго засѣданія, на которомъ было постановлено составить эту книгу. (См. ст. проф. Субботина „Объ атакахъ большаго Московскаго собора (1666 и 1667 г.)“ (Братское слово за 1876 г., кн. 1, отд. II, стр. 11—13, примѣч. 1).

³⁾ См. Тамъ же, примѣч. 1, стр. 12.

⁴⁾ „Жезлъ Правленія“ былъ законченъ Симеономъ Полоцкимъ, по его собственному свидѣтельству, 13-го іюля 1666 года (Братское Слово за 1876 г., кн. 1, отд. II, стр. 12, примѣч.; „Ист. Русск. церкви“ Митрополита Макарія, т. ХП, стр. 681 и примѣч. 374. СПб. 1883 г.).

⁵⁾ Въ „Патріаршихъ выходахъ“ (Дополн. къ акт. истор., т. V, стр. 109) подъ 10 іюля 1667 года замѣчено, что „послѣ обѣдинъ государю царю поднесены книги печатныя новыя, „Жезлъ Правленія“, да и патріархомъ всѣмъ тріемъ

По своему содержанію она представляетъ полное обличеніе тѣхъ главныхъ раскольниковскихъ мнѣній, которыя заключались въ челобитныхъ поповъ Никиты и Лазаря ¹⁾,—этихъ вторыхъ филистимлянъ, которые „хулами нестерпимыми уничижали Бога, и святыхъ Его, и всю церковь—возлюбленную невѣсту Христову, не точію усты проклятыми, но и писанми своими богомерзскими“ ²⁾.

Благодаря такому своему содержанію, эта книга вполне отвѣчала церковнымъ нуждамъ того времени. И отцы собора не затруднились рекомендовать ее для чтенія всѣмъ, сомнѣвающимся въ православіи греко-русской церкви и желающимъ вполне разрѣшить себѣ вопросы „о святомъ символѣ, о трегубой аллилуіа, о сложеніи перстовъ, сирѣчь о знаменіи честнаго креста, и о другихъ пунктахъ ученія, служившихъ предметомъ разногласія между православною церковью и расколомъ“ ³⁾.

Но если „Жезль Правленія“ былъ весьма пригоденъ для опроверженія раскольниковскаго ученія, то другая книга—„Скрижаль“ ⁴⁾ была весьма полезна въ дѣлѣ уясненія церковно-богослужебныхъ обрядовъ и положительнаго доказательства православія греко-русской церкви.

поднесено по книгѣ. „Нужно полагать, что къ этому именно времени и былъ отпечатанъ „Жезль Правленія“, такъ какъ, безъ сомнѣнія, царю и патриархамъ были поднесены первые экземпляры вновь отпечатанной книги.

¹⁾ Изъ челобитной Никиты Симеонъ Полоцкій разобралъ только 30 положеній (См. „Жезль Правленія“, л. 11—69), а изъ „свитка пона Лазаря“ (Матер. для истор. раск. г. П. стр. 111)—70 (См. „Жезль Правл.“ л. 70—123. Изд. 1753 г.).

²⁾ „Жезль Правленія“, л. 13. Изд. 1753 г.

³⁾ Матер. для истор. раск. т. II, стр. 239—241, 393.

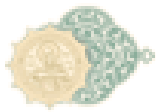
⁴⁾ Книга „Скрижаль“ составлена греческимъ іеромонахомъ Іоанномъ Налобаномъ. Въ 1653 году вселенскимъ патриархомъ Мансіемъ она была прислана московскому патриарху Никону. По повелѣнію послѣдняго, была переведена на славянский языкъ старцемъ Арсеніемъ Грекомъ; въ октябрѣ 1655 года она была напечатана, не выходя въ свѣтъ до тѣхъ поръ, пока не была рассмотрѣна и одобрена соборомъ 1656 года (См. „Истор. Рус. Церк.“, Макарія митрон. Московскаго, т. XII, стр. 187—188, 193—194. СПб. 1883 г., Ср. Ник. Скрижаль 1656 г., стр. 1; предисл., стр. 10, 17).

Въ дѣлѣ уясненія церковно-богослужебныхъ обрядовъ весьма важно *главное содержаніе Скрижали* которое представляетъ изъ себя полное изъясненіе божественной литургіи и другихъ священнодѣйствій ¹⁾. Здѣсь, напр., говорится, что „запамянують“ собою „святая, соборная, апостольская одушевленная церковь съ вещественною церковію, въ ней же божественныя тайны совершаются: что божественный жертвенникъ, и благословенная трапеза, на ней же безкровная жертва всеблгому Богу приносится: что катапетасма трапезная, литонъ священный, оиміатонъ съ оиміама, и священноначальническія съ священническими ризы, въ нѣхъ священники облечшеся таинственнѣ священнодѣйствуютъ: что хлѣбъ и вино, ихже овъ убо въ пречистое тѣло Христово дѣйствомъ всесвятаго Духа пресуществуется, ово же въ пречистую кровь Христову прелагается: что амвонъ церковный, олтарь божественный и церковный, священныя сосуды, и прочая премногая таинственная священнодѣйства, на божественной литургіи совершаема“ ²⁾.

Что касается положительнаго доказательства православія греко-русской церкви въ тѣхъ пунктахъ ученія, которые были предметами порицанія у раскольниковъ, то въ этомъ случаѣ имѣли важное значеніе *дополненія*, напечатанныя при Скрижали; таковы, напр., посланіе вселенскаго патріарха Паисія съ отвѣтами на вопросы московскаго патріарха Никона объ исправленіи церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, отвѣтъ патріарховъ—Макарія антиохійскаго, Гавріила сербскаго и митрополитовъ—Григорія никейскаго и Гедеола молдавскаго на вопросъ патріарха Никона о крестномъ знаменіи, слово монаха Дамаскина въ недѣлю крестопоклонную, слово „о еже коими персты десныя руки изображати крестъ“, разсужденіе навплійскаго протоіерея Николая Малакса объ именословномъ перстосложеніи для благословенія, сказаніе мона-

¹⁾ См. Никон. (Скрижаль), стр. 1—773.

²⁾ Скрижаль, предисл., стр. 5—7.

ха Максима Грека „о еже како подобаетъ извѣстно и твердо блюсти символъ, сирѣчь исповѣданіе православныя вѣры“¹⁾ и т. под.

Понятно, что при такомъ своемъ содержаніи книга „Скрижаль“ могла много принести пользы во время Большаго Московскаго собора, когда русское общество, дорожившее церковными обрядами, не знало ихъ смысла и таинственнаго значенія, и, вслѣдствіе этого, всякое исправленіе въ церковномъ богослуженіи считало нарушеніемъ православія. Вотъ почему отцы указаннаго собора сочли необходимымъ одобрить эту книгу для чтенія и повелѣть православнымъ христіанамъ имѣть „ю въ велицей чести ради многихъ богословскихъ разумовъ и таинъ церковныхъ, яже“ она „имать и содержитъ въ себѣ“. Но при этомъ, замѣчаютъ отцы, чтеніе этой книги можетъ принести пользу только людямъ разумнымъ, искуснымъ въ пониманіи таинственнаго ученія; невѣжды же пусть не приступаютъ къ ея чтенію, чтобы не омрачить имъ своего разума и, такимъ образомъ, не погибнуть, подобно Никитѣ, Лазарю, Аввакуму и другимъ расколоучителямъ²⁾).

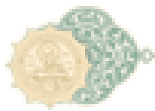
Итакъ, соборъ 1666—1667 годовъ *вполнѣ утвердилъ православіе греко-русской церкви: онъ высказалъ общее положеніе о православіи этой церкви; путемъ отрицательнымъ и положительнымъ доказалъ это положеніе, и все это постарался съдѣлать болѣе или менѣе извѣстнымъ народу при помощи двухъ сочиненій—„Жезла Правленія“ и „Скрижалі“.* Такъ соборъ исполнилъ свою первую задачу по отношенію къ расколу.

П. Шаровъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Скрижаль, стр. 630—829 и дал.

²⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 233—239.

МОСКОВСКИЙ МИТРОПОЛИТЪ МАКАРІЙ БУЛГАКОВЪ.

(Продолженіе)*).

2. Архимандритъ Макарій въ должности инспектора и профессора С.-Петербургской духовной Академіи.

Благоприятный исходъ ревизіи С.-Петербургской духовной Академіи въ 1843 г. для іеромонаха Макарія. Присвоеніе іером. Макарію званія экстраординарнаго профессора Академіи. Назначеніе іером. Макарія на должность инспектора Академіи, усвоеніе ему званія ординарнаго профессора и возведеніе его въ санъ архимандрита. Профессорская дѣятельность архим. Макарія: преподаваніе имъ основнаго и догматическаго богословія и русской церковной исторіи. Отношеніе программъ архим. Макарія по богословскимъ наукамъ къ программамъ Димитрія и Иннокентія, его учителей по Киевской духовной Академіи. Архим. Макарій, какъ инспекторъ Академіи.

Первый годъ службы іером. Макарія въ С.-Петербургской духовной Академіи закончился для него также счастливо и успѣшно, какъ и начался. Въ концѣ этого (184³/₃) года с.-петербургскій м. Антоній (Рафальскій), при содѣйствіи присутствовавшаго тогда въ св. Синодѣ, преосв. Гедеоны, еп. полтавскаго, обозрѣвалъ с.-петербургскую духовную Академію по всѣмъ частямъ ея управленія. Въ своемъ отчетѣ объ этой ревизіи м. Антоній, между прочимъ, свидѣтельствовалъ предъ Св. Синодомъ, что онъ „нашелъ въ воспитанникахъ Академіи по догматической части твердое православное направленіе, въ изученіи св. отцевъ Церкви полноту и ясность“ ¹⁾. Одобритель-

*) См. Труды Киевской дух. Академіи за м. августъ 1894 г.

¹⁾ См. извлеч. изъ отчета г. Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1843 г. 71—72 стр. у Чистовича И. Исторія С.-Петерб. дух. Академіи СПб. 1857 г. стр. 400.

ный отзывъ митрополита—ревизора о „твердомъ православномъ догматическомъ направленіи“ студентовъ Академіи былъ самой лестной аттестаціей для молодого бакалавра, іером. Макарія, который, какъ мы знаемъ, преподавалъ въ теченіи 1842^{2/3} учебнаго года догматическое богословіе. Его, очевидно, ожидала награда со стороны Св. Синода. Награда, дѣйствительно, не замедлила послѣдовать. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 3^{1/3} декабря 1843 г. бакалавру іером. Макарію „за обширныя познанія въ предметахъ богословія и отлично-ревностную службу и для поощренія впредь“ присвоено было званіе экстра-ординарнаго профессора богословскихъ наукъ¹⁾. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого видимъ новое поощреніе служебной дѣятельности молодого профессора. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ $\frac{16 \text{ октября}}{13 \text{ декабря}}$ 1844 г. профессоръ, іером. Макарій, въ вознагражденіе отлично—усердной службы его, былъ назначенъ инспекторомъ и ординарнымъ профессоромъ с.-петербургской духовной Академіи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля третьекласнаго монастыря. 17 декабря 1844 г. іером. Макарій былъ посвященъ м. Антоніемъ въ санъ архимандрита при служеніи въ Александро-Невской Лаврѣ и въ тотъ же день священникомъ Георгіемъ Добросердовымъ былъ приведенъ къ присягѣ на должность инспектора Академіи²⁾.

Такимъ образомъ, черезъ три года по окончаніи академическаго курса Макарій былъ уже архимандритомъ, ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ Академіи. По истинѣ рѣдкій и почти небывалый успѣхъ по службѣ! Успѣхъ этотъ, понятно, долженъ былъ еще болѣе усилить въ архим. Макаріи, съ одной стороны, чувство благоговѣнія къ „благодѣявшему ему Промыслу Божію“³⁾, по выраженію самого Макарія, а съ другой сторо-

¹⁾ См. арх. С.-Петербург. дух. Академіи Журн. Внутрен. Правленія за 21 окт. 1843 г. и Журн. Конференціи за 26 февр. 1844 г.

²⁾ См. арх. С.-Петербург. дух. Академіи по Внутр. Правленію за 1844г. дѣло № 14.

³⁾ (м. Церков. Вѣстн. за 1883 г. № 8-й.
Подготовлено Киевской Духовной Академіей и Семинаріей,
<http://kdais.kiev.ua>

ны, его и безъ того достойное удивленія трудолюбіе и ревность во всѣхъ занятіяхъ, какія были связаны съ его служебными обязанностями.

Въ должности профессора и инспектора с.-петербургской духовной Академіи архим. Макарій прослужилъ семь лѣтъ (съ 1843 по 1850 г.) Ближайшее и возможно болѣе подробное разсмотрѣніе этой важной эпохи въ жизни Макарія и составить предметъ послѣдующей нашей рѣчи.

Сдѣлавшись профессоромъ, архим. Макарій по прежнему занималъ одну изъ важнѣйшихъ богословскихъ кафедръ въ Академіи, именно кафедру догматическаго богословія. Въ качествѣ профессора по догматическому богословію, архим. Макарій преподавалъ собственно двѣ богословскія науки: а) основное богословіе, иначе называвшееся энциклопедіей православнаго богословія, и б) догматическое богословіе. Сверхъ того архим. Макарій читалъ лекціи и по русской церковной исторіи, которую онъ нѣкогда преподавалъ въ нашей академіи.

Преподаваніемъ основнаго богословія архим. Макарій открылъ свои чтенія по богословскимъ наукамъ студентамъ XVI курса с.-петербургской духовной Академіи въ 18⁴³/₄₅ учебномъ курсѣ. Для сужденія о томъ, въ какомъ объемѣ и въ какой системѣ преподавалъ архим. Макарій основное богословіе, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи три программы, представлявшіяся Макаріемъ въ Правленіе Академіи а) къ декабрьскимъ испытаніямъ 1844 г., б) къ іюньскимъ испытаніямъ 1845 г. и в) къ декабрьскимъ испытаніямъ 1846 года. Такимъ образомъ, мы имѣемъ данныя для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о курсѣ основнаго богословія, читанномъ архим. Макаріемъ въ 18⁴³/₄₅—18⁴⁵/₄₇ годахъ. Въ теченіи же этого-же времени исполнѣ опредѣлился у архим. Макарія курсъ науки основнаго богословія. Въ 1847 г. этотъ курсъ былъ уже напечатанъ архим. Макаріемъ подъ заглавіемъ: „Введеніе въ Православное Богословіе“. Это послѣднее сочиненіе архим. Макарія было

ничѣмъ инымъ, какъ только печатнымъ воспроизведеніемъ его академическихъ лекцій по энциклопедіи православнаго богословія, читанныхъ въ теченіи 18^{45/47} учебнаго курса.

Судя по „конспекту основнаго богословія, преподаннаго студентамъ XVI курса с.-петербургской „духовной Академіи въ первую половину 184^{3/4} г.,“ ¹⁾ въ предисловіи“, т. е. введеніи, іером. Макаріемъ сообщалъ своимъ слушателямъ а) понятіе объ основномъ богословіи, какъ введеніи въ православное богословіе, б) понятіе о православномъ богословіи, в) о предметѣ введенія въ православное богословіе, г) объ основныхъ началахъ православнаго богословія и д) общее и частнѣйшее раздѣленіе основнаго богословія. Самая система основнаго богословія предполагалась имѣющею состоять изъ трехъ частей, при чемъ въ теченіи первой половины 18^{43/44} учебнаго года іером. Макаріемъ была преподаана только одна первая часть. Она заключала въ себѣ „апологетику христіанской вѣры“. Въ первомъ отдѣленіи этой части раскрывалось понятіе о христіанской вѣрѣ, частіе: понятіе о вѣрѣ вообще (членъ 1-й), понятіе о вѣрѣ откровенной (членъ 2-й) и понятіе о вѣрѣ собственно христіанской (членъ 3-й). Во второмъ отдѣленіи говорилось о божественномъ происхожденіи христіанской вѣры, частіе: излагались доказательства ветхозавѣтнаго откровенія (членъ 1-й) и новозавѣтнаго откровенія (членъ 2-й). Наконецъ, въ третьемъ отдѣленіи сообщалось объ источникахъ христіанской вѣры: Св. Писаніи и Св. Преданіи.

Къ концу 184^{3/5} учебнаго курса архим. Макаріемъ представлялъ уже полную программу въ видѣ „плана основнаго богословія, преподаннаго студентамъ XVI курса“ ²⁾. Въ этомъ „планѣ“ мы видимъ первую часть основнаго богословія въ

¹⁾ См. арх. С. Петерб. дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1844 г. дѣло о декабрьскихъ испытаніяхъ студентовъ Академіи.

²⁾ См. тамъ же по Внутрен. Правленію за 1845 г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ Академіи.

нѣсколько измѣненномъ изложеніи, при чемъ измѣненія касались не содержанія, или объема, а исключительно системы, или правильнѣе слововыраженія. Тѣ же самые отдѣлы и частнѣйшіе члены были изложены здѣсь точнѣе и выразительнѣе. Очевидно, что архим. Макарій въ теченіи 18^{43/45} учебнаго курса много думалъ и серьезно работалъ надъ планомъ основнаго богословія. По выработанному имъ въ теченіи этого времени плану, система основнаго богословія должна была состоять изъ введенія и трехъ частей. Содержаніе введенія и первой части науки намъ уже извѣстно. Во второй части говорилось о церкви, какъ учительницѣ православной вѣры, частице: а) о существѣ церкви, б) о божественной важности и достовѣрности для насъ учительства церкви, в) о православіи церкви восточной и г) о сочиненіяхъ, содержащихъ въ себѣ ученіе православной Церкви. Въ третьей части науки основнаго богословія предлагалась самая система богословія, при чемъ а) сообщались предварительныя понятія о системѣ богословія и б) начертывалось самое построеніе этой системы, гдѣ кратко характеризовались приготовительныя, составительныя и прикладныя науки православнаго богословія. Такова была программа преподаванія архим. Макаріемъ основнаго богословія въ теченіе 18^{43/45} учебнаго курса.

Въ слѣдующемъ учебномъ курсѣ архим. Макарій преподавалъ основное богословіе уже по нѣсколько измѣненной программѣ и притомъ подъ другимъ названіемъ „энциклопедіи православнаго богословія“. Судя по этой программѣ ¹⁾, во введеніи профессоръ архим. Макарій доказывалъ необходимость и потребность энциклопедіи православнаго богословія, особенно въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, сообщалъ понятіе объ энциклопедіи православнаго богословія, предметъ и составныхъ частяхъ этой науки, о значеніи ея въ ряду прочихъ богословскихъ наукъ, ея исторіи и литературѣ. Въ пер-

¹⁾ См. тамъ же ко Внутр. Правленію за 1846 г. дѣло о декабрьскихъ испытаніяхъ студентовъ Академіи.

вой части науки онъ преподавалъ о предметѣ православнаго богословія, частіѣ: о существѣ христіанской религіи и о божественномъ происхожденіи христіанской религіи. Въ теченіи первой половины 18⁴⁵/₄₆ учебнаго года архим. Макаріемъ было преподано только введеніе и затѣмъ первая часть энциклопедіи православнаго богословія. Дальнѣйшаго продолженіи программы по энциклопедіи православнаго богословія, преподаванной архим. Макаріемъ студентамъ XVII курса, мы не имѣемъ подъ руками. Но судя потому, что введеніе и первая часть программы по энциклопедіи православнаго богословія за 18⁴⁵/₇ учебный курсъ буквально совпадаютъ съ предисловіемъ и первою частью сочиненія Макарія подъ заглавіемъ „Введеніе въ Православное Богословіе“, можно съ увѣренностію предполагать, что и въ дальнѣйшемъ своемъ содержаніи программа по энциклопедіи православнаго богословія за 18⁴³/₄₇ учебный курсъ буквально совпадала съ программой, по какой написано вышеозначенное сочиненіе архим. Макарія. Но если такъ, то во второй части энциклопедіи православнаго богословія архим. Макарій преподавалъ студентамъ XVII курса объ источникахъ православнаго богословія, частіѣ: о Св. Писаніи (отдѣлъ 1-й), о Св. Преданіи (отдѣлъ 2-й) и о православной церкви, какъ хранительницѣ и истолковательницѣ Св. Писанія и Св. Преданія (отдѣлъ 3-й), въ третьей-же части—о системѣ православнаго богословія вообще (отдѣлъ 1-й) и о составныхъ частяхъ системы православнаго богословія въ особенности, именно: о наукахъ предварительныхъ, составныхъ и прикладныхъ (отдѣлъ 2-й).

Такимъ образомъ, различіе между программами архим. Макарія по основному богословію, или энциклопедіи православнаго богословія за 18⁴³/₄₅ и 18⁴⁵/₄₇ учебные курсы состояло въ слѣдующемъ. По программѣ 18⁴³/₅ курса трактатъ „*объ источникахъ христіанской вѣры*“ составлялъ третье отдѣленіе первой части; въ программѣ-же 18⁴⁵/₇ курса этотъ трактатъ составлялъ первое отдѣленіе второй части и стоялъ здѣсь подъ

нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: „*объ источникахъ православнаго богословія*“; далѣе, по программѣ 1843^{3/5} учебнаго курса трактать „*о церкви, какъ учительницѣ православной вѣры*“ составлялъ вторую часть науки основнаго богословія; между тѣмъ какъ въ программѣ 1845^{5/7} учебнаго курса онъ занималъ только одно третье отдѣленіе второй части подъ нѣсколько измѣненнымъ названіемъ: „*о православной Церкви, какъ хранительницѣ и истолковательницѣ Св. Писанія и Св. Преданія*“; наконецъ, въ программѣ 1845^{5/7} курса всѣ вообще части и отдѣлы изложены были подробнѣе, обстоятельнѣе и раздѣльнѣе, чѣмъ въ программѣ 1843^{3/5} учебнаго курса.

Изъ сказаннаго нами сѣйчасъ очевидно, что различіе между программами XVI и XVII курсовъ по основному богословію, или энциклопедіи православнаго богословія было не существенное и касалось не содержанія науки, а исключительно распредѣленія одного и того же содержанія по различнымъ частямъ и отдѣламъ. Но какъ ни мало было различіе между программами XVI и XVII курсовъ, однако-же оно въ высшей степени важно для насъ. Различіе это служитъ краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ того, что въ теченіе 1843—1847 г.г. архим. Макарій серьезно и непрерывно работалъ надъ усовершеніемъ своей программы по основному богословію, или энциклопедіи православнаго богословія. Поэтому, та программа, по какой было написано архим. Макаріемъ „Введеніе въ Православное Богословіе“, была самостоятельнымъ произведеніемъ его.

Но само собою разумѣется, что самостоятельность архим. Макарія въ выработкѣ имъ программы по наукѣ „основнаго богословія“ могла быть только относительною. Не могъ-же, въ самомъ дѣлѣ, онъ создать совершенно новую, въ полномъ смыслѣ слова самостоятельную программу по этой наукѣ. Послѣднее невозможно было уже по одному тому, что онъ въ данномъ случаѣ долженъ былъ необходимо соотнобразиться съ

существовавшими тогда въ духовной школѣ понятіями объ этой наукѣ. Такимъ образомъ, общія преданія духовной школы должны были въ силу необходимости отразиться на выработанной архим. Макаріемъ программѣ основнаго богословія, или введенія въ православное богословіе. Это вліяніе преданій духовной школы и выразилось, дѣйствительно, въ сходствѣ программы архим. Макарія съ программами его предшественниковъ по преподаванію настоящей науки. Это такъ естественно, что упрекать архим. Макарія за подобное вліяніе было-бы въ высшей степени несправедливо. Но этого мало. На программѣ архим. Макарія должно было отразиться не только общее вліяніе преданій духовныхъ школъ, но и въ частности вліяніе той именно школы, въ которой получилъ образованіе архим. Макарій. Это опять таки было совершенно въ порядкѣ вещей и требовать, чтобы архим. Макарій былъ независимъ отъ вліянія преданій Киевской духовной Академіи было-бы неестественно. Вотъ почему мы, съ совершенно спокойною совѣстью и отнюдь не боясь набросить тѣнь на свѣтлое и славное имя знаменитаго русскаго богослова, признаемъ, что программа архим. Макарія по основному богословію, или по введенію въ православное богословію, была во многихъ отношеніяхъ сходна съ программой по этому предмету его учителя, покойнаго архіепископа Дмитрія Муретова. Сходство это выразилось не только въ совпаденіи общихъ и главныхъ пунктовъ программы, но и въ частнѣйшихъ подраздѣленіяхъ ея, а нерѣдко даже и въ самой внѣшней формѣ выраженія этихъ послѣднихъ. По всему видно, что архим. Макарій, по крайней мѣрѣ, въ самое первое время своей преподавательской дѣятельности въ с.-петербургской духовной Академіи имѣлъ подъ руками у себя программу своего учителя Дмитрія по основному богословію, или введенію въ православное богословіе. Для того, чтобы не быть голословными, мы считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ тою программой, по какой

преподавать назвачную науку архим. Димитрій Муретовъ въ Кіевской духовной Академіи.

Въ первую половину 1837½ учебнаго года архим. Димитрій впервые преподавалъ основное богословіе подъ именемъ „Апологетики Христіанства“ студентамъ ІХ-го курса Кіевской духовной Академіи по слѣдующей программѣ¹⁾. Прежде всего, онъ сообщалъ своимъ слушателямъ предварительныя свѣдѣнія по данной наукѣ въ видѣ „введенія въ курсы богословскихъ наукъ“, гдѣ разъяснялъ понятіе о богословіи, какъ наукѣ, о предметѣ богословія, внѣшней формѣ богословія, возможности богословской системы, опасностяхъ при систематическомъ изученіи христіанской религіи, измѣняемости и постоянномъ законѣ богословской системы, частяхъ богословской системы, методѣ и достоинствахъ ея, связи богословія съ другими науками, и въ заключеніи предлагалъ очеркъ исторіи богословія. Послѣ предварительныхъ свѣдѣній профессоръ читалъ „апологетику христіанства“²⁾, которая, въ свою очередь, у него раздѣлялась на вступленіе и двѣ части. Во вступленіи сообщались основныя свѣдѣнія объ апологетикѣ, какъ наукѣ, ея предметѣ, назначеніи, отношеніи къ другимъ богословскимъ наукамъ, планѣ ея и предлагался очеркъ исторіи апологетики. Первая часть апологетики заключала въ себѣ ученіе о религіи и откровеніи вообще. Въ ученіи о религіи сообщались понятія о религіи, составѣ ея, основаніи религіи въ природѣ человѣка, дѣйствительномъ существованіи религіи въ родѣ человѣческомъ, происхожденіи религіи отъ Бога, свойствахъ истинной религіи, возможности поврежденія и утраты истинной религіи, слѣдствіяхъ этой утраты, о состояніи рели-

¹⁾ См. арх. Кіевск. духов. Академіи по Внутрен. Правленію за 1837 г. дѣло о декабрьскихъ испытаніяхъ (№ 74).

²⁾ Вспомнимъ, что и у Макарія въ его программѣ за 1818½ учебн. курсъ первая часть программы заключала въ себѣ „апологетику христіанской вѣры“, но въ послѣдующихъ его программахъ по основному богословію это выраженіе не встрѣчается.

гій въ родѣ человѣческомъ, причинахъ и неестественности этого состоянія, о потребности возстановленія истинной религіи въ родѣ человѣческомъ и условіяхъ къ тому. Въ ученіи объ откровеніи говорилось о понятіи и возможности ложныхъ откровеній и необходимости признаковъ истиннаго откровенія, о подлежательныхъ и подлежательныхъ, внутреннихъ и внешнихъ признакахъ истиннаго откровенія, о методѣ и способѣ изложенія, приличныхъ откровенію. Вторую часть апологетики составляло „защитеніе христіанской религіи“: здѣсь божественность христіанства доказывалась на основаніи личнаго характера, дѣлъ и ученія Основателя христіанской религіи, ученія и дѣлъ Апостоловъ Его и въ особенности Св. Ап. Павла.

Слѣдующему X курсу, питомцемъ котораго былъ, между прочимъ, и архим. Макарій, Димитрій преподавалъ основное богословіе уже по нѣсколько измѣненной программѣ, видимо отличающейся отъ прежней программы болѣею полнотою, отчетливостію и обстоятельностью. Прежде всего, въ программѣ X курса самое выраженіе „Апологетика христіанства“ уже отсутствуетъ и замѣняется терминомъ „общаго, или основнаго богословія“¹⁾. Предварительныя свѣдѣнія объ этой наукѣ подъ именемъ „общаго введенія въ курсъ богословскихъ наукъ“, за самымъ незначительнымъ различіемъ (сравнительно съ программой IX курса отсутствуютъ параграфы подъ буквами е) опасности при систематическомъ изученіи христіанской религіи и ж) средства къ уклоненію оныхъ, а также называются самыя части богословской системы, именно: науки приговорительныя, собственно система богословія и науки прикладныя), совершенно сходны съ таковыми же свѣдѣніями программы IX курса. За предварительными свѣдѣніями слѣдовало самое изложеніе общаго, или основнаго богословія.

¹⁾ См. арх. Кіев. дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1839 г. дѣло о декабрьскихъ испытаніяхъ студентовъ (№ 44).

Последнее раздѣлялось на вступленіе и два отдѣленія. Вступленіе въ общемъ было сходно съ вступленіемъ въ „апологику христіанства“ по программѣ IX курса. Въ первомъ отдѣленіи основнаго богословія сообщалось ученіе о религіи вообще, а именно: во 1) общія свѣдѣнія о религіи, во 2) о возможности расторгненія религіознаго союза съ Богомъ—со стороны человѣка, въ 3) о потребности возстановленія религіи, въ 4) объ откровеніи и признакахъ его, методѣ, способѣ изложенія и неизмѣняемости откровенія. Во второмъ отдѣленіи основнаго богословія говорилось о религіи христіанской, а именно во 1) о божественномъ происхожденіи христіанской религіи, во 2) сущности и свойствахъ ея и въ 3) источникахъ христіанской религіи: Св. Писаніи, Св. Преданіи и ученіи св. православно-христіанской церкви.

Итакъ, вотъ программы—архим. Димитрія, какъ она сложилась у него ко времени поступленія Макарія въ число его учениковъ и архим. Макарія, какъ она окончательно была выработана имъ ко времени напечатанія его сочиненія: „Введеніе въ Православное Богословіе“—въ ихъ взаимномъ сопоставленіи:

ПРОГРАММА АРХИМ. ДИМИТРІЯ

А) Общее введеніе въ курсъ богословскихъ наукъ, гдѣ сообщались общія предварительныя свѣдѣнія о богословіи, какъ наукѣ, и указывались части богословской системы.

Б) Богословіе общее или основное.

Вступленіе.

Общія предварительныя свѣдѣнія о наукѣ „основнаго богословія“.

Отдѣленіе первое.

Ученіе о религіи вообще.

ПРОГРАММА АРХИМ. МАКАРІЯ

Предисловіе

Общія предварительныя свѣдѣнія о наукѣ „Введеніе въ Православное Богословіе“.

Часть первая.

О предметѣ православнаго богословія.

Отдѣлъ первый.

О религіи и откровеніи вообще.

Глава первая.

О религіи.

а) Основныя истины, предп-

- а) общее понятіе о религіи.
- б) возможность расторженія союза съ Богомъ—со стороны человѣка,
- в) потребность возстановленія религіи,
- г) понятіе объ откровеніи,
- д) необходимость и возможность откровенія,
- е) признаки откровенія: внутренніе и внѣшніе.

Отдѣленіе второе.

О религіи христіанской.

1) Божественное происхожденіе христіанской религіи, которое доказывалось на основаніи ученія, нравственнаго характера чудесъ и пророчествъ Господа Иисуса Христа.

2) Сущность и свойства христіанской религіи.

3) Источники христіанскаго ученія.

А) Св. Писаніе.

Б) Св. Преданіе.

В) Ученіе св. православно-каѳолической церкви.

лагаемая понятіемъ о религіи.

б) Существо религіи.

в) Религія, какъ достояніе всѣхъ существъ духовныхъ и всего рода человѣческаго: понятіе о церкви.

Глава вторая.

Объ откровеніи:

- а) возможность откровенія,
- б) необходимость откровенія,
- в) признаки откровенія:

1) внутренніе,

2) внѣшніе.

О религіи христіанской, какъ единомъ истинномъ откровеніи.

Глава первая.

О христіанствѣ, какъ религіи.

Глава вторая.

О христіанствѣ, какъ единомъ истинномъ откровеніи:

1) О божественномъ происхожденіи ветхозавѣтнаго откровенія.

2) О божественномъ происхожденіи новозавѣтнаго откровенія.

Часть вторая.

Объ источникахъ православнаго богословія.

Отдѣлъ первый.

О Св. Писаніи.

Отдѣлъ второй.

О Св. Преданіи.

Отдѣлъ третій.

О православной церкви, какъ хранительницѣ и истолковательницѣ св. Писанія и св. Преданія.

Часть третья.

О системѣ православнаго богословія.

Изъ представленнаго сопоставленія программъ видно, что программа архим. Макарія въ однихъ пунктахъ была сходна съ программой архим. Димитрія, а въ другихъ замѣтно отличалась отъ нея. Сходство между программами собственно заключалось въ слѣдующемъ: во 1) предварительныя свѣдѣнія о наукѣ почти одинаково излагались тамъ и здѣсь; во 2) трактатъ о религіи вообще въ обѣихъ программахъ почти одинаковъ и въ 3) трактатъ объ откровеніи вообще довольно сходно излагался въ той и другой программѣ. Различіе же между программами состояло въ слѣдующемъ: во 1) система богословскихъ наукъ у Димитрія излагалась въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ и, повидимому, очень кратко; у Макарія-же она занимала всю третью часть программы и излагалась весьма подробно и обстоятельно; во 2) ученіе объ источникахъ христіанской вѣры у Димитрія составляло заключеніе втораго отдѣла, въ которомъ говорилось о христіанской религіи; а у Макарія оно занимало вторую обширную часть программы; въ 3) одни и тѣ-же отдѣлы у Макарія излагались видимо подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ у Димитрія; такъ, напр., доказательство божественнаго происхожденія христіанской религіи у Димитрія ограничивалось анализомъ однихъ только новозавѣтныхъ свидѣтельствъ, тогда какъ у Макарія привлекались къ дѣлу и ветхозавѣтныя свидѣтельства, которыя при томъ разбирались весьма подробно, и наконецъ, въ 4) архим. Димитрій, судя по его программѣ, преподавалъ преимущественно *обще-христіанское* основное богословіе, тогда какъ у архим. Макарія замѣчается видимое стремленіе преподавать преимущественно введеніе въ *православно-христіанское* богословіе.

Таково было существенное различіе между программами, по какимъ преподавали основное богословіе Димитрій и Макарій. Что-же касается найденнаго нами раньше сходства между этими праграммами, то значительная часть его должна быть отнесена на счетъ во 1) общности предмета и во 2)

вліянія преданій одной и той-же школы. При этомъ считаемъ позволительнымъ, замѣтити, что вліяніе преданій школы сильнѣе и замѣтнѣе отразилось на программѣ Димитрія, чѣмъ на программѣ его ученика Макарія. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что между программами Макарія и Димитрія замѣчается меньшее сходство, чѣмъ между программами Димитрія и его учителя, знаменитаго Иннокентія. Въ этомъ можно весьма легко убѣдиться посредствомъ сличенія программъ Димитрія и Иннокентія по основному богословію, или введенію въ курсъ богословскихъ наукъ. Архим. Иннокентій въ первую треть 1833^{3/4} учебнаго года преподавалъ введеніе въ богословіе студентамъ VII курса Киевской духовной Академіи, питомцемъ котораго былъ и Димитрій, по слѣдующей программѣ¹⁾: во 1) *prolegomena in theologia universam*; во 2) *doctrina de religione ingenere*; въ 3) *doctrina de religione christiana ingenere*. Но тѣ же самыя пункты мы находимъ и въ программѣ архим. Димитрія, а именно: во 1) общее введеніе въ курсъ богословскихъ наукъ; во 2) ученіе о религіи вообще и въ 3) ученіе о религіи христіанской; особенно замѣтно сходство между Иннокентіємъ и Димитріємъ въ изложеніи третьяго пункта программы по введенію въ богословіе, гдѣ Димитрій буквально повторялъ Иннокентія²⁾.

Изъ всего сказаннаго нами о преподаваніи архим. Макаріємъ въ С.-Петербургской духовной Академіи основнаго

¹⁾ См. арх. Киевск. дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1833 г. дѣло № 56. Слѣдуетъ замѣтити, что съ находящеюся здѣсь программой архим. Иннокентія по введенію въ курсъ богословскихъ наукъ буквально сходна и программа іером. Антонія Шокотова, по какой онъ преподавалъ тотъ же предметъ студентамъ VIII курса Киевск. дух. Академіи (см. арх. Киевск. дух. Академіи по Внутр. Правленію за 1835 г. дѣло № 34).

²⁾ Мы имѣемъ въ виду здѣсь сходство исключительно между программами Иннокентія и Димитрія; но само собою разумѣется, что при однихъ и тѣхъ же программахъ могло быть существенное различіе въ самомъ исполненіи ихъ, что, дѣйствительно, и было въ отношеніи между академическими чтеніями преосв. Иннокентія и преосв. Димитрія по введенію въ курсъ богословскихъ наукъ.

богословія, или энциклопедіи православнаго богословія мы имѣемъ право сдѣлать слѣдующее заключеніе: во 1) окончательно выработанная архим. Макаріемъ программа по этой наукѣ была самостоятельнымъ (по крайней мѣрѣ, отвосительно) произведеніемъ его; во 2) эта программа была выработана имъ постепенно въ теченіи 1843—1847 г.г. и въ 3) судя по программѣ, и самыя чтенія архим. Макарія по этой наукѣ были самостоятельнымъ произведеніемъ его, независимымъ отъ чтеній его учителя по Кіевской духовной Академіи, архим. Димитрія, хотя окончательное сужденіе объ этомъ отлагаемъ до того времени, когда будемъ говорить о сочиненіи архим. Макарія, которое было печатнымъ воспроизведеніемъ его академическихъ чтеній по основному богословію.

Одновременно съ основнымъ богословіемъ архим. Макарій во все обозрѣваемое время преподавалъ и богословіе догматическое. Намъ уже извѣстна та программа, по какой Макарій преподавалъ догматическое богословіе студентамъ XV курса С.-Петербургской духовной Академіи въ теченіи 1842²/₃ учебного года. Въ своемъ мѣстѣ мы высказали, на основаніи словъ самого Макарія ¹⁾, предположеніе, что программа эта совпадала съ тѣмъ конспектомъ, по какому былъ составленъ Макаріемъ сборникъ „догматическаго ученія по руководству св. Димитрія Ростовскаго“. Теперь, имѣя подъ руками подлинную программу Макарія по догматическому богословію за 1842²/₃ учебный годъ, мы имѣемъ возможность перейти изъ области предположеній въ область дѣйствительныхъ фактовъ. Дѣйствительно, программа чтеній Макарія по догматическому богословію за 1842²/₃ учебный годъ буквально совпадала съ конспектомъ упомянутаго сборника. Для того, чтобы быть болѣе обстоятельными и понятными въ послѣдующей своей рѣчи, мы воспроизведемъ здѣсь эту программу въ самыхъ общихъ чертахъ, послѣ чего мы уже будемъ имѣть возможность

¹⁾ См. Церк. Вѣсти. 1883 г. № 8-й.

лучше и скорѣе разобраться посреди программъ архим. Макарія, по какимъ онъ читалъ догматику студентамъ слѣдующихъ курсовъ С.-Петербургской духовной Академіи.

Въ 184²/₃ учебномъ году Макарій выполнилъ одну только вторую половину программы по догматическому богословію ¹⁾. Онъ читалъ: 1) о Богѣ вообще и общихъ дѣйствіяхъ Его въ мірѣ (часть первая, въ которой говорилось именно о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра невидимаго (I), о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра видимаго (II), и о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ человѣка (III), и во 2) о Богѣ въ частности, какъ Спасителѣ человѣковъ, и особенномъ дѣйствіи Его въ мірѣ и о домостроительствѣ нашего спасенія (часть вторая, въ которой подробно говорилось о Богѣ, какъ Спасителѣ человѣческаго рода (отд. I) и о Божіемъ домостроительствѣ человѣческаго спасенія (отд. II).

Въ слѣдующемъ 184³/₄ учебномъ курсѣ архим. Макарій преподавалъ догматическое богословіе по нѣсколько иной программѣ, при чемъ сдѣланныя въ программѣ измѣненія касались главнымъ образомъ формальной стороны дѣла. Все догматическое богословіе по программѣ XVI курса раздѣлялось на двѣ части ²⁾. Въ первой части, озаглавленной „богословіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ“ излагалось ученіе о Богѣ, а именно: о Богѣ единомъ по существу и о Богѣ троичномъ въ лицахъ, и объ отношеніи Божіемъ къ міру, частіе: о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра невидимаго, видимаго и человѣческаго. Во второй части, озаглавленной „Христословіе“ (излагалось ученіе о Христѣ Иисусѣ, въ частности о Христѣ Спасителѣ (о лицѣ Иисуса Христа, двухъ естествахъ въ I. Христѣ, о двоякомъ состояніи Господа нашего I. Христа) и объ от-

¹⁾ См. арх. С.-Петербургск. дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1843г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ.

²⁾ См. тамъ же за 1815 г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ Академіи

ношеніи І. Христа къ человѣческому роду, гдѣ собственно излагалось ученіе о пророческомъ, первосвященническомъ и царскомъ служеніи Господа І. Христа, при чемъ ученіе о царскомъ служеніи Господа І. Христа, въ свою очередь, распадалось на два отдѣла, изъ коихъ первый озаглавливался такъ: „І. Христосъ, какъ царь управляетъ своимъ благодатнымъ царствомъ, или церковію“, а второй такъ: „І. Христосъ, какъ царь, является и явится Судіею человѣческаго рода“.

Сравненіе программъ Макарія, по какимъ онъ преподавалъ догматическое богословіе студентамъ XV и XVI курсовъ с.-петербургской духовной Академіи, показываетъ, что а) въ ученіи о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра онъ были почти буквально согласны между собою, и б) различались онъ только во второй своей части, которая въ программѣ XV курса озаглавливалась такъ: „о Богѣ въ частности, какъ Спасителѣ человѣковъ, и особенномъ дѣйствіи его въ мірѣ и о домостроительствѣ нашего спасенія“, а въ программѣ XVI курса такъ: „Христословіе“; различіе состояло въ слѣдующемъ: 1) въ программѣ XVI курса указывалась связь между первою и второю частями догматики, чего не видимъ въ программѣ XV курса; 2) въ программѣ XVI курса ученіе о двухъ естествахъ въ природѣ Господа І. Христа предшествовало ученію о единствѣ въпостаси во І. Христѣ, а въ программѣ XV курса эти два трактата находились въ обратномъ взаимоотношеніи; 3) въ программѣ XV курса ученіе о Богоматери составляло особый трактатъ, тогда какъ по программѣ XVI курса оно входило въ трактатъ о двухъ естествахъ Господа І. Христа; 4) трактатъ, слѣдовавшій за ученіемъ о лицѣ Господа І. Христа, въ программѣ XV курса озаглавливался такъ: „исторія нашего Спасителя“, а въ программѣ XVI курса такъ: „о двоякомъ состояніи Господа нашего І. Христа“; 5) второй отдѣлъ второй части догматики въ программѣ XV курса имѣлъ такое заглавіе: „о Божіемъ домостроительствѣ человѣческаго спасенія“, а въ программѣ XVI курса такое:

„объ отношеніи І. Христа къ человѣческому роду“; 6) второй отдѣлъ второй части догматики въ программѣ XV курса начинался ученіемъ о приготовленіи человѣческаго рода ко спасенію во І. Христѣ и затѣмъ уже слѣдовало ученіе о пророческомъ, первосвященническомъ и царскомъ служеніи Спасителя, тогда какъ въ программѣ XVI курса этотъ отдѣлъ начинался прямо ученіемъ о троякомъ служеніи, и наконецъ 7) трактатъ о Богѣ, какъ Издвоздатель въ программѣ XVI курса составлялъ только вторую часть ученія о царскомъ служеніи Господа І. Христа, между тѣмъ какъ въ программѣ XV курса онъ занималъ совершенно особенное мѣсто. Показанное нами различіе между программами XV и XVI курсовъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что архим. Макарій серьезно работалъ надъ усовершенствованіемъ своей программы по догматическому богословію въ теченіи 1843—1847 года, при чемъ сдѣланныя имъ въ теченіи этого времени измѣненія касались почти исключительно формальной стороны ея.

Въ программѣ, по которой архим. Макарій читалъ догматику XVII курсу студентовъ с.-петербургской духовной Академіи, сравнительно съ предыдущими программами замѣчаются слѣдующія двѣ особенности: 1) здѣсь мы видимъ введеніе въ догматическое богословіе; въ этомъ введеніи профессоръ сообщалъ своимъ слушателямъ понятіе о православной догматикѣ вообще, понятіе о догматѣ православной вѣры Христовой, условіяхъ догмата, частное понятіе о догматѣ, какъ предметѣ православной догматики, раздѣленіи догматовъ съ этой точки зрѣнія, наконецъ, о планѣ и методѣ православной догматики, и 2) самое догматическое богословіе по прежнему дѣлилось на двѣ части, изъ коихъ первая заключала въ себѣ богословіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, т. е. ученіе о Богѣ (отд. I.) и о Божіемъ отношеніи къ міру (отд. II), а вторая часть содержала „Христословіе“, или ученіе о лицѣ І. Христа и Его отношеніи къ человѣческому роду. Но за то въ

частнѣйшемъ разсмотрѣніи этихъ общихъ пунктовъ православно-догматическаго ученія настоящая программа сравнительно съ предыдущими отличалась большею подробностію, обстоятельностью и отчетливостію, что особенно должно сказать о трактатѣ, излагавшемъ ученіе о существѣ Божіемъ и существенныхъ свойствахъ Божіихъ.

Наконецъ, въ программѣ, по которой архим. Макарій преподавалъ догматику XVIII курсу студентовъ с.-петербургской духовной Академіи въ теченіи 1847/8 г., мы подмѣтили слѣдующую особенность¹⁾. При сохраненіи прежняго плана и дѣленія науки на введеніе и самое догматическое богословіе, которое, въ свою очередь, распадалось на двѣ части, въ программѣ замѣчается еще бѣлая полнота, обстоятельность подробностей и отчетливость, съ какими разсматривались отдѣльные пункты догматическаго богословія. Въ частности, во введеніи, кромѣ прежде указанныхъ вопросовъ, рѣшались еще слѣдующія: 1) долгъ православно-догматическаго богословія, 2) дѣленіе догматовъ, а) на библейскіе и церковные, б) раскрытые и нераскрытые, в) основныя и частныя, г) непостижимыя и постижимыя, д) существенныя и несущественныя и е) общія и основныя, и въ 3) очеркъ исторіи православно-догматическаго богословія. Съ другой стороны, въ перечисленіи свойствъ Божіихъ и въ раздѣленіи ихъ по пунктамъ, кромѣ большей полноты сравнительно съ предыдущимъ, нами замѣчены еще слѣдующія двѣ частнѣйшія особенности: 1) „всемогущество“ отнесено къ числу свойствъ существа Божія вообще, тогда какъ въ прежнихъ программахъ оно относилось къ числу свойствъ воли Божіей, и 2) въ числѣ свойствъ существа Божія вообще находимъ одно новое, т. е. неупомянувшееся въ прежнихъ программахъ архим. Макарія, именно: „неизмѣримость существа Божія“. Считаемо необходимымъ здѣсь замѣтить, что по разсмотрѣнной нами сейчасъ програм-

¹⁾ См. тамъ же за 1848 г. дѣло о декабрьскихъ испытаніяхъ студентовъ Академіи.

мѣ XVIII курса архим. Макарій въ 1848 г. съ апрѣльской книжки академическаго журнала „Христіанское Чтеніе“ началъ печатать свое православно-догматическое богословіе, при чемъ въ печатномъ произведеніи были удержаны тѣ-же самыя дѣленія и рубрики, какія находятся и въ программѣ. Поэтому, на программу XVIII курса можно смотрѣть, какъ на окончательно выработанную архим. Макаріемъ за это время программу догматическаго богословія.

Изъ представленнаго нами краткаго очерка программъ, по какимъ архим. Макарій преподавалъ догматическое богословіе въ бытность инспекторомъ и профессоромъ с.-петербургской духовной Академіи, мы можемъ ясно видѣть слѣдующее. Во 1) архим. Макарій серьезно, неутомимо и непрерывно въ теченіи всего этого времени (1843—1849 г.) занимался обработкою программы по догматическому богословію. Съ каждымъ новымъ курсомъ онъ вводилъ въ свои чтенія по догматикѣ что-либо новое, или же дѣлалъ измѣненія въ распредѣленіи догматическаго ученія по различнымъ отдѣламъ. Всѣ эти дополненія и измѣненія краснорѣчиво свидѣтельствовали объ усовершенствованіи познаній архим. Макарія по догматическому богословію, о болѣе глубокомъ, всестороннемъ и частнѣйшемъ изученіи имъ этой важнѣйшей отрасли богословскихъ наукъ. Во 2) архим. Макарій, очевидно, путемъ самостоятельнаго и въ высшей степени усерднаго труда, который онъ добровольно несъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, окончательно выработалъ ту программу, по какой написана его знаменитая догматическая система. Послѣ этого въ высшей степени является страннымъ мнѣніе, будто Макарій заимствовалъ программу своей догматики у своего учителя по Киевской духовной Академіи, преосв. Димитрія. Мы шагъ за шагомъ слѣдили за Макаріемъ въ его работахъ, во всѣхъ измѣненіяхъ и усовершенствованіяхъ имъ своихъ чтеній по догматикѣ и въ концѣ концовъ пришли къ глубокому убѣжденію, что программа догматическаго богословія была выработана архим. Мака-

ріємъ совершенно самостоятельно и независимо отъ другого какого-либо авторитета.

Говоря это, мы вовсе не желаемъ утверждать того, что въ программѣ архим. Макарія по догматическому богословію не было никакого сходства съ программами его предшественниковъ. Сходство это бесспорно есть, но оно такого свойства, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ свидѣтельствовать о рабской зависимости архим. Макарія отъ его учителей по Кіевской духовной Академіи. Въ этомъ лучше всего можно убѣдиться посредствомъ сравненія программъ Иннокентія, Димитрія и Макарія по догматическому богословію. Вотъ эти программы въ ихъ взаимномъ сопоставленіи:

Программа Иннокентія, представленная имъ конпулятаго учебнаго курса Кіевской дух. Академіи¹⁾.

1. Definitio theologiae dogmaticae: summa et partitio
Pars prima, theognosiam exhibens, hic
Doctrina de Deo ejusque attributis

Doctrina de B. Trinitatis mysterio
Doctrina de mundi creatione,

Doctrina de Dei providentia

Doctrina de Spiritibus: Angelis et Daemonibus
Doctrina de statu hominis primitivi: а) creatio hominis

3) perfectio
Doctrina de primorum parentum apsu

Программа Димитрія, читанная имъ X курсу Кіевской д. Академіи²⁾.

Введеніе.

Часть первая: ученіе о Троицѣи Богѣ и Его отношеніи къ міру

I. Ученіе о Троицѣи Богѣ

1. Ученіе о трехъ божественныхъ Упостасяхъ.

2. О единомъ Божествѣ, существѣ трехъ Упостасей.

II. Ученіе о дѣйствіяхъ Троицѣи Божества въ мірѣ

1. Ученіе о сотвореніи міра.

2. Ученіе о Провидѣніи Божіемъ.

3. Ученіе объ Ангелахъ: а) добрыхъ и б) злыхъ.

4. Ученіе о человѣкѣ: происхожденіе человѣка и образъ сотворенія его.

Программа Макарія, читанная имъ XVIII курсу С.-Петербург. д. Академіи³⁾.

Введеніе.

Часть первая: богословіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ.

I. Ученіе о Богѣ въ Самихъ Себѣ .

1. О Богѣ единомъ по существу и существенныхъ свойствахъ Его.

2. О Богѣ троицѣи въ Лицахъ.

II. Объ отношеніи Божіемъ къ міру.

1. Ученіе о твореніи и промислѣ.

2. О Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра невидимаго, т. е. Ангеловъ добрыхъ и злыхъ.

3. О Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра видимаго.

¹⁾ См. арх. Кіевской дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1831 г. дѣло № 86.

²⁾ См. такъ же за 1841 г. дѣло № 54.

³⁾ См. арх. С.-Петербург. дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1849 г. дѣло объ юнскихъ испытаніяхъ студентовъ.

Pars secunda, Soterologia, sive doctrinam de restitutione generis humani per Christum proponens.

1. Doctrina de praevia praeparatione generis humani ad salutem in Christo

2 Doctrina de duabus naturis Christi

3. Doctrina de triplici Christi officio: prophético, sacerdotali et regio.

4. Doctrina de applicatione salutis per Christum.

De sacramentis.

Pars tertia, Dicastelologia continens.

Doctrina de morte et statu hominis post mortem.

Doctrina de die novissima et resurrectione mortuorum.

Doctrina de iudicio universali et consummatione mundi.

Doctrina de diversa animarum sorte in vita aeterna

Часть вторая.

Вступленіе: 1) о первобытномъ состояніи человека; 2) о паденіи человѣка.

Ученіе о спасеніи рода человѣческаго Сыномъ Божиимъ,

Приготовленіе рода человѣческаго къ принятію Искушителя.

Пришествіе І. Христа и служеніе Его спасенію человѣческаго рода.

Ученіе о Лицѣ І. Христа, или о таинствахъ воплощенія.

Ученіе о служеніи І. Христа спасенію человѣческаго рода: пророческомъ, первосвященническомъ и царскомъ.

Ученіе о царствѣ Божіемъ, учрежденномъ на земли І. Христомъ, для спасенія человѣка.

А. Царство благодатное или церковь воинствующая. О таинствахъ.

В. Царство славы, или церковь торжествующая.

1. Окончаніе царства благодати — послѣдняя брань съ областію сатаны.

2. Откровеніе царства славы: воскресеніе мертвыхъ, славное пришествіе Господа и послѣдній судъ.

3. Образъ царства славы — слѣдствія суда Христова: а) вѣчная жизнь праведниковъ и б) вѣчное осужденіе грѣшниковъ.

4. О Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ рода человѣческаго, причеи въ ученіи о Богѣ, какъ Промыслителѣ человѣка, рода излагалось ученіе о паденіи человѣка,

Часть вторая.

Ученіе о Богѣ, какъ Искушителѣ человѣковъ.

Предварительныя понятія. Ученіе о лицѣ І. Христа.

Исторія нашего Спасителя. Ученіе о Божіемъ домостроительствѣ человѣческаго спасенія.

Приготовленіе рода человѣческаго ко спасенію въ Христѣ Иисусѣ.

Ученіе о троякомъ служеніи І. Христа роду человѣческому.

1) І. Христосъ, какъ пророкъ.

II) І. Христосъ, какъ первосвященникъ.

III) І. Христосъ, какъ царь.

1. управляетъ Своимъ благодатнымъ царствомъ, или церковію.

2. является и явится судіею рода человѣческаго:

а) о судѣ частномъ:

б) о судѣ всеобщемъ:

1) предварительныя обстоятельства сего суда.

2) самый судъ,

3) его слѣдствія.

Изъ представленнаго нами сопоставленія программъ Иннокентія, Димитрія, и Макарія видно, что 1) программа каждаго изъ названныхъ Архипастырей имѣла свои существенныя характеристическія особенности; 2) замѣчаемое между ними сходство необходимо требовалось самымъ существомъ дѣла, т. е. общностью предмета и, наконецъ, 3) въ частности, что касается собственно взаимнаго отношенія между программами Димитрія и Макарія, то Макарій до конца остался вѣренъ тѣмъ отступленіямъ отъ программы своего учителя

какія мы видѣли въ самой первой программѣ Макарія, по которой онъ преподавалъ догматическое богословіе студентамъ XV курса С.-Петербургской духовной Академіи въ 184²/₃ учебномъ году. Весьма важное и существенное различіе между программами Димитрія и Макарія, какъ это можно видѣть изъ представленнаго нами сравненія ихъ, состояло въ слѣдующемъ: 1) у Димитрія догматическое ученіе о твореніи и Промыслѣ Божіемъ излагалось вмѣстѣ и нераздѣльно, тогда какъ у Макарія оно разсматривалось отдѣльно, т. е. въ различныхъ пунктахъ; 2) у Димитрія ученіе о первоначальномъ состояніи человѣка, его паденіи и первородномъ грѣхѣ стояло во главѣ трактата о домостроительствѣ спасенія чловѣческаго рода, между тѣмъ какъ у Макарія это ученіе излагалось въ концѣ трактата о Богѣ, какъ Промыслителѣ чловѣческаго рода, и, наконецъ, 3) у Димитрія ученіе о мздовоздаяніи составляло вторую половину трактата о царствѣ Божіемъ, учрежденномъ на землѣ І. Христомъ для спасенія людей, и озаглавливалось такъ: „царство славы, или церковь торжествующая“, тогда какъ у Макарія это ученіе составляло вторую половину трактата о царскомъ служеніи Господа І. Христа и имѣло такое заглавіе: „І. Христосъ, какъ Царь, является и явится Судіею рода чловѣческаго“. Показанное сейчасъ различіе безусловно исключаетъ всякую мысль о зависимости богословско-догматической программы Макарія отъ таковой же программы Димитрія.

Кромѣ введенія въ православное богословіе и догматическаго богословія, архим. Макарій, въ бытность свою инспекторомъ и профессоромъ с.-петербургской духовной Академіи, преподавалъ студентамъ высшаго отдѣленія еще и русскую церковную исторію. Программа преподаванія въ общемъ оставалась та же самая, по какой Макарій читалъ эту науку студентамъ XV курса Кіевской духовной Академіи въ 184¹/₂ учебномъ году. Во введеніи, послѣ предварительныхъ свѣдѣній (понятіе о наукѣ и раздѣленіе ея по предмету и по времени—на пе-

ріоди), профессоръ обозрѣвалъ первый—предварительный періодъ, гдѣ сообщалъ своимъ слушателямъ свѣдѣнія о началѣ христіанства въ предѣлахъ нынѣшней Россіи до основанія русскаго царства (проповѣдь св. ап. Андрея, церковь Христова въ древней Скифїи, или нынѣшнемъ новороссійскомъ краѣ, церковь Христова въ древней Сарматїи, или нынѣшнемъ кавказскомъ краѣ и церковь Христова въ закавказьи) и о началѣ христіанства собственно въ царствѣ русскомъ (крещеніе Аскольда и Дира, переводъ св. Писанія и богосл. книгъ на славянскій языкъ, состояніе христіанства на Руси при Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ и Игорѣ, крещеніе в. к. Ольги, попытка къ распространенію на Руси папизма, крещеніе в. к. Владиміра, кїевлянъ и всей земли русской). Собственно по исторїи русской церкви архим. Макарій въ теченїи учебнаго курса обозрѣвалъ два первые періода ея: 1) до порабоженія Россіи татарами въ 1240 г. и 2) до учрежденія въ Россіи патріаршества въ 1588 г. Въ томъ и другомъ періодѣ профессоръ разсматривалъ обыкновенно состояніе русской церкви съ трехъ сторонъ: 1) по внѣшнему ея составу (іерархїя и паства), 2) по внутреннему составу (духовное просвѣщеніе и ученіе, внѣшнее богослуженіе и управленіе) и 3) по успѣхамъ въ вѣрѣ и благочестїи (всѣхъ вообще христіанъ, монастырей и монашествующихъ и лицъ, особенно отличавшихся святостію жизни).

Но при общемъ согласїи кїевской и петербургской программъ Макарія по русской церковной исторїи, есть между ними и различїе. Прежде всего, въ с.-петербургской духовной Академіи архим. Макарій успѣвалъ въ теченїи учебнаго курса прочитывать больше, чѣмъ въ Кїевѣ. Поэтому, въ петербургской программѣ вторая половина ея является новою. Вотъ содержаніе ея. Въ трактатѣ о внѣшнемъ состоянїи русской церкви до утвержденія въ ней патріаршества излагалось. а) исторїя іерархїи, причѣмъ говорилось о перенесенїи митрополичьей каведры изъ Кїева во Владиміръ и потомъ въ Москву

раздѣленіи русской митрополіи, началѣ нѣкоторой независимости оиѣ цареградскаго патріарха, московскихъ и кіевскихъ митрополитахъ съ 1461 г., отношеніи митрополитовъ къ патріарху, князьямъ, духовенству и народу, переменѣхъ въ нашихъ епархіяхъ, новыхъ архіепископахъ въ Россіи, правахъ епископовъ и о средствахъ для содержанія высшаго духовенства, б) изображалось состояніе паствы, причеѣ говорилось объ умноженіи числа вѣрующихъ, или распространеніи православной вѣры въ Россіи, противодѣйствійхъ успѣхамъ православной вѣры со стороны религіозныхъ обществъ заграничныхъ (папистовъ, реформатовъ, соцініанъ и татаръ) и со стороны сектъ, возникшихъ въ нѣдрахъ нашей церкви (стригольниковъ и раскольниковъ); въ трактатѣ о внутреннемъ устройствѣ русской церкви говорилось а) о духовномъ просвѣщеніи и ученіи (упадкѣ просвѣщенія, крайнемъ невѣжествѣ духовенства, церковныхъ писателяхъ изъ числа архипастырей и низшаго духовенства и нѣкоторыхъ чертахъ самаго ученія догматическаго, нравственно-аскетическаго, полемическаго и др.), о внѣшнемъ богослуженіи (храмахъ, ихъ числѣ, извѣстнѣйшихъ храмахъ, священныхъ временахъ, новыхъ празднествахъ, соблюденіи постовъ, священныхъ дѣйствійхъ и вещахъ) и объ управленіи (основаніи церковнаго управленія, устройствѣ его и рядѣ соборовъ); наконецъ, въ трактатѣ объ успѣхахъ въ вѣрѣ и благочестіи изображалось состояніе въ эѣмъ отношеніи а) всѣхъ вообще христіанъ (набожность и благочестіе народа, обстоятельства, содѣйствовавшія эѣму, недостатки въ вѣрѣ и нравственности и причины эѣихъ недостатковъ); б) монастырей и монашествующихъ (новые монастыри, знаменитѣйшіе изъ нихъ, средства для содержанія ихъ, внутреннее устройство ихъ и образъ жизни иноковъ) и в) лицъ, особенно отличавшихся святостію жизни изъ числа царственныхъ особъ, архипастырей и подвижниковъ разныхъ обителей. Съ другой стороны, есть различіе между кіевскою и петербургскою программами Макарія по русской церковной исторіи и въ изложеніи частнѣйшихъ пунктовъ программы. Такъ,

напр., трактатъ, имѣющій одинаковое заглавіе въ обѣихъ программахъ: „состояніе русской церкви по внѣшнему составу“, по петербургской программѣ начинался исторіею іерархіи и затѣмъ уже изображалось состояніе паствы, а по кievской программѣ въ этомъ трактатѣ сначала говорилось о паствѣ и потомъ уже объ іерархіи; очевидно, порядокъ изложенія въ первой программѣ болѣе соотвѣтствовалъ существу дѣла, чѣмъ во второй. Далѣе, въ петербургской программѣ совсѣмъ отсутствовалъ параграфъ, озаглавленный въ Кіевской программѣ: „Рюрикъ-Христіанинъ“. Наконецъ, петербургская программа Макарія по русской церковной исторіи отличалась отъ Кіевской большею полнотою, подробностію и обстоятельностью. Насколько вообще петербургская программа была полнѣе, обстоятельнѣе и подробнѣе кievской въ параллельныхъ отдѣлахъ, это можно особенно ясно видѣть изъ слѣдующаго сравненія ихъ:

Кіевская программа¹⁾

1) Состояніе паствы.

А) умноженіе числа вѣрующихъ

Б. Попытки напѣсократить число православно-вѣрующихъ въ Россіи

В. благоденствіе и бѣдствія вѣрующихъ

С.-петербургская программа²⁾

2) Паства

а) умноженіе числа вѣрующихъ, или распространеніе вѣры православной

α) въ странахъ тогдашней Россіи и

β) въ странахъ пограничныхъ;

б) противодѣйствія успѣхамъ православной вѣры:

α) со стороны волхвовъ,

β) со стороны напѣсок,

αα) рядъ ихъ попытокъ

бб) ихъ мнимые у насъ успѣхи

γ) со стороны ересей и расколовъ, проникавшихъ къ намъ

¹⁾ См. арх. Кіевск. дух. Академіи по Внутреннему Правленію за 1841 г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ.

²⁾ См. арх. Петерб. дух. Акад. по Внутрен. Правленію за 1845 г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ.

2) Состояніе іерархіи

А. Митрополиты,

Б. Епископы,

В. Прочее низшее духовенство,

Г. Міряне.

изъ Греціи.

аа) лжеученіе Адріана и Дмитрія;

бб) споры о постѣ въ среду и пятокъ

вв) ересь Мартына.

І. Іерархія

а) составъ Русской іерархіи

б) происхожденіе Митрополитанской власти на Руси.

в) попытка раздѣлить нашу Митрополію

г) рядъ Митрополитовъ

І) до Иларіона

ІІ) съ Иларіона до конца періода.

д) отношеніе ихъ къ цареградскимъ Патріархамъ, великимъ князьямъ, подвѣдомымъ Епископамъ и народу;

е) число епархій,

ж) ихъ раздѣленіе на архіепископіи и епископіи,

з) отношеніе епископовъ къ митрополиту, князьямъ, подвѣдомому духовенству и народу.

и) источники для содержанія митрополита и епископовъ,

і) употребленіе епископскихъ доходовъ,

к) о низшемъ духовенствѣ

л) общая привиллегія всего духовенства,

м) міряне, причисленные къ классу духовныхъ.

Всѣ указанія нами измѣненія въ петербургской программѣ архим. Макарія по русской церковной исторіи весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что Макарій не оставилъ занятій этою наукою и въ бытность свою инспекторомъ С.-Петербургской духовной Академіи. Правда, многосложныя и отвѣтственныя обязанности по должности инспек-

тора и профессора богословскихъ наукъ не позволяли ему вести эти занятія правильно и систематически. Архим. Макаріѣ, какъ онъ самъ сознается въ одномъ изъ своихъ писемъ къ преосв. Иннокентію, занимался русскою церковною исторіею въ это время только „урывками“¹⁾. Можно думать, что собственно искренняя привязанность къ наукѣ и желаніе во что-бы то ни стало не оставлять разъ вчатыхъ занятій по русской церковной исторіи и побудило главнымъ образомъ архим. Макарію добровольно принять на себя обязанности преподавателя этой важной науки, для которой къ тому же въ данное время не было особой кѣедры въ С.-Петербургской духовной Академіи. Несмотря однако же на то, что архим. Макаріѣ имѣлъ возможность заниматься русскою церковною исторіею въ С.-Петербургѣ только „урывками“, занятія эти все-таки сопровождались значительнымъ успѣхомъ. Какъ можно заключать изъ программъ, по какимъ архим. Макаріѣ преподавалъ русскую церковную исторію студентамъ С.-Петербургской духовной Академіи, познанія его въ области этой науки значительно расширились теперь и сдѣлались видимо болѣе глубокими и основательными, чѣмъ были прежде. Плодомъ занятій архим. Макаріѣ русскою церковною исторіею были также, какъ скоро увидимъ, многіе и очень солидные труды его по различнымъ вопросамъ этой науки, напечатанные имъ въ обозрѣваемое время.

Въ заключеніе всей нашей рѣчи о профессорской дѣятельности архим. Макаріи мы должны замѣтить, что подобно тому, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ Макаріѣ былъ образцовымъ и выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ профессоромъ. Лекціи его по богословскимъ наукамъ и по русской церковной исторіи, произносившіяся имъ обыкновенно наизусть, отличались живостію, занимательностію и могучимъ воздѣйствіемъ на слушателей. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣ-

¹⁾ См. Христ. Чтеніе за 1884 г. т. I ст. 800 письмо отъ 9 апр. 1846 г.

тельство отъ одного изъ непосредственныхъ слушателей Макарія въ самое первое время его профессорской дѣятельности въ С.-Петербургской духовной Академіи. „Позвольте вашему академическому слушателю“,—писаль протоіерей І. Базаровъ, магистръ XV курса С.-Петербургской духовной Академіи, слушавшій іером. Макарія въ первый годъ его службы здѣсь,—*„никогда, и вдали отъ отчизны и среди богословской учености Германіи, не забывающему вашего преподаванія, столь живо впечатлѣвагося на юныхъ сердцахъ вашихъ слушателей,“*—позвольте предстать предъ вашимъ преосвященствомъ съ слабымъ трудомъ моимъ...“¹⁾).

Какъ инспекторъ Академіи, архим. Макарій оставилъ по себѣ память въ С.-Петербургѣ въ высшей степени аккуратнаго, исполнительнаго и внимательнаго къ нуждамъ студентовъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго и требовательнаго начальника. Всѣ эти качества, составлявшія отличительную особенность его характера, въ то-же время прекрасно восполнялись въ немъ гуманностію отношеній къ студентамъ. При незначительныхъ нарушеніяхъ академической дисциплины, которая при Макаріи, нужно замѣтить, была очень строга въ Петербургѣ, инспекторъ Макарій предпочиталъ рѣшать дѣло собственнымъ судомъ, т. е. выговоромъ или замѣчаніемъ провинившемуся въ чемъ либо студенту. Только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ онъ позволялъ себѣ обращаться къ содѣйствию высшей академической власти—Правленія. Но даже и въ этихъ случаяхъ гуманный инспекторъ обыкновенно ходатайствовалъ о смягченіи наказаній, слѣдовавшихъ студентамъ за ихъ проступки. Такъ, 26 ноября 1845 г. инспекторъ архим. Макарій доносилъ Правленію, что студентъ Елисей Ивановъ возвратился въ Академію въ нетрезвомъ видѣ. Правленіе, по особому ходатайству инспектора, сдѣлало такое постановленіе: „послѣ внушенія посадить студента Ива-

¹⁾ См. Прав. Обзорѣніе 1889 г. т. I стр. 372.

нова на три дня въ карцеръ, а всѣмъ студентамъ объявить, что, если кто нибудь изъ нихъ будетъ замѣченъ въ нетрезвости, то немедленно же будетъ исключенъ изъ академіи“ ¹⁾. Въ вѣдомости за мартъ 1849 г. инспекторъ Макарій одного студента В. Н. аттестовалъ такъ: послѣ многократныхъ замѣчаній и увѣщаній остается непокорнымъ существующимъ правиламъ начальства“. Академическое Правленіе по этому поводу постановило: „В. Н. сдѣлать строгій выговоръ со внушеніемъ уваженія къ его обязанностямъ, въ теченіе мѣсяца не отпускать въ городъ, неисправности его отмѣтить въ книгѣ поведенія и объявить ему, что въ случаѣ продолженія неисправности онъ можетъ лишиться одобрительнаго отзыва по поведенію въ аттестатѣ, по окончаніи курса ученія“ ²⁾. 22 мая 1850 г. инспекторъ Макарій входилъ въ Правленіе съ запискою слѣдующаго содержанія: „имѣю честь донести Академическому Правленію, что студентъ высшаго отдѣленія И. Г., будучи уволенъ 21 числа текущаго мѣсяца въ городъ, возвратился къ вечеру въ Академическій корпусъ въ нетрезвомъ видѣ“. Правленіе 23 мая 1850 г. постановило: „хотя неодобрительные поступки, подобные сдѣланному воспитанникомъ Г., совершенно не могутъ быть терпимы въ духовной Академіи, но такъ какъ означенный воспитанникъ оказался въ немъ виновнымъ въ первый разъ въ продолженіе академическаго курса: то въ наказаніе содержать его на хлѣбѣ и водѣ въ теченіе пяти дней и не удостоивать увольненія изъ Академіи въ городъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заслужитъ того послѣдующимъ исправленіемъ и благоповеденіемъ, а неодобрительный его поступокъ отмѣтить въ книгѣ поведенія“ ³⁾.

Изъ инспекторскихъ вѣдомостей, ежемѣсячно представлявшихся архим. Макаріемъ въ Правленіе, можно заключать

---

¹⁾ См. архивъ С.-Петербург. дух. Акад. Журн. Внутр. Правленія за 26 ноября 1845 г.

²⁾ См. арх. С.-Петерб. дух. Академія журн. Внутр. ирвл. за 2 апр. 1849г.

³⁾ См. тамъ же Журн. Внутр. Правл. а 23 мая 1850 г.

что Макарій весьма внимательно наблюдалъ за нравственною жизнью студентовъ и прекрасно зналъ отличительныя особенности характера каждого изъ нихъ въ отдѣльности. Изъ тѣхъ-же вѣдомостей можно заключать, что архим. Макарій въ особенную похвалу студентамъ вмѣнялъ точное и акуратное исполненіе ими всѣхъ своихъ обязанностей ¹⁾. Между прочимъ, въ вѣдомости за 1845 г. архим. Макарій студентовъ высшаго отдѣленія: Евграфа Ловягина (впослѣдствіи профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи) и Василия Наумова (въ монашествѣ Кириллъ, бывшій потомъ инспекторомъ той же Академіи) аттестовалъ такъ: „отличались строгою точностію въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, любовію къ наукѣ и тихостію права;“ въ той же вѣдомости противъ студента низшаго отдѣленія Александра Булгакова было замѣчено: „отличается мягкостію сердца, кротостію и дружелюбіемъ“. Въ вѣдомости за январь 1849 г. года студентъ высшаго отдѣленія Иванъ Янышевъ аттестованъ: „отличается скромностію и трудолюбіемъ“; студенты низшаго отдѣленія—Н. Делицынъ, Ил. Чистовичъ и Н. Наумовъ: „внимательны къ себѣ и исправны“, Александръ Бровковичъ: „отличается скромностію и набожностію ²⁾“; въ вѣдомости за ноябрь 1850 г. студенты высшаго отдѣленія—іерод. Никаноръ, іерод. Германъ, Н. Делицынъ и Ил. Чистовичъ отмѣчены: „отличаются благородствомъ, набожностію и трудолюбіемъ“ ³⁾; въ другихъ вѣдомостяхъ о поведеніи студентовъ, представлявшихся архим.

¹⁾ См. арх. С.-Петерб. дух. Академіи Журн. Внутр. Правленія за 26 ноября 1845 г.

²⁾ Наоборотъ, Макарію, какъ инспектору, больше всего не нравились тѣ именно студенты, которые почему либо неохотно подчинялись введеннымъ имъ дисциплинарнымъ порядкамъ въ Академіи. „Я, писалъ Макарій Серафимову 15 апрѣля 1848 г. о студентѣ Гумаликѣ изъ грековъ, „всячески стараюсь ему покровительствовать,—хоть опять, увы, плохо онъ любитъ подчиняться нашимъ порядкамъ, и скажу откровенно: мнѣ много съ нимъ горя“. (См. Церк. Вѣст. 1833 г. № 10).

³⁾ См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1949 г. дѣло № 41.

Макаріємъ, чаще всего встрѣчаются такія аттестаціи: отличается благородствомъ, трудолюбіемъ и исправностію“ (Н. Сергіевскій), „отличается скромностію, благородствомъ и трудолюбіемъ“ (Н. Делицынъ), „благороденъ и постоянно исправенъ“ (И. Янышевъ), „отлично набоженъ и дѣятеленъ“ (Г. Кикодзевъ), „трудолюбивъ и исправенъ“ (И. Дроздовъ), „отлично скромненъ и исправенъ въ отношеніи обязанностей старшаго“, (И. Янышевъ) „скромненъ и постоянно усерденъ въ занятіяхъ“ (Г. Кикодзевъ) и. т. д. ¹⁾.

Вообще, какъ инспекторъ, архим. Макарій имѣлъ большое вліяніе на студентовъ и на направленіе всей вообще внутренней жизни С.-Петербургской духовной Академіи. Кромѣ того, архим. Макарій оказывалъ сильное вліяніе и на обоихъ ректоровъ, смѣнившихся за это время въ С.-Петербургской духовной Академіи, и благодаря этому давалъ главный тонъ всей академической жизни. Девизомъ этой послѣдней во время инспекторства Макарія былъ строгій порядокъ, точность и аккуратность во всемъ. Всѣ эти нравственные правила академической жизни настолько утвердились въ годы инспекторства Макарія, что они сдѣлались какою то необходимою принадлежностію ея и сохраняли всю свою силу долго послѣ Макарія. „Наше время,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Г. Рыбаковъ, кандидатъ XXV курса С.-Петербургской духовной Академіи, вышедшій изъ нея уже въ 1859 г.,—„наше время отличалось строгостію правилъ студенческаго быта. Но мы не чувствовали этой строгости и не тяготились ею. *Вся эта регламентація, подѣ разумнымъ управленіемъ и при педагогическомъ тактѣ преосвящ. Макарія еще съ бытностію ея инспекторомъ,—тактѣ, основанномъ на глубокомъ знаніи свойствъ души человѣческой, вошла въ нравы и обычаи студентовъ, составляя духъ заведенія, который традиціонно пере-*

¹⁾ См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1850 г. дѣло № 25.

²⁾ См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1848 г. дѣло № 23.

ходилъ отъ одного курса къ другому и которымъ, какъ потокомъ, увлекался всякій новичекъ даже изъ непривыкшихъ къ требованіямъ общежитіе. Студенты обыкновенно говорили: „у насъ это не принято“, напр., составлять компаніи, или кутить, выходить изъ Академіи въ непозволенное время“¹⁾.

Дѣйствительно, во все время инспекторства архим. Макарія, между студентами с.-петербургской духовной Академіи не было никакихъ особенныхъ волненій и вообще никакихъ выраженій недовольства своимъ начальствомъ. Студенты жили спокойно, каждый занимаясь своимъ дѣломъ. Всѣ они глубоко уважали своего строгаго, исполнительнаго и требовавшаго отъ всѣхъ и во всемъ точности инспектора и охотно подчинялись всѣмъ распоряженіямъ его, видя лучший образецъ этого на самомъ же своемъ начальникѣ. Добрымъ отношеніямъ между инспекторомъ Макаріемъ и студентами немало содѣйствовало также и то, что всѣ дѣйствія этого послѣдняго были глубоко проникнуты безпристрастіемъ, справедливостію, гуманностію и снисходительностію къ своимъ подчиненнымъ. Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что инспекторская дѣятельность архим. Макарія имѣла столь же плодотворные результаты, какъ и профессорская его служба. Слѣдствіемъ разумной инспекторской дѣятельности архим. Макарія было установленіе во внутренней жизни с.-петербургской духовной

---

¹⁾ См. Прав. Обзоръ 1883 г. т. 2. стр. 539. Замѣчательно, что архим. Макарій введенные имъ въ Академіи порядки желалъ видѣть и въ семинаріяхъ, нахотившихся въ вѣдѣніи с.-петербург. дух. Академіи. Въ качествѣ инспектора Академіи онъ долженъ былъ давать отчеты о нравственномъ состояніи всѣхъ духовныхъ семинарій с.-петербургскаго духовно-учебнаго округа. Между прочимъ, 18 апр. 1841 г. онъ входилъ во вѣдѣніе правленіе съ запискою въ которой объяснялъ, что по таблицамъ подвѣдомственныхъ Академіи семинарій поведеніе учениковъ было въ весьма хорошемъ состояніи, но при этомъ указалъ и на то, что нѣтъ единства (точнѣе однообразія) въ обозначеніи повеленія учениковъ. Правленіе постановило: „сдѣлать внушеніе, чтобы соблюдалось однообразіе“. (См. арх. с.-петерб. дух. Академіи по Высшему Правленію журн. за 18 апр. 1846 г.).

Академіи особаго направленія Самою характеристическою чертою этого направленія былъ порядокъ во всемъ,—но не мертвый, исключительно формальный порядокъ, убивающій душу человѣка, а порядокъ, одухотворенный сознаніемъ необходимости и пользы его. Заведенные архим. Макаріемъ порядки основывались исключительно на точномъ исполненіи каждымъ членомъ малаго академическаго общества своего нравственнаго долга. Неудивительно, если такіе порядки, не смотря на нѣкоторый ригоризмъ ихъ, не только не тяготили студентовъ но даже нравились имъ. Поэтому, величайшая заслуга инспектора, архим. Макарія состояла, какъ справедливо замѣчаетъ г. Рыбаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, именно въ томъ, что онъ не только создалъ особенный порядокъ нравственной жизни студентовъ, но даже заставилъ ихъ полюбить этотъ порядокъ. Студенты с.-петербургской духовной Академіи любили и даже гордились заведенными при инспекторѣ Макаріи порядками, когда прямо и открыто говорили всѣмъ: „у насъ такъ не принято“.

Установившіяся при архим. Макаріи дисциплинарныя правила за шесть лѣтъ его инспекторства хорошо привились къ академической жизни и, какъ мы знаемъ изъ словъ г. Рыбакова, долго сохраняли свою силу и послѣ Макарія. Такому прочному водворенію въ академической жизни созданныхъ Макаріемъ порядковъ не мало содѣйствовало, между прочимъ, и то обстоятельство, что Макарій, въ бытность свою инспекторомъ, неоднократно исполнялъ ректорскую должность и при томъ не въ каникулярное только время, какъ это чаще всего бываетъ, но иногда даже и среди учебнаго года. Во время исправленія ректорской должности архим. Макарій, разумѣется, съ большею увѣренностію и съ большимъ успѣхомъ могъ высказывать свои предположенія касательно измѣненій въ правилахъ дисциплины, чѣмъ въ то время, когда онъ бывалъ только инспекторомъ. Съ другой стороны, и сами студенты во время исправленія архим. Макаріемъ ректорской должности привыкали относиться къ своему инспектору съ большимъ

уваженіемъ, почему послѣдующія распоряженія его, какъ инспектора, имѣли для нихъ большую силу и авторитетность. Но какъ ни благоприятно было для Макарія съ этой стороны исполненіе имъ ректорской должности, однакоже это обстоятельство имѣло и свои неудобства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда архим. Макарій исправлялъ должность ректора Академіи, въ его рукахъ сосредоточивались такіа разнообразныя и отвѣтственныя обязанности, что онѣ совершенно отвлекали его отъ ученыхъ занятій, и Макарій, не смотря на всю свою выносливость, положительно изнемогалъ подъ бременемъ ихъ и нерѣдко жаловался на это въ письмахъ къ своимъ друзьямъ. Въ первый разъ Макарій исправлялъ ректорскую должность въ 1846 г. съ 17 мая до 4-го августа ¹⁾. Въ это время ректоръ Академіи, преосв. Аѳанасій, ревизовалъ Казанскую духовную Академію, и должность его, по порученію Св. Синода, исправлялъ архим. Макарій. Подъ предѣлательствомъ послѣдняго происходили въ 1846 г. и годичныя испытанія студентовъ Академіи. „У насъ“, писалъ архим. Макарій 24 іюня 1846 г. С. А. Серафимову, „академическая новость та, что преосвященный ректоръ нашъ теперь ревизируетъ казанскую академію, и вотъ уже болѣе мѣсяца находится въ отсутствіи. Должность его многотрудную, по мѣрѣ силъ, несу я, съ утвержденія Св. Синода, а мою о. Теофанъ нашъ. Экзаменъ свой мы уже отбыли и празднуемъ вакацію“ ²⁾. Въ другой разъ архим. Макарій исправлялъ ректорскую должность въ 1847 г. съ 20 января по 25-е февраля, въ промежуткѣ между отбытіемъ ректора преосв. Аѳанасія въ Сиратовъ и прибытіемъ его преемника, архим. Евсевія ³⁾. Изъ письма архим. Макарія къ преосв. Иннокентію отъ 28 января 1847 г. видно, что во все это время онъ былъ и редакторомъ „Христі-

¹⁾ См. арх. С.-Петербург. дух. Академіи Журн. Внутрен. Правленія за 8-е и 22 іюля 1846 г.

²⁾ Ст. Церк. Вѣстникъ 1883 г. № 10 стр. 7.

³⁾ См. арх. С.-петербург. дух. Академіи по Высшему Правленію за 1847 г. фѣл. № 6.

авскаго Чтенія“, что, конечно, было сопряжено съ большими хлопотами и потерей времени ¹⁾). Наконецъ въ 1848 г. съ 4-го іюня по 9-е августа мы снова видимъ архим. Макарія исправляющимъ должность ректора Академіи, по случаю назначенія преосв. Евсевія ревизоромъ псковской, могилевской и смоленской семинарій ²⁾). Едва ли стоитъ упоминать о томъ, что, исправляя временно ректорскую должность, архим. Макарій ближе знакомился со всѣми сторонами академической жизни и чрезъ то самое подготовлялся къ дѣйствительному прохожденію этой должности, которая была поручена ему въ концѣ 1850 г.

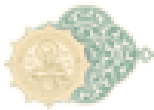
Θ. *Титовъ.*

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ См. Христіан. Чтен. 1884 г. т. I стр. 803.

²⁾ См. Прибавл. къ Твор. свв. оо. 1886 г. кн. 824

Сборники историческаго содержанія, бывшіе въ употребленіи у средневѣковыхъ проповѣдниковъ¹⁾.

Средневѣковые проповѣдники любили *примѣрами и разсказами* о какихъ либо *замѣчательныхъ лицахъ, событіяхъ и дѣяніяхъ* пояснять свои наставленія и занимать вниманіе своихъ слушателей. Введеніе повѣствовательнаго элемента въ поученія церковныя добрая метода, и отъ нея нельзя не ожидать плодотворныхъ результатовъ, если съ умѣньемъ пользоваться ею, и съ разборчивостію выбирать назидательные примѣры и разсказы. Примѣрами и разсказами скорѣе, чѣмъ длинными разсужденіями, можно внѣдрить въ сознаніе слушателей то или другое ученіе, и побудить къ усвоенію и исполненію того или другаго нравственнаго правила. Еще древніе говорили: *longum iter per praecepta, breve per exemplum*. Въ особенности этотъ путь наставленія чрезъ примѣры нуженъ и удобенъ тогда, когда предлагается слово наученія народу простому, не школьному, не привыкшему къ отвлеченному мышленію; а большинство слушателей, собирающихся вокругъ церковной кафедрѣ, принадлежитъ именно къ классу этого простаго народа, руководящагося болѣе нагляднымъ воззрѣніемъ, чѣмъ отвлеченною мыслію. Приближая къ пониманію слушателей предлагаемое ученіе, разсказъ о какомъ либо замѣчательномъ событіи способенъ возбудить и оживить дремлю-

---

¹⁾ См. „Практическія пособія для проповѣдниковъ въ средневѣковой литературѣ“. Труды К. д. Академіи 1894. Октябрь.

щее вниманіе слушателей. Передаютъ сказаніе о Димосеѣнѣ, что онъ, замѣтивъ разъ, что судьи плохо его слушаютъ, вдругъ прервалъ нить своихъ мыслей и предложилъ своимъ слушателямъ рассказъ о тѣни осла, и судьи вострепнулись и съ оживленнымъ вниманіемъ стали слушать оратора. Если это сказаніе и не имѣетъ исторической достовѣрности, оно во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ дѣйствительны и пригодны могутъ быть рассказы въ извѣстныхъ случаяхъ. Кесарій Гейстербахъ, проповѣдникъ XIII столѣтія, составившій сборникъ рассказовъ подъ заглавіемъ „Dialogus miraculorum“, рассказываетъ, что слушатели при проповѣди иногда начинаютъ засыпать, тогда рассказомъ проповѣдникъ снова возбуждаетъ ихъ¹⁾.

Методу повѣствовательнаго раскрытія матерій освятилъ своимъ примѣромъ Господь Иисусъ Христосъ. Многія притчи Его не что иное, какъ рассказы, въ краткомъ наглядномъ примѣрѣ представлявшіе разуму его слушателей высокія истины нравственнаго или духовно-отвлеченнаго свойства, въ одно и тоже время и занимавшіе ихъ, то есть, возбуждавшіе ихъ вниманіе, и помогавшіе имъ понять и удержать въ памяти то, что въ отвлеченной формѣ разсужденія могло проскользнуть мимо ихъ вниманія и не оставить въ душѣ никакого впечатлѣнія.

Въ церковной проповѣди повѣствовательный элементъ—поучительные и назидательные рассказы, главнымъ образомъ изъ жизни святыхъ,—любилъ вводить въ поясненіе своихъ наставленій св. Григорій Великій, проповѣдникъ и отецъ церкви, наиболѣе чтимый на латинскомъ западѣ въ средніе вѣка. Онъ составилъ и книгу, заключающую въ себѣ повѣствованія о подвигахъ благочестивыхъ людей и о чудесахъ благодати Божіей, явленныхъ въ ихъ жизни, извѣстную подъ за-

¹⁾ Dial. miraculorum IV. 36. Geschichte der Predigt in Deutschland, von Karl den Grossen bis zum Ausgange des vierzehnten Jahrhunderts, Linsenmayer § 30, s. 130.

главіемъ *Діалоги* или *собесѣдованія о жизни и чудесахъ италійскихъ отцовъ*, и эта книга дала поводъ приложить къ Григорію Великому названіе Двоеслова. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ приводилъ рассказы частію изъ этой книги, а частію извѣстные ему по живому свидѣтельству или преданію, идущему отъ близкихъ ему лицъ, но по характеру своему совершенно подходящіе къ рассказамъ, помѣщеннымъ въ Діалогахъ о жизни италійскихъ отцовъ. Подражателей ему явилось очень много въ послѣдующіе ему вѣка, тѣмъ болѣе, что проповѣди св. Григорія Великаго, больше впрочемъ по вниманію къ имени ихъ автора, чѣмъ къ ихъ внутреннему достоинству, считались на западѣ высокими образцами, которые усердно изучались людьми книжными. Діалоги его служили однимъ изъ источниковъ, къ которымъ обращались, когда искали назидательныхъ примѣровъ для наставленія народа. Къ нимъ присоединились переведенныя съ греческаго языка на латинскій сочиненія 1) Палладія, епископа еленопольскаго въ Каппадокіи *Лавсантъ*, содержащій въ себѣ жизнеописанія египетскихъ и сирійскихъ пустынниковъ, такъ названный потому, что посвященъ Лавсу, намѣстнику каппадокійскому ¹⁾, и 2) Гераклида, епископа виченскаго, *Рай* или *книга о жизни отцовъ* ²⁾. Эти сочиненія вошли въ составъ болѣе обширнаго сборника, имѣющаго своимъ предметомъ рассказы о древне-христіанскихъ подвижникахъ, извѣстнаго подъ именемъ „*Vitae patrum*“.

Сборниковъ историческаго содержанія, составлявшихся въ цѣляхъ воспособленія проповѣдникамъ, въ средневѣковой латинской литературѣ два разряда: одни имѣютъ своимъ содержаніемъ рассказы, заимствованные изъ исторіи церковной и въ частности изъ исторіи подвижниковъ, а другіе—рассказы изъ исторіи общей или свѣтской.

Изъ сборниковъ перваго разряда, заключающихъ въ се-

¹⁾ Auberti Miraci auctarium de scriptoribus e clestasticis, c XLVI.

²⁾ Ibidem, c. XLVII.

бы рассказы о жизни святыхъ, самый извѣстный сборникъ — сборникъ, составленный Іаковомъ Ворагиномъ, архіепископомъ генуэзскимъ († 1298), носящій названіе „*Legenda aurea sanctorum*“. Этотъ сборникъ имѣлъ очень много изданій и переведенъ на многіе новые европейскіе языки. Это свидѣтельствуешь о томъ большомъ вниманіи, съ какимъ относились къ нему въ средніе вѣка, что видно кромѣ того изъ названія его „*Золотая легенда*“, какое придавали ему въ свое время. Сборникъ Іакова Ворагина составленъ и издаваемъ былъ сколько для назиданія вѣрующихъ, столько же или еще болѣе, на пользу проповѣдникамъ (*ad utilitatem praedicatorum*). Всѣхъ рассказовъ или легендъ въ сборникѣ Ворагина 177, и они расположены по кругу церковнаго года, начиная отъ рождественскаго поста, называемаго въ церковномъ римско-католическомъ календарѣ *Adventus (Domini)*. Въ сборникѣ заключаются сказанія о житіяхъ, дѣяніяхъ и чудесахъ святыхъ, но есть легенды, приуроченныя къ днямъ великихъ господскихъ праздниковъ, въ которыхъ содержатся сказанія, имѣющія отношеніе къ событіямъ, воспоминаемымъ въ тѣ праздники. Большинство легендъ составлялъ самъ Ворагинъ; но есть въ сборникѣ и сказанія, заимствованныя у другихъ, — прежнихъ писателей, на примѣръ сказаніе о св. Павлѣ у блж. Іеронима (лег. 29), сказаніе о нѣкоей дѣвѣ антиохійской изъ книги св. Амвросія о дѣвахъ (лег. 60). Сказанія эти назначались для чтенія въ церкви въ тѣ дни, къ которымъ они приурочены, т. е. въ тотъ день, на который по церковному календарю падала память того или другаго святаго, могли прочитываться отдѣлы, сообщающіе свѣдѣнія о ихъ подвигахъ и чудесахъ. Отсюда названіе сборника „*Legenda*“. Изъ этой *Золотой легенды* обильною рукою черпали нужныя повѣствованія о разныхъ подвигахъ святыхъ, о чудесахъ, ими творимыхъ, и необыкновенныхъ проявленіяхъ въ нихъ и чрезъ нихъ благодати Божіей людямъ, обязанные давать назиданіе народу съ церковной кафедрой. Между рассказами, заключающимися въ *Золотой легендѣ* Вораги-

на, весьма много рассказов сомнительных, не проверенных строгою историческою критикою, и даже, чѣмъ чудеснѣе то или другое событіе изъ жизни святаго, о которомъ ходили преданія, тѣмъ съ большею охотою помѣщаль его Ворагинъ въ свой сборникъ. Авторъ, при составленіи своего сборника, преслѣдовалъ не историческую достовѣрность, а интересъ назиданія, и что больше могло подѣйствовать на воображеніе религіозно-настроеннаго народа, то находило себѣ мѣсто въ книгѣ. Въ общемъ сборникъ Ворагина производитъ такое впечатлѣніе, что составитель его не умѣетъ или не старается отличать рассказы несомнѣнные и достовѣрные отъ рассказовъ, впутреннимъ составомъ своимъ обличающихъ свою несостоятельность и входящихъ въ область рассказовъ апокрипическихъ. Почти всѣ рассказы начинаются объясненіемъ этимологическаго значенія имени святаго, и изъ этого значенія выводятся добродѣтели, отличавшія святаго. Какого характера содержаніе этихъ рассказовъ, можно видѣть изъ примѣровъ, какіе мы считаемъ не лишнимъ предложить. Въ легендѣ о св. апостолѣ Андрѣ Воразинѣ приводитъ рассказъ о нѣкоемъ старцѣ Николаѣ такого рода: нѣкій старецъ Николай явился къ Апостолу и сказалъ: „Господинъ, вотъ прошло семьдесятъ лѣтъ моей жизни съ тѣхъ поръ, какъ я живу распутно“. Онъ заявляетъ желаніе воздержаться отъ прежняго безпутства и проситъ апостола молиться о его спасеніи. Услышавъ это, блаженный Андрей сталъ плакать и молился отъ третьяго до девятаго часа не одинъ день. Продолжая молитву, Апостолъ не хотѣлъ ѣсть; не буду ѣсть, говорилъ онъ, пока не узнаю, что Господь умилился надъ этимъ старикомъ. Послѣ пятидневнаго поста Андрей услышалъ голосъ: молитва твоя о старикѣ услышана, но, подобно тому, какъ ты изнурялъ себя постомъ, и онъ для спасенія долженъ наложить на себя постъ. Старикъ началъ поститься, и шесть мѣсяцевъ ѣлъ хлѣбъ съ водою и потомъ почилъ въ мирѣ, полный добрыхъ дѣлъ.—Въ другой легендѣ (51-й) слѣдующее передается о происхожде-

ніи Пилата. Былъ нѣкій царь, по имени Тирусъ, и нѣкій мельникъ, по имени Атусъ; у мельника была дочь, по имени Пиласъ, которая зачала (незаконно) отъ царя и родила сына. Она изъ своего имени (Пиласъ) и имени своего отца (Атусъ) составила одно и назвала своего сына Пилатомъ (Pilatus). Когда мальчику было три года, поднесли его царю. Этотъ-то мальчикъ и есть Пилатъ, при которомъ распять Господь нашъ. Въ легендѣ о успеніи Божіей Матери въ уста Іоанна Богослова влагаются слѣдующія слова, съ которыми, будто, онъ обратился къ апостолу Петру: „Носи ты, Петръ, пальмовую вѣтвь (оставшуюся послѣ Богоматери); ибо Господь тебя оставилъ намъ и овцамъ своимъ пастыремъ и княземъ. Въ легендѣ (144-й) о Францискѣ, основателѣ францисканскаго ордена, передается множество чудесъ самаго страннаго свойства. При звукѣ его голоса (говорится въ легендѣ) не только птицы восхваляли Бога, но даже и сверчокъ. Протянувъ руку, Францискъ звалъ его къ себѣ, говоря: братъ мой сверчокъ, иди ко мнѣ. Сверчокъ, повинувся, сѣлся ему на руку. Ну, теперь пой, братъ мой сверчокъ, и хвали Бога твоего, и онъ пѣлъ. .

Такъ какъ въ сборникѣ, какъ видитъ читатель изъ примѣровъ, сейчасъ приведенныхъ, весьма много не достовѣрнаго, выходящаго за предѣлы дѣйствительной исторіи, то отсюда между прочимъ произошло то, что съ именемъ легенды стали соединять представленіе о разсказахъ сомнительнаго достоинства, не возбуждающихъ къ себѣ довѣрія, и легенду стали противопоставлять исторіи.

Для заимствованій или для приведенія примѣровъ изъ общей и въ частности древней исторіи служили проповѣдникамъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ „*Gesta romanorum*“, „Дѣянія римскія“. Сборникъ названъ „Дѣяніями римскими“ потому, что первоначальное зерно, изъ котораго развился потомъ довольно широкій и сложный сборникъ, было взято изъ римской исторіи. Первымъ и основнымъ содержаніемъ

этого литературнаго сборника были сказанія объ отдѣльных дѣяніяхъ, какія сообщало о тѣхъ или другихъ лицахъ древняго римскаго міра письменное или устное преданіе. Но потомъ къ этимъ первоначальнымъ рассказамъ присоединялись другіе, взятые не изъ римской исторіи, а изъ исторіи другихъ народовъ,—и не древняго только міра, но и новаго. Неизвѣстенъ первоначальный составитель этого сборника, неизвѣстно и время его первоначальнаго изданія. Иные стараются связать его появленіе съ именемъ того или другаго литературнаго дѣятеля: Грессе считаетъ его составителемъ монаха Элинанда, скончавшагося въ 1227,—значить относить его появленіе къ первой четверти XIII столѣтія, а по Вартону, автору исторіи англійской поэзіи, его составителемъ былъ бенедиктинскій монахъ Берхорій, умершій въ 1362 году. Намъ кажется напраснымъ желаніе точно указать имя составителя этого сборника. Сборникъ „*Дѣянія римскія*“ принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, которыя, появившись въ темной дали прошедшаго, возрастали и увеличивались въ объемѣ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, и въ которыхъ можно отличать нѣсколько наслоеній. Есть нѣсколько редакцій сборника, озаглавливаемаго „*Gesta romanorum*“: въ однихъ изданіяхъ заключается 39 повѣстей, въ другихъ 43, 44 или 45; въ третьихъ 59; далѣе въ иныхъ 111, по томъ 149, и наконецъ 181. Можно думать, что увеличеніе числа главъ или повѣстей въ *Дѣяніяхъ римскихъ* шло постепенно: древнія редакціи, болѣе короткія по составу, увеличивались отъ прибавленія новыхъ статей, и эти прибавленія были дѣломъ нѣсколькихъ рукъ. Конечно, при перемѣнѣ состава сборника возможны были не одни добавленія, но и выпуски тѣхъ или другихъ повѣстей.

Сборникъ „*Дѣянія римскія*“ пользовался въ средніе вѣка чрезвычайною популярностію. Библіографы насчитываютъ до пятидесяти его латинскихъ изданій, явившихся отъ конца XV и до половины XVI вѣка, и потомъ онъ переводимъ былъ на разные языки, не исключая славяно-польскаго и древне-русскаго. О популярности его свидѣтельствуетъ и мно-

жество редакцій или видоизмѣненій, какимъ онъ подвергался.

Первоначальное назначеніе сборника состояло въ томъ, чтобы служить интересу назиданія и давать поучительные примѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы доставлять проповѣдникамъ готовые историческіе матеріалы, которыми бы они могли пользоваться при наученіи народа дѣламъ благочестія. Въ немъ видѣли и находили богатое гомилетическое сокровище (*thesaurum homileticum*), и цѣль, съ какою издавался этотъ сборникъ, указывалась въ самомъ названіи или подробномъ заглавіи сборника. Такъ въ изданіи 1539 года онъ надписывается слѣдующимъ образомъ: *Gesta Romanorum cum applicationibus moralisatis ac mysticis de virtutibus et vitiis, una cum plurimis exemplis, quibuscunque concionatoribus necessariis et utilissimis*. Въ другихъ изданіяхъ онъ носитъ заглавіе: *Gesta Romanorum moralisata* или *Historiae moralisatae*. Заглавіе, то и другое, указываетъ составъ сборника. Сборникъ не довольствуется сообщеніемъ рассказовъ о событіяхъ, дѣйствительныхъ и ли вымышленныхъ, въ ихъ чистомъ безпримѣсномъ видѣ. Разказы, въ немъ сообщаемые, не служатъ сами себѣ цѣлю, и повѣствовательная часть въ немъ, хотя широко развитая, составляетъ, можно сказать, одну половину дѣла, являясь посылкою для нравственныхъ выводовъ. Каждый рассказъ сопровождается нравственнымъ или нравственно-аллегорическимъ толкованіемъ извѣстнаго происшествія, въ томъ рассказѣ изображеннаго, и нравственные выводы или выкладки (какъ названы эти выводы въ русскомъ переводѣ) изъ рассказанныхъ событій составляютъ существенную принадлежность сборника, и этимъ выводамъ иные читатели придавали гораздо больше значенія, чѣмъ исторической части, такъ какъ они давали событіямъ особое освѣщеніе, правившееся религиозной мысли, и приспособляли рассказы къ цѣлямъ назиданія.

Съ теченіемъ времени измѣнялось содержаніе сборника: къ рассказамъ поучительнымъ присоединялись рассказы за-

нимательные, забавные, курьезные и даже смѣшные. Строгой разборчивости не было при включеніи въ сборникъ тѣхъ или другихъ примѣровъ. Получалась смѣсь, гдѣ къ поучительному нравственному элементу приходилъ элементъ, удовлетворяющій одному праздному любопытству и представляющій воображенію читателей разныя диковинныя событія. Цѣль назиданія при этомъ отодвигалась на задній планъ, а иногда совсѣмъ забывалась. На первый планъ выступала другая цѣль,—доставить забаву и увеселеніе читателямъ. Когда *Римскія Дѣянія* были переводимы на новые языки и въ новыхъ переводахъ распространялись среди читающаго общества, то главною силою, способствовавшею распространенію сборника, былъ интересъ занимательности, нашедшій въ немъ значительное выраженіе. На одномъ экземплярѣ русскаго перевода *Римскихъ Дѣяній*, сдѣланнаго въ XVII вѣкѣ, стоитъ любопытная замѣтка: „сія книга въ скукѣ отрада, когда В. Ф. въ судѣ, не съ кимъ время раздѣлить“¹⁾. Но церковная средне-вѣковая кафедра не брезговала и этими забавными рассказами, какіе въ обиліи можно находить въ *Римскихъ Дѣяніяхъ*: въ проповѣдяхъ схоластическихъ проповѣдниковъ, сплошь и рядомъ, встрѣчаются анекдоты сомнительнаго достоинства, которыми скорѣе можно развлекать и забавлять слушателей, чѣмъ давать имъ должное назиданіе. Ленцъ въ своей „Исторіи христіанской гомилетики“ приводитъ весьма презрительный отзывъ о *Римскихъ Дѣяніяхъ* одного протестантскаго писателя (Шелльгорна). Обративъ вниманіе на обиліе забавнаго и апокрифическаго элемента, наполняющаго сборникъ, онъ такъ характеризуетъ его: „Книга весьма ясно свидѣтельствуєтъ о грубомъ варварствѣ того вѣка. Ибо она полна глупыхъ исторій или лучше бабьихъ сказокъ, большею частію

¹⁾ Очерки изъ старинной русской литературы Пыпинъ. Отечественныя Записки 1857 № 2,

весьма нелѣпо приспособленнахъ къ гомилетическому употребленію ¹⁾).

Общество любителей древней письменности въ 1877—1878 году издало текстъ *Римскихъ Дѣяній* на бѣлорусскомъ нарѣчій по рукописи 1688 года. Первые листы рукописи, текстъ которой изданъ Обществомъ, поистлѣли и поизгибли, и заглавіе къ ней написано позднѣйшею рукою, и оно читается такъ: „Древнія повѣсти съ прикладами, или Собраніе разныхъ полезно-забавныхъ исторій съ уравненіями, то есть, прикладовъ или примѣровъ съ выкладами, или нравоучительными выводами, писанныхъ славяно-польскимъ нарѣчьемъ, для пользы и забавы чтущихъ. и слышащихъ. Въ Могилевѣ 1688 года“. Намъ нѣтъ нужды входить въ филологическое и историческое изслѣдованіе этого сборника на бѣлорусскомъ или славяно-польскомъ нарѣчій, какъ памятника старинной русской литературы. Мы говоримъ о немъ, какъ пособіи для проповѣдниковъ, явившемся въ средне-вѣковой латинской литературѣ, и указанное заглавіе очень хорошо характеризуетъ его содержаніе („пользо-забавныя исторіи съ выкладами или нравоучительными выводами“) и поясняетъ ту цѣль, какая преслѣдовалась изданіемъ и распространеніемъ этого сборника („для пользы и забавы чтущихъ и слышащихъ“). Спеціальное назначеніе сборника для проповѣдниковъ здѣсь не указано и можетъ быть, переписчики и издатели бѣлорусскаго или славяно-польскаго текста *Римскихъ Дѣяній* и не знали о такомъ назначеніи сборника. Но ими ясно отмѣченъ двоякій характеръ сборника,—нравоучительный и забавный. Всѣхъ исторій или, какъ онѣ называются въ бѣлорусскомъ текстѣ, прикладовъ въ изданіи *Римскихъ Дѣяній* на русскомъ языкѣ 39. Издатели русскихъ *Римскихъ Дѣяній* въ предисловіи сопоставляютъ оглавленіе и содержаніе своего текста *Дѣяній* съ латинскимъ изданіемъ „*Gesta Romanorum*“ (1555 года Lugdu-

¹⁾ Geschichte der christlichen Homiletik, von Lenz 1 Th. s. 426

ni), въ которомъ всѣхъ разсказовъ 181, и съ французскимъ изданіемъ Jannet, 1858 „Le Violier des Histoires Romaines“, въ которомъ разсказовъ 149, и полагають, что рукопись, по которой изданы *Римскія Дѣянія* Обществомъ любителей древней письменности, по своему составу наиболѣе приближается къ древней первоначальной редакціи этого сборника ¹⁾. Это они подтверждаютъ между прочимъ и тѣмъ, что въ русской редакціи *Дѣяній* нѣтъ не историческихъ статей, которыхъ много встрѣчается въ латинской и французской редакціи. Статьи не повѣствовательнаго характера не отвѣчаютъ программѣ, опредѣленной заглавіемъ, и вошли въ сборникъ уже позже, когда началъ видоизмѣняться первоначальный видъ его, и когда вносились въ него разнообразныя матеріалы не всегда искусною и разборчивою рукою.

Для ознакомленія съ содержаніемъ сборника не излишне указать, какого рода статьи заключаются въ немъ. Въ русской редакціи Римскихъ Дѣяній помѣщены:

I. Исторія о Аполлонѣ, королѣ тирскомъ, и о Тарсѣ королевнѣ. Прикладъ, что печаль премѣняется въ радость.

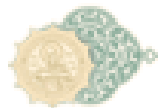
Эта исторія, по мнѣнію издателей русской редакціи Дѣяній, не входила въ первоначальный планъ сборника, и она не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ распредѣленіи разсказовъ въ разныхъ редакціяхъ сборника. Занимая первое мѣсто въ печатномъ русскомъ изданіи *Римскихъ Дѣяній*, она въ другихъ редакціяхъ помѣщается то въ срединѣ, то въ концѣ; въ латинскомъ изданіи 1555 года ей дано 153-е мѣсто, въ французскомъ 1858 г. 125-е.

II. Прикладъ сирѣчь бытія о хитрости діавольстей, яко судьбы Божіи не испытаны и скрыты суть, иначе, о пустынныхъ и ангелѣ.

III. О гордомъ цесарѣ Евинянѣ и его ниспаденіи, и како Господь Богъ многаяжды гордымъ противится, а смиренныхъ возноситъ и даетъ благодать.

IV. Прикладъ о досконалости, сирѣчь о поданности, или о цесарѣ Титусѣ и Виргиліушѣ.

¹⁾ Предисловіе, стр. IV—VI.

V. Прикладъ, сирѣчь притчи о памяти смертнѣй, чтобы людѣ въ прегрѣшеніе не впадали.

VI. Прикладъ о преступленіи душевнѣмъ, и о ранахъ, уязвляющихъ души человѣческія, или о чернокнижнѣхъ и рыцарской женѣ.

VII. Прикладъ, сирѣчь притча о смерти, чтобы всякъ человѣкъ всѣмъ добрымъ размышленіемъ творяли, или о трехъ мудростяхъ цесаря Доментіануса.

VIII. Прикладъ о хитрости женстѣй и заслѣпленіи прельстившихся,—о Даріи и его трехъ сыновьяхъ....

XII. Прикладъ о неправдѣ и лакомствѣ и обличеніи таковыхъ—о двухъ рыцаряхъ, праведномъ и лакомомъ.

XIII. Прикладъ о вѣрности въ добрыхъ дѣлахъ, вѣрнымъ къ пользѣ—о Гвидонѣ и Тирусѣ....

XVII. Прикладъ—всякій пастырь имать попеченіе о своихъ овцахъ, или, о ворѣ, сломившемъ ногу.

XVIII. Прикладъ, сирѣчь притча о страшнемъ послѣднемъ судѣ всѣмъ грѣшнымъ....

XX. Прикладъ, чтобы мы блюлись отъ лести діавольсти, дабы насъ не прельстилъ.

XXI. Прикладъ, чтобы правды для изгоненія нашего не имамы таити—о законѣ короля Асмодуса.

XXII. Прикладъ, чтобы мы чистоту и вѣру брака соблюдали—о королѣ Таллусѣ и плотникѣ.

XXIII. Прикладъ хвалебный, яко милосердіемъ имамы жертву Господу Богу приносить, или о трехъ царяхъ волхвахъ.

XXIV. Прикладъ, сирѣчь притча, яко единый праведный внидетъ въ царство небесное, или о королѣ и четырехъ его сыновьяхъ.

XXV. Прикладъ, яко суетно есть веселіе человѣческое во всѣхъ вещехъ мірскихъ—о Веспасіанусѣ и его дочери....

XXVII. Прикладъ, яко правду подобаетъ исповѣдати

даже до смерти, или, о невѣрной женѣ и трехъ пѣтухахъ....

XXIX. Прикладъ приводящій, чтобъ творили добрыя дѣла, а неблагодарства не творили, или, о неблагодарномъ сынѣ—королѣ.

XXX. Прикладъ, что лакомство многихъ ослѣпляетъ, или о слѣпцѣ по доброй волѣ. ...

XXXII. Прикладъ, чтобы мы поаметсговали добродѣтели, намъ учиненныя, или, о рыцарѣ и львѣ.

XXXIII. Прикладъ, напоминающій, чтобъ мы обѣты, сирѣчь, общаніе святое выполняли, или, о двухъ разбойникахъ.

XXXIV. Прикладъ, чтобы мы лакомства (корыстолюбія) остерегались немилостиваго, или, о скупомъ кузнецѣ.

XXXV. Прикладъ о житіи святаго великомученика Евстаѣя Плакиды и о повращеніи блуднаго.

XXXVII. Прикладъ, яко прозрѣнію Божію никтоже противитися можетъ—о цесарѣ Конрадѣ и рыцарскомъ сынѣ.

XXXVIII. Прикладный животъ святаго Алексія, чтобы мы смыслили сего свѣта возненавидѣли.

XXXIX. Прикладъ о дивномъ промыслѣ Божіи и о почитаніи святаго Григорія (папы римскаго).

Какъ видно изъ приведеннаго нами перечня статей въ русской редакціи Римскихъ Дѣяній, всѣ матеріи, здѣсь раскрываемыя и поясняемыя примѣрами,—нравственно-поучительнаго свойства, и онѣ могутъ быть темами проповѣдей, или могутъ входить, въ качествѣ разъясняющаго и подтверждающаго элемента, въ проповѣди на соотвѣтственныя темы. И много черпали отсюда средневѣковые латинскіе проповѣдники, а за ними и польскіе и южно-русскіе схоластическіе проповѣдники. Правда, рассказы, какіе можно было заимствовать изъ *Римскихъ Дѣяній*, не отличаются историческою достоверностію. Они большею частію анекдотическаго свойства, и по своему содержанію не только замысловаты, но подѣ

часть курьезны и смѣшны. Многіе изъ нихъ, подобно сказочнымъ былинамъ, начинаются словами: въ нѣкоторомъ царствѣ или въ нѣкоторомъ градѣ былъ нѣкій король, именемъ Асмосъ, или были два лѣкаря, славившіеся знаніемъ своей науки докторской, и т. под. Чистый гомилетическій вкусъ не позволилъ бы пестрить подобными анекдотическими разсказами строгое церковное слово. Но этимъ чистымъ гомилетическимъ вкусомъ не обладали средневѣковые проповѣдники, которые, безъ всякой разборчивости, комкали въ свои объемистыя многосложныя поученія матеріи самаго разнообразнаго характера и достоинства. Для церковной катедры старается сдѣлать пригодными анекдотическіе разсказы *Римскихъ Дѣяній* толкованіе, не разрывно съ ними связанное и ихъ сопровождающее, и это толкованіе всегда религіозно-нравственнаго характера. Указывая въ разсказанномъ событіи или дѣяніи символическое значеніе, оно возводитъ мысль читателя къ уразумѣнію таинъ божественнаго міроуправленія или высшихъ законовъ нравственнаго порядка жизни человѣческой. Впрочемъ, смыслъ, указываемый въ разныхъ лицахъ и событіяхъ толкованіемъ, довольно однообразенъ. Всегда почти, подъ образомъ выводимыхъ въ разсказахъ лицъ, указывается то Отецъ небесный и Господь Іисусъ Христосъ, то родъ человѣческій, одержимый грѣхомъ, то душа и тѣло наши, то добрый христіанинъ, борющійся съ діаволомъ, міромъ и плотію, то діаволъ, ищущій гибели человѣка, и т. под.—Толкованіе или выкладъ всегда начинается словами, какія могутъ быть употребляемы въ живой бесѣдѣ, и какія приняты въ церковныхъ поученіяхъ: возлюбленные братія (по древнему бѣлорусскому тексту: „намилѣйшая братія“). Это обращеніе прямо ведетъ мысль къ признанію гомилетическаго назначенія разсказовъ Римскихъ Дѣяній съ ихъ толкованіями.

Для образчика мы представляемъ два примѣра изъ Римскихъ Дѣяній. Одинъ примѣръ на ту тему, что жадность многихъ ослѣпляетъ. „Въ славномъ городѣ Римѣ былъ нѣко-

торый царь, который постановилъ, чтобы всякій слѣпецъ получалъ каждый годъ отъ римскаго царя сто пенязей. Случилось, что двадцать три товарища пришли въ Римъ, и въ одномъ домѣ пили и ѣли, и когда нужно было имъ расплачиваться, дворникъ дома сказалъ имъ, что онъ не выпуститъ ни одного изъ нихъ, если они не заплатятъ ему ста пенязей. Такихъ денегъ они не имѣли, и не знали, что дѣлать. Тогда одинъ изъ нихъ далъ такой совѣтъ: по уставу короля всякій слѣпой получаетъ изъ казны его сто пенязей; потому бросимъ жеребій, и на кого падетъ жеребій, у того выколیمъ глаза, и тотъ пусть пойдетъ къ царю, возьметъ отъ него сто пенязей и насъ выкупитъ. Когда они приняли такой совѣтъ и бросили жеребій,—жеребій палъ на предложившаго такую мѣру: и вотъ выкололи ему глаза, привели его къ королевскому двору и стали колотить въ ворота. Привратникъ отворилъ имъ, и они сказали ему, что они привели къ королю слѣпца, который желаетъ получить плату, положенную слѣпцамъ. Тотъ доложилъ старостѣ объ этомъ. Староста сказалъ: пойду, посмотрю на того слѣпца. Осмотрѣвши его внимательно, староста спросилъ его: чего ты желаешь? Слѣпецъ отвѣчалъ: желаю получить, милостивый господинъ, по королевскому уставу сто пенязей. Староста сказалъ ему: вчера я видѣлъ тебя въ корчмѣ, и ты имѣлъ оба глаза; а уставъ царя такой, чтобы давать помощь такимъ слѣпцамъ, которые слѣпы отъ природы или отъ какой нной причины, и не могутъ исцѣлиться. А ты добровольно далъ вынуть у себя глаза, пивши въ гостинницѣ, и потому ищи въ другомъ мѣстѣ вспоможенія, а здѣсь ни одного пенязя не получишь. Слѣпой, выслушавъ то, ушелъ прочь съ великимъ срамомъ и увѣченіемъ.

Толкованіе сей притчи.

Возлюбленные братія! Такой уставъ Божій, что если кто согрѣшитъ по невѣдѣнію или по немощи, или по искушенію дьявольскому, и будетъ имѣть сокрушеніе о грѣхахъ, тогда Господь отпуститъ ему грѣхъ. Всякій грѣшный человекъ пред

ставляеть слѣща. А если кто согрѣшитъ по злему изволенію и впадетъ въ нерадѣніе, тому едвали или даже никогда не отпустится грѣхъ. Корчмаръ же, который не хочетъ отпускать должниковъ своихъ, есть діаволъ, который всѣхъ грѣшниковъ и всѣхъ безъ покаянія умирающихъ принимаетъ въ корчму преисподняго ада на вѣчное мученіе“¹⁾).

Или другой примѣръ о законѣ короля Асмодуса. „Нѣкій король, Асмодусъ именемъ, постановилъ, чтобы, если поймать какого злодѣя и поставятъ предъ судією, онъ сказалъ три правды, такія вѣрныя, чтобы противъ нихъ не могло быть возраженія, и если скажетъ такія три правды, тогда получить прсщеніе, хотя бы былъ самый отъявленный злодѣй. И вотъ одинъ рыцарь, совершивши преступленіе противъ короля, убѣжалъ и скрылся въ одной пещерѣ, изъ которой выходя убивалъ всѣхъ мимоходящихъ. Услышавши объ этомъ, король велѣлъ окружить то мѣсто, поймать злодѣя рыцаря и привести предъ судію. Когда его привели, судія сказалъ ему: ты знаешь королевскую заповѣдь? Рыцарь отвѣчалъ: знаю, и хочу быть свободенъ; имѣю сказагъ три правды. Судія сказалъ ему: исполни уставъ королевскій, а если не исполнишь, будешь преданъ смерти. Рыцарь просить судію приказать всѣмъ молчать, и когда наступило молчаніе, рыцарь сказалъ: первую правду повѣдаю всѣмъ ту, что я былъ золъ во всѣ дни живота моего. Услышавши это, судія спросилъ стоящихъ окресті: правда ли то, что онъ повѣдалъ? Всѣ сказали: если бы онъ не былъ злодѣй, не былъ бы приведенъ сюда. Потомъ судія сказалъ: повѣдай вторую правду. Рыцарь сказалъ: вторая правда та, что это весьма мерзко, что я за такой свой обычай приведенъ сюда. Судія сказалъ: вѣримъ этому. Повѣдай третію правду. Рыцарь сказалъ: третія правда та, что, если я буду освобожденъ отсюда, тогда по своей волѣ уже

¹⁾ Римскія Дѣянія С.-Петербургъ. 1877—8. Глава XXX. Выпускъ 2-й 277—281.

никакъ не возвращусь въ тотъ прежній обычай. Судія сказалъ ему: мудро ты оправдался; иди спокойно.

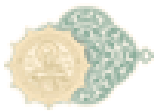
Толкованіе сей притчи.

Возлюбленные братія! Король есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который далъ такой уставъ, что, если какой злодѣй, то есть, грѣшный человѣкъ, будетъ приведенъ предъ судію, то есть, премудраго исповѣдника, то долженъ повѣдать три правды, противъ которыхъ не могъ бы возразить діаволъ, и если скажетъ, то получить наслѣдіе царства небеснаго. Первая правда та, что я злой человѣкъ, во грѣхѣхъ пребываю во всѣ дни живота моего,—это исповѣдь во грѣхахъ. Вторая правда та, что я злымъ своимъ обычаемъ много разъ прогнѣвлялъ Бога,—и это есть сокрушеніе сердца. Третья правда: если буду прощенъ отъ тѣхъ грѣховъ, то своею волею не буду болѣе впадать въ грѣхъ. Послѣ этихъ трехъ правдъ грѣшный человѣкъ наслѣдуетъ животъ вѣчный ¹⁾.

В. Пивницкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Римскіи Дѣянія. С. Петербургъ. 1877—8. Гл. XX. Вып. II, стр. 235—8.

ОСОБЕННОСТИ БОГОСЛУЖЕНІЯ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Изъ записокъ путешественника въ Св. Землю).

Богослуженіе греческой Церкви и богослуженіе нашей отечественной Русской Церкви по существу своему совершенно тождественны. Въ чинопослѣдованіяхъ церковныхъ службъ церкви греческой и церкви Русской одно и тоже существо священнодѣйствія, одна и та же благодатная сила даровъ Духа Святаго и одно то же духовное дѣйствіе на чадъ церкви. Но въ частностяхъ замѣчаются нѣкоторыя особенности въ богослуженіи церкви греческой, въ сравненіи съ богослуженіемъ, у насъ совершаемымъ. Эти особенности касаются лишь наружныхъ, обрядовыхъ и второстепенныхъ вопросовъ богослужебныхъ священнодѣйствій. Но тѣмъ не менѣе и эти второстепенныя особенности греческаго богослуженія представляютъ для русскаго паломника немалый интересъ и не могутъ не обращать на себя нашего вниманія. Съ давнихъ временъ наши предки любили изучать особенности богослужебныхъ чиновъ на Востокѣ. Да позволено будетъ и мнѣ отмѣтить то, что видѣлъ я въ богослужебномъ чинѣ греческой церкви отличнаго отъ нашего чина.

Эти отличія касаются, во первыхъ, порядка богослуженій, а во вторыхъ, принадлежностей богослуженія. Начнемъ съ описанія греческаго храма, какъ главнаго мѣста совершенія богослуженія.

Въ греческомъ храмѣ многое своеобразно. Обратимъ вниманіе хоть на то, что во время совершенія службы Божіей всѣ молящіеся стоятъ въ храмѣ въ своихъ турецкихъ фескахъ и чалмахъ...¹⁾ Но будемъ соблюдать порядокъ въ повѣствованіи. Конечно, Греческій храмъ состоитъ изъ *трехъ* частей, какъ того требуетъ основная идея христіанскаго храма. Алтарь, средняя часть храма и притворъ существуютъ почти во всѣхъ греческихъ храмахъ. Но наружный видъ сихъ храмовъ уже нисколько не похожъ на наши русскіе храмы. Не существуетъ куполовъ надъ храмами, тѣхъ величественныхъ куполовъ, которые составляютъ главное украшеніе нашихъ храмовъ. (Само собою разумѣется, что куполь св. Софіи константинопольской и куполь храма Гроба Господня суть сооруженія древнія, византійскія,—сооруженія періода величія и славы византійской имперіи, а въ выше-сказанныхъ словахъ мы имѣли въ виду современные восточные православные храмы). Современный греческій храмъ не увѣнчанъ и крестомъ²⁾. По наружному своему виду нынѣшніе храмы на христіанскомъ Востоцѣ, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ изъ себя удлинненный четырехугольникъ, съ черепичной кровлей, возвышающейся въ два яруса, въ срединѣ которыхъ установленъ рядъ оконъ, проводящихъ сверху свѣтъ во внутрь храма. Въ византійскій періодъ времени черепица на кровляхъ храма была иногда покрыта по-

¹⁾ Этотъ мѣстный обычай Востока издавна вызывалъ соблазнъ въ русскихъ паломникахъ. „Въ началѣ церковнаго пѣнія, говоритъ нашъ паломникъ время Петра В., греки, когда прійдутъ въ церковь, такъ они шапокъ не снимаютъ: стануть въ стойлѣ (стагидія), лицомъ не къ иконамъ, но на сторону къ стѣнѣ, противно другъ ко другу лицомъ, да такъ и молятся не на иконы, но на стѣны другъ ко другу, и такъ всю литургію стоятъ въ шапкѣ, только сойметъ какъ съ переносомъ выйдутъ, (т. е. при пѣніи Иже Херувимъ), да и то тафелъ не скидаютъ“, (изъ Востока подъ феской носятъ бѣлую шапочку). Путеш. въ Св. Землю свящ. Лукьянова въ 1710 г. стр. 41.

²⁾ Церкви у грековъ, что простал хоромина, не узилешъ; и брестовъ на нихъ нѣтъ, ни звону нѣтъ“. Свщ. Лукьяновъ 43.

золотой. Теперь черепица эта покрыта вѣковымъ мхомъ. Крестъ обыкновенно укрѣпляется надъ входною западною дверью, а не на вершинѣ храма. Именно на такомъ мѣстѣ водруженъ крестъ надъ патриаршимъ храмомъ въ Константинополѣ и вообще надъ всѣми почти храмами Турецкой столицы. Колоколенъ при храмахъ не существуетъ вовсе. Какимъ дивомъ для восточныхъ храмовъ была-бы величественная колокольная Киево-Печерской лавры, или Кремлевская колокольная „Ивана Великаго“! Небольшіе колокола при восточныхъ храмахъ привѣшиваются гдѣ-либо сбоку, на скромныхъ звонницахъ, часто состоящихъ изъ 4 столбовъ ¹⁾. Въ большинствѣ-же храмовъ *ударяютъ* къ богослуженію только въ било.

Проходя мимо подобныхъ храмовъ русскій паломникъ не сниметъ, по своему исконному обычаю, шалки и не осѣнитъ себя крестомъ, такъ какъ онъ и не подозреваетъ того, что проходить мимо православнаго храма.

Еще большее количество, и притомъ знаменательныхъ особенностей, заключаютъ въ себѣ внутреннія принадлежности греческихъ храмовъ. Войдемъ съ благоговѣніемъ, свойственнымъ доброму паломнику, въ св. алтарь. Облобызавъ престолъ, вы уже видите, что устройство его нѣсколько иное, чѣмъ устройство престоловъ въ отечественныхъ нашихъ храмахъ. Престолъ греческій непременно четыре-угольный, какъ это заповѣдано съ самыхъ древнихъ временъ христіанской Церкви, но онъ утвержденъ не на четырехъ подпорахъ—столбахъ, а на одномъ среднемъ устоѣ, т. е. стоитъ на одной ножкѣ. Во Влахернскомъ храмѣ въ Константинополѣ я видѣлъ что подъ престоломъ дано мѣсто складной купѣли для крещенія дѣ-

¹⁾ Послѣ Крымской войны Турецкое правительство дозволило всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, живущимъ въ границахъ турецкой Имперіи, употреблять звонъ колоколовъ при богослуженіяхъ. Но вообще колокола на Востоке малыхъ размѣровъ. Самые лучшіе колокола въ храмѣ Гроба Господня и на Елеонской горѣ.

тей ¹⁾. Престолы обыкновенно покрываются шелковыми длинными покрывалами, концы которых касаются алтарного пола. Есть престолы и обложенные мраморными плитами. Таковъ престолъ пещеры Гроба Господня и Геосиманской Богородичной пещеры. Есть престолы, бока которыхъ совершенно открыты. Таковъ престолъ Голгоескій. Малащіеся полагають свои земные поклоны подъ самымъ симъ св. престоломъ. Конечно, есть престолы такого-же вида, какъ и наши русскіе престолы. Таковъ престолъ въ кафедральномъ патріаршемъ Воскресенскомъ храмѣ въ Іерусалимѣ.

Антиминсы на Востокѣ не завертываются въ шелковые илитоны, но вшиваются въ бѣлые льняные платы, такъ что платъ и антиминсъ раскрываются вмѣстѣ, а не раздѣльно, какъ у насъ, сначала илитонъ, а затѣмъ антиминсъ. Первый греческій антиминсъ, который я съ благоговѣніемъ облобзалъ и который я старался осмотрѣть съ возможнымъ тщаніемъ, былъ антиминсъ патріаршаго храма „Всѣхъ Святыхъ“ въ Константинополѣ. Изображеніе на немъ положенія во гробъ Тѣла Христа Спасителя почти такое-же, какъ и на нашихъ русскихъ антиминсахъ. Вшитъ онъ, какъ выше было замѣчено, въ бѣлый платъ. Грецкая губка прикрывается на семь антиминсѣ, какъ и на всѣхъ греческихъ антиминсахъ, небольшою серебрянною тарелочкой, какія у насъ обыкновенно употребляются для поднесенія сосуда съ теплотой. Поверхъ антиминса, какъ и у насъ, полагается Св. Евангеліе. Евангелія сіи не такихъ большихъ размѣровъ, какъ наши, а малыя. Всѣ Евангелія въ греческихъ церквахъ *Венеціанской печати*. Венеціанской печати Евангеліе и на престолѣ патріаршаго храма въ Константинополѣ. Венеціанской печати Евангелія и на престолахъ храмовъ Св. града.

¹⁾ Вотъ самое ясное описаніе престоловъ въ Константинопольскихъ храмахъ: престолъ состоитъ изъ доски, положенной горизонтально на подставку. Современ. Богосл. на Вост. А. А. Дмитріевскаго. Вып. 1-й, 91.

Гдѣ хранятся въ греческихъ храмахъ запасные Дары Дарохранительницъ для запасныхъ Даровъ, такихъ формъ, какъ онѣ устроятся у насъ, я не встрѣчалъ въ восточныхъ храмахъ. Въ сихъ храмахъ надъ престолами почти всегда устроятся сѣни или киворіи. Къ своду киворія прикрѣпляется небольшая цѣпочка, на которой обыкновенно виситъ или золотое яблоко, или золотой голубь. Эти то послѣдніе сосуды, т. е. яблоко или голубь, и суть мѣста для храненія запасныхъ Даровъ. Къ слову будетъ замѣчено, что въ греческихъ храмахъ запасные Дары дробятся на чрезвычайно малыя частицы. Именно такія малыя частицы я видѣлъ въ патріаршемъ храмѣ въ Константинополѣ. Возложенія на св. престолы нѣсколькихъ Евангелій и нѣсколькихъ крестовъ я нигдѣ не видѣлъ въ греческихъ храмахъ. Это обычай только русскій....

Величественныхъ горнихъ мѣстъ и сопрестолий на Востокѣ не существуетъ¹⁾. Тамъ существуютъ величественныя первосвятительскія кафедры, которыя обыкновенно занимаютъ мѣсто вблизи клиросовъ въ средней части храмовъ²⁾. При богослуженіяхъ на сихъ кафедрахъ и предстоятъ святители мѣстной Церкви, называя своихъ духовныхъ чадъ.

Жертвеники Восточныхъ храмовъ никакихъ особенностей не представляютъ.

Но за то совершенно своеобразно на Востокѣ устройство царскихъ вратъ и катапетасмы къ симъ вратамъ. Рѣшительно во всѣхъ греческихъ храмахъ царскія врата имѣютъ одинаковый видъ, и именно онѣ представляютъ изъ себя двѣ створки, вырѣзанныя по вогнутой линіи, такъ что середина вратъ не

¹⁾ Въ нишѣ на горнемъ мѣстѣ въ патріаршемъ храмѣ въ Константинополѣ стоитъ сдѣланное изъ серебра старинной работы *райское древо*, плодъ котораго имѣй подаетъ Евѣ. Горнее мѣсто Воскресенскаго кафедральнаго храма въ Іерусалимѣ напоминаетъ горнее мѣсто (в. Софіи Кіевской).

²⁾ Такія кафедры въ Констант. патріархіи носятъ имя кафедръ Св. Іоанна Златоуста.

выше пояса священнодѣйствующаго лица. Лице сіе, обращаясь къ народу съ священными возгласами при богослуженіи, всегда бываетъ видно предстоящимъ въ храмѣ. Такое устройство царскихъ вратъ на Востокѣ вполне цѣлесообразно: совершающій службу Божию зрится молящимися. Посрединѣ царскихъ вратъ въ греческихъ храмахъ всегда и неизмѣнно укрѣпленъ греческій двуглавый орелъ. Особенно тщательно отдѣланы эти орлы въ храмахъ въ Константинополѣ. Они должны многое говорить мѣстнымъ грекамъ.....

Занавѣсы надъ царскими вратами греки не всегда навѣшиваютъ. А въ замѣнъ сей занавѣсы устрояютъ легкую деревянную раму, въ которую вставляютъ икону, нарисованную на какой-либо ткани. Въ большинствѣ храмовъ Іерусалима и Константинополя я видѣлъ въ этихъ рамахъ одно и тоже своеобразное изображеніе: нарисована купѣль, въ которой обыкновенно крестятъ младенцевъ, въ сей купѣли стоитъ Иисусъ Христосъ, въ видѣ младенца, и держитъ въ одной рукѣ шаръ, а другой благословляетъ. Такой иконы Русская Церковь не знаетъ¹⁾. Рама съ описанной иконой прикрѣпляется со внутренней, алтарной стороны иконостаса, и очень легко и удобно задвигается всякій разъ, когда надо закрыть царскія врата. Рама эта передвигается на колескахъ по желобкамъ, прикрѣпленнымъ къ иконостасу. Такая именно рама къ царскимъ вратамъ слѣлана въ патріаршемъ храмѣ Константинопольскомъ, въ Николаевскомъ монастырѣ въ Галатѣ и во многихъ другихъ храмахъ. Но есть на Востокѣ храмы, гдѣ существуетъ и завѣса надъ вратами. Такую завѣсу я видѣлъ въ Бейрутѣ, въ храмѣ Преображенія Господня, сооруженномъ русскими купцами послѣ побѣды русскаго флота на Средиземномъ море въ періодъ войнъ Екатерины .В. ²⁾

¹⁾ Въ „Современ. Богослуж. на Вост.“ А. А. Дмитриевскаго замѣчено, что описанная икона есть будничная задвижка на царск. вр. На праздн. за-движкахъ изображаютъ Тайную вечерю и благовощеніе. 91.

²⁾ Объ этомъ замѣчательномъ храмѣ см. замѣтку въ „Воскр. Чит.“ № 50. 1879 г.

Перейдемъ теперь въ среднюю часть греческаго храма. Васъ поразитъ здѣсь необычайное количество паникадилъ и лампадъ. Отъ одной колонны до другой здѣсь протянуты тяжелыя цѣпи и прочныя шнурки, на которыхъ висятъ въ изобиліи многосвѣчныя паникадила и односвѣчныя лампы. Цѣпями и шнурками сводъ церкви затканъ, точно вѣковой паутиной. Здѣсь и тамъ къ шнуркамъ привѣшены кокосовыя большіе орѣхи—это почти общее украшеніе восточныхъ храмовъ¹⁾. Востокъ любитъ обиліе свѣта при торжественныхъ служеніяхъ. Но такія служенія бывають тамъ не часто. Повседневная же служба совершается при слабомъ мерцаніи лишь нѣсколькихъ лампадъ.

Средина храма уставлена стасидіями, т. е. мѣстами для сидѣнія. Но эти сидѣнія идутъ не по параллельнымъ линіямъ, какъ въ западныхъ молитвенныхъ домахъ, а по линіямъ продольнымъ, отъ одной колонны до другой²⁾. Стасидій въ восточныхъ храмахъ очень много. Сверхъ стасидій между колоннами, гдѣ онѣ обращены и на правую и на лѣвую стороны, онѣ разставлены еще и по всѣмъ панелямъ храма. Первая стасидія у праваго клироса есть мѣсто или правящаго епископа, или архимандрита, или игумена, смотря по мѣстному значенію храма.

Непремѣнная принадлежность греческаго храма—каѳедра имѣетъ исключительное назначеніе—служить возвышеннымъ мѣстомъ для чтенія Евангелія при богослуженіи. (Живой проповѣди съ церковной каѳедры я не встрѣчалъ нигдѣ

¹⁾ Довольно вѣрный рисунокъ внутренности храма Воскресенія въ Іерусалимѣ можно видѣть въ новомъ изданіи: „Палестина“, вып. второй, стр. 17—28. Здѣсь художникъ Кившенко очень вѣрно срисовалъ иконостасъ и лампы на цѣпяхъ Воскресенскаго храма.

²⁾ Въ древнихъ русскихъ храмахъ тоже имѣли мѣсто стасидіи, но не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ на Востокѣ. Въ старину, во время продолжительныхъ службъ у насъ, надо полагать, допускалось *долу сидѣніе*, на тѣхъ небольшихъ коврикахъ, которые теперь существуютъ въ единоувѣрческихъ церквахъ.

на Востокѣ, хотя церковные витіи существуютъ несомнѣнно между греческимъ духовенствомъ и до настоящаго времени) ¹⁾. Каеэдра для чтенія Евангелія въ восточныхъ храмахъ занимаетъ различныя мѣста. Самая величественная каеэдра, какую только мнѣ пришлось видѣть, это каеэдра въ Воскресенскомъ храмѣ въ Іерусалимѣ. Она помѣщается надъ царскими вратами собора, во второмъ ярусѣ иконостаса. Я никогда не забуду того трогательнаго впечатлѣнія, которое произвело на меня чтеніе Евангелія съ высоты сего святаго мѣста, слышанное мною въ первый разъ въ Воскресенскомъ храмѣ. По бокамъ каеэдры, при чтеніи Евангелія, всегда возжигаются здѣсь два свѣтильника. Взвизавъ на эти символы, невольно припоминаешь слова Спасителя: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. VIII, 12). Въ большинствѣ случаевъ каеэдры обыкновенно придѣлываются къ восточной стѣнѣ храма. Надъ каеэдрой устроится небольшой покровъ. Дщицу, на которой полагается Евангеліе, поддерживаетъ фигура двуглаваго орла, широко распустившаго свои крылья.

Иногда возбуждаютъ споръ, — существуютъ ли отдѣльные клиросы въ греческихъ храмахъ? Несомнѣнно, существуютъ, но только они не имѣютъ того вида и той широкой помѣстительности, какую придаютъ нашимъ клиросамъ, и особенно въ обширныхъ церквахъ. Обыкновенно на Востокѣ клиросы устроются такъ: вблизи алтаря, около первыхъ стасидій по правой и лѣвой сторонѣ храма, на небольшихъ возвышеніяхъ, ставится круглая тумба, часто отдѣланная перламутромъ и легко на шатнирѣ поворачивающаяся вокругъ, съ небольшою столъницей наверху — это и есть греческій клиросъ. На этомъ клиросѣ псалтъ и его помощники стоятъ на виду всѣхъ молящихся въ храмѣ. Они могутъ присѣсть только на

¹⁾ Такимъ проповѣдникомъ несомнѣнно слѣдуетъ признать архимандрита Іерусалимской патріархіи Фолія, проповѣдь котораго надъ могилой почившаго начальника русской миссіи въ св. градѣ Антонина помѣщена въ русскомъ переводѣ въ Трудахъ Академіи (1894 г. июнь).

одной изъ сосѣднихъ стасидій, такъ какъ на клиросѣ сидѣній не устроится. Шкафовъ для богослужебныхъ книгъ на сихъ клиросахъ тоже не устроится. Очевидно, что устройство сихъ клиросовъ первобытное и нехитрое.

Наконецъ, своеобразную, восточную особенность греческихъ храмовъ составляютъ отдѣленія для женскаго пола. Отдѣленія эти всегда бывають на хорахъ и называются гинеконъ. Ходъ въ гинеконъ устроится снаружи храма, чтобы женскій полъ не встрѣчался съ мужскимъ при входѣ въ храмъ и выходѣ изъ оного. Этими способами удерживается тамъ непристойность...

Перейдемъ теперь къ особенностямъ въ священныхъ одеждахъ у епископовъ, священниковъ и діаконъ въ греческой церкви. Богослужебныя одежды лицъ греческой іерархіи отличаются такой простотой по своему матеріалу и формѣ, которая напоминаетъ простоту и патріархальность первыхъ вѣковъ Церкви Христовой. Только изображенія священныхъ одеждъ на фрескахъ нашихъ древнихъ соборовъ Кіева и Москвы могутъ дать представленіе о безыскусственности современныхъ священныхъ облаченій на Востокѣ. Но по златотканной и разноцвѣтной, полной торжественности и величія отечественной нашей ризницѣ—ризницѣ обѣихъ нашихъ столицъ и богатыхъ торговыхъ русскихъ городовъ вы никогда не составите себѣ понятія о ризахъ греческихъ. При епископскомъ богослуженіи я не видѣлъ на протяженіи всего христіанскаго Востока употребленія рипидъ, орлецовъ и каеодры посрединѣ храма ¹⁾. Но греческіе епископы употреб-

¹⁾ Въ „Просвинитаріи“ о семъ написано такъ: „орлецовъ подъ ногами нѣтъ ни у кого, токмо на поставленіи бываетъ на листу написанъ орелъ на немъ же новопоставленный епископъ чтеть исповѣданіе. Егда же служити патріарху, то приходитъ къ церкви съ двоерожнымъ посохомъ въ мантиѣ. Аще же и не служити, а если праздникъ или недѣля, то приходитъ къ церкви въ вечерни и утрени и къ обѣдни въ мантиѣ же съ двоерожнымъ посохомъ. Аще же изволитъ ити безъ мантии и посоха, то только тогда двоерожнаго посоха нѣтъ“. 250.

заяють при своемъ служеніи большое количество дикиріевъ и трикиріевъ, иногда три и четыре пары сихъ свѣщницъ. Для епископскаго богослуженія разстилается при входѣ святителя въ храмъ коверъ, на которомъ, занявъ мѣсто, онъ возлагаетъ на себя епископскую мантию. Засимъ входитъ въ епископскую кафедру, стоящую около праваго клироса, и начинается богослуженіе.

Епитрахиль греческая отличается отъ нашей современной епитрахили тѣмъ, что часть ея возлагающаяся на шею, не такъ узка, какъ въ нашей епитрахили, а широкая, покрывающая все оплечіе. Только въ старину у насъ на Руси были подобныя епитрахили. Въ нѣкоторыхъ древнихъ нашихъ храмахъ я видѣлъ на подобныхъ епитрахильяхъ вышитыя золотомъ изображенія,—именно на той части священной одежды, которая возлагается на раменахъ. Вообще надо замѣтить, что такъ какъ на Востокѣ, за исключеніемъ литургіи, большая часть службъ церковныхъ совершается только въ одной епитрахили, безъ фелони, то епитрахили тамъ украшаются болѣе тщательно, чѣмъ у насъ.

Священническая фелонь на Востокѣ шьется иначе, чѣмъ у насъ. Тамъ фелонь почти равно длинна какъ съ задней, такъ и съ лицевой стороны. Только при такой формѣ ризъ дѣлаются понятными постановленія Устава: „поднять фелонь“, „опустить фелонь“. Восточная риза—ризa не парчевая: она или льняная, или шелковистая. Она до того мягка, что ее можно сложить въ самую удобную форму для храненія въ сундукъ ризницы. Обшивается она не золотымъ, или серебрянымъ позументомъ, а гладкой лентой. Видъ такой ризы можно усмотрѣть на фрескахъ Кіево-Софійскаго собора. Если только на Востокѣ вы встрѣчаете на священно-дѣйствующемъ парчевую ризу, съ разноцвѣтными украшеніями и разводами, можете положительно утверждать, что эта риза—даръ русскаго богомольца. Большинство священныхъ одеждъ на Востокѣ только бѣлаго цвѣта. А о такъ называемой *траурной*

ризниця тамъ не имѣють и понятія. Да и у насъ на Руси траурная ризница появилась только въ началѣ XVIII в.

Подризникъ восточной Церкви не отличается отъ нашего. Поясъ священническій всегда застегивается большой пряжкой спереди, но никогда не завязывается тесемками сзади подъ ризой. Въ составѣ священническихъ облаченій не имѣется набедренника, а есть только палица. Когда въ святомъ градѣ я облачался для служенія литургіи, мнѣ приходилось откладывать въ сторону палицу, которую тамъ всегда полагаютъ священнику въ числѣ священныхъ одеждъ. „Въ рус. аеонскихъ монастыряхъ (замѣчено въ „Современ. Богослуж. Вост.“) употребляютъ при богослуженіи набедренникъ, хотя при случаѣ спокойно замѣняютъ его палицею. (стр. 137).

Діаконскій стихарь особенностей не имѣетъ. Но орарь всегда настолько удлиненъ, какъ у насъ орари протодіаконовъ и архидіаконовъ, т. е. тамъ орарь всегда *два раза* обвиваетъ плечо и поясъ діакона. Но вотъ что тамъ ужъ не привычно для нашего глаза: въ греческихъ церквахъ нѣкоторыя службы діаконъ служитъ въ одномъ орарѣ, безъ стихаря. Пишу то, что видѣлъ своими глазами. Въ день *вселенской субботы*, наканунѣ Пятидесятницы, я слушалъ литургію въ одномъ греческомъ храмѣ. По окончаніи литургіи не очередной іерей наложивъ на себя только одну епитрахиль, вышелъ на средину храма для служенія вселенской панихиды. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и діаконъ, возложивъ поверхъ своей рясы только орарь. Признаюсь, я былъ удивленъ этимъ. По окончаніи панихиды я спросилъ священника: какъ это у васъ діаконъ только въ одномъ орарѣ служитъ съ вами? Онъ мнѣ отвѣтилъ: панихиды у насъ принято совершать только въ епитрахиляхъ, слѣдовательно, не въ полномъ священническомъ облаченіи, посему и діаконъ долженъ сослужить священнику тоже не въ полномъ облаченіи...

Засимъ еще одна бьющая въ глаза особенность греческой службы въ храмѣ Божіемъ та, что какъ всѣ священно-

служащіе, такъ и пѣвцы, и чтецы, и свѣщеносцы и кандило-возжигатели присутствуютъ при богослуженіи съ покрытыми головами. Это уже прямо противорѣчитъ словамъ Апостола: *всякъ мужъ молитву дѣя съ покрытою главою—срамляетъ главу свою* (1 Кор. XI, 4).

Изложимъ теперь особенности самаго богослуженія греческой церкви.

Дневной кругъ богослуженія распредѣленъ на Востокъ такъ: часа въ три по полудни, (по восточному 9-й часъ дня), читается служба „девятаго часа“ и совершается вечерня. Въ теченіе часа, а иногда и того меньше, богослуженіе оканчивается. Присоединенія къ вечерни утрени, т. е. всенощнаго бдѣнія на Востокъ никогда не бываетъ. Несомнѣнно, что такимъ, разъ навсегда установившимся, распредѣленіемъ церковныхъ службъ, и устраненіемъ *всенощныхъ бдѣній* наканунѣ двенадесятыхъ и другихъ великихъ мѣстныхъ праздниковъ греки отступили отъ древнихъ уставовъ своей Церкви ¹⁾. Изъ сказанія-же о явленіи Пресвятой Богородицы Андрею юродивому во Влахернскомъ храмѣ наканунѣ 1 октября мы знаемъ, что въ это время въ храмѣ совершалось *всенощное бдѣніе*. Есть и свято-отеческія несомнѣнные указанія на то, что въ древнія времена греки очень любили всенощныя служенія.

Утреня на Востокъ совершается обыкновенно рано утромъ. Непосредственно за утреней совершается божественная литургія ²⁾. Къ 8 часамъ утра литургія оканчивается. И *ударяютъ*

¹⁾ И съ давнихъ временъ греки прекратили совершеніе всенощныхъ бдѣній „У грекъ, возмущался священ. Лукьяновъ, *всенощныхъ не бываетъ никогда, и великаго ефимона противъ Рождества Христова и Богоявленія и Благовѣщенія не поють, не простую заутреню... Хвалите имя Господне греки не поють, ни послѣднее у нихъ во весь годъ никогда не бываетъ, ни празднику Господску, ни святому иарочному. А Евангеліе чтуть иногда послѣ антифоновъ, а иногда на 9 пѣсни, какъ похощеть*“. 43 стр.

²⁾ И это сокращеніе практикуется тамъ уже издавна „Греки по *савословіи* начинаютъ литургію, первый часъ не пѣвъ, а когда похотятъ поють часъ“. Лукьяновъ, 42 стр.

къ богослуженію уже въ три часа пополудни, къ служенію вечерни. Нашихъ *позднихъ литургій*, начинающихся въ девять или десять часовъ утра, на Востокѣ никогда не допустить... Въ храмѣ Гроба Господня часы для церковныхъ службъ распределены иначе. И тамъ вечерня наканунѣ богослуженія совершается часа въ три, а иногда и ранѣе. Утренняя же всегда совершается въ полночь. Литургія совершается ночью, какъ у насъ въ день праздника Пасхи.

Въ декабрьской книжкѣ Трудовъ Академіи за прошлый годъ помѣщена моя замѣтка о „Торжественной вечернѣ въ храмѣ Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ“. Такія торжественныя вечерни совершаютъ въ семъ святомъ храмѣ епископы по воскреснымъ днямъ. Повседневная вечерня совершается нѣсколько иначе. Такую вечерню я выслушалъ въ богословскомъ училищѣ при Крестномъ Монастырѣ вблизи св. града. Когда собрались въ крестовую церковь монастыря всѣ воспитанники училища и заняли свои обычныя мѣста, одинъ изъ учителей, въ священническомъ санѣ, стоявшій у праваго клироса, прочелъ безъ епитрахили, въ греческой камилавкѣ безъ кресты, службу девятого часа. Читалъ онъ по памяти, безъ Часослова. Прочитавъ девятый часъ, сей іеромонахъ по дошелъ къ царскимъ вратамъ, снялъ висящую тамъ епитрахиль и, возложивъ ее на себя, началъ возглашать, (конечно, по-гречески): *Приидите, поклонимся цареву нашему Богу*, и 103 псал. *Благослови, душе моя, Господа*. Какъ девятый часъ, такъ и сей *предназначительный* псаломъ онъ читалъ не такъ *поскору*, чтобы молящіеся не могли ничего понять, но и не такъ медленно, чтобы присутствовавшіе въ храмѣ могли томиться продолжительной службой. Всю вечерню пѣли воспитанники училища, попеременно-то на правомъ клиросѣ, то на лѣвомъ. Стихиры на *Господи, воззвахъ* пѣли по Октоиху въ такомъ порядкѣ, что лишь только правый клиросъ оканчиваетъ свою стихиру, какъ *головщикъ* лѣваго клироса начинаетъ *поскору* речитативомъ другую стихиру, и послѣ нѣс-

колькохъ начальныхъ словъ речитатива остальные слова подпѣваютъ всѣ находящіеся на клиросѣ. Такъ были пропѣты всѣ стихиры какъ на *Господи воззвахъ*, такъ и *Стихиры на Стиховнѣ*. Священную пѣснь: *Свѣте тихій*, молитву по прокимнѣ: *Сподоби, Господи, въ вечеръ сей безъ грѣха сохранитися намъ*, и молитву Сүмеона Богопріимца—*Нынѣ отпушаеши* читало то лице, которое было въ церкви почетнѣе остальныхъ молящихся: это лице было заступающій мѣсто начальника училища. (Самъ начальникъ въ это время не былъ въ домѣ; мнѣ сказали, что онъ отлучился въ Іерусалимъ). Ектеніи просительную и сугубую пѣли попеременно послѣ каждого прошенія воспитанники то на правомъ, то на лѣвомъ клиросѣ. Всѣ наши старинные паломники замѣтили, что греки „на сходѣ“ не поютъ ни *Достойно*, ни догматиковъ, всё по клиросамъ *говорятъ говоркомъ*. (Проск. 208. Лук. 42).

Въ такомъ порядкѣ и вообще совершаются всѣ *повседневныя* вечерни въ греческихъ храмахъ. Къ особенностямъ ихъ должно отнести только то, что служащій священникъ послѣ произнесенія великой ектеніи снимаетъ съ себя епитрахиль и занимаетъ мѣсто вблизи праваго клироса. Вторично онъ возлагаетъ на себя епитрахиль для произношенія ектеній просительной и сугубой и дневнаго отпуска. Провозгласивъ отпускъ, священникъ снимаетъ епитрахиль и вѣшаетъ ее снаружи иконостаса, близко къ царскимъ вратамъ.

Утреннія богослуженія и литургіи я выслушивалъ и самъ удостоился совершать во многихъ храмахъ православнаго Востока. Слушалъ я утреню въ Николаевскомъ монастырѣ въ Галатѣ и въ другихъ храмахъ Константинополя. Слушалъ я утрени и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ св. града. Удостоился совершать утрени и литургіи въ храмѣ Гроба Господня, на Голгоѣ, въ Геосиманіи, въ Архангельскомъ монастырѣ въ Іерусалимѣ, гдѣ имѣла для себя пріютъ первая

наша отечественная миссія въ св. градѣ, въ лицѣ приснопамятныхъ и достойныхъ всякаго ублаженія, преосвященныхъ Порсирія Успенскаго и Теофана—святителя—отшельника ¹⁾. (Въ семъ монастырѣ и до настоящаго времени хорошо сохранились стѣнные иконы, писанныя собственной рукой преосв. Теофана). Удостойся я совершать Божию службу въ Виолеевской пещерѣ, въ Горней и подъ открытымъ сводомъ неба у дуба Мамврійскаго. Замѣтилъ я это лишь на тотъ конецъ, чтобы сказать, что къ порядку совершенія утреннихъ богослуженій на Востокѣ я имѣлъ возможность достаточно приглядѣться.

Утреннія службы на Востокѣ отличаются полной простотой своего чина. Нашихъ торжественныхъ литій съ благословеніемъ 5 хлѣбовъ, пшеницы, вина и елея, нашихъ умиленныхъ полувелевъ, съ громогласнымъ пѣніемъ: *Хвалите имя Господне, хвалите рабы Господа*, цѣнія величій, утреннихъ антифоновъ и изнесенія на средину храма въ воскресной утрени Евангелія, а въ праздничной—иконы праздника—греческій клиръ, какъ замѣчено выше, давно не совершаетъ. Повседневная, праздничная и воскресная утрени на Востокѣ неизмѣнно совершаются по одному и тому же упрощенному чинопослѣдованію. Когда наканунѣ 15 іюля я совершилъ въ Николаевскомъ монастырѣ св. града ²⁾ литію съ благословеніемъ хлѣбовъ и на полувелѣ пропѣлъ величаніе Св равноапостольному просвѣтителю земли Россійскія Владиміру, то молящіеся изъ грековъ взирали на такую службу, какъ на богослуженіе, видѣнное ими въ первый разъ. Само собою разумѣется, что сосудовъ для литіи не было. Пришлось все устроить изъ фарфоровыхъ блюдъ и русскимъ бого-

¹⁾ Чтобы понять тѣ услуги для нашихъ путешественниковъ въ Св. Землю, какия сдѣлалъ почившій арх. Антоній въ Палест. Общ., слѣдуетъ только прочесть по книгѣ В. Мансурова „Поклон. въ Палест.“ нѣсколько словъ о тѣснотѣ упомянутому Архангельскаго монастыря, 22 стр.

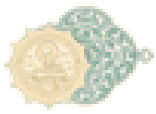
²⁾ См. Мансурова 13 стр.

молкамъ спечь хлѣбы для благословенія. Одинъ изъ сихъ хлѣбовъ я привезъ и на родину, на благословеніе своимъ приснымъ.

Утренняя на Востокъ начинается каженіемъ. Священнослужащій, надѣвъ епитрахиль и благословивъ, кадитъ алтарь, предстоящихъ въ храмъ и обходитъ съ каженіемъ весь храмъ. Въ это время на клиросѣ чтець читаетъ два псалма: *Услышитъ тя Господь въ день печали.* (Пс. 19) и *Господи, силою твоею возвеселится царь.* (Пс. 20). Затѣмъ—обычная ектенія, и начинается чтеніе шестопсалмія. Послѣ трехъ псалмовъ священникъ выходитъ, какъ и у насъ, предъ царскія врата и тихо читаетъ молитвы утреннія. Въ нашихъ служебникахъ положено, чтобы іерей читалъ сіи молитвы „непокровенъ предъ св. дверми“. А еще Арсеній Сухановъ въ своемъ „Проскинитаріи“ замѣтилъ, что іереи на Востокъ говорятъ сіи молитвы „въ патрахѣли, въ скуфѣѣ“. (Л. 223). Но вслѣдъ за этимъ добавляетъ, что молитвы сіи прочитываются всѣми священниками, хотя бы кто и „обѣдни не пѣлъ“... *Господи помилуй* на великой ектеніи пѣвцы поютъ попеременно-то на одномъ клиросѣ, то на другомъ. Также по клиросамъ поютъ попеременно: *Богъ Господь и явился намъ* и сгихиры „на *Богъ Господь*

Каѳизмы на Востокъ читаются слѣдующимъ порядкомъ: чтець читаетъ, обратясь лицомъ не къ иконостасу, а къ молящимся въ храмъ¹⁾. Этотъ обычай, несомнѣнно, можно одобрить въ тѣхъ видахъ, что чтеніе Псалтири—сей поучительнѣйшей боговдохновенной книги дѣлается вполне доступнымъ для слуха предстоящихъ. „Сѣдальны“ обѣихъ каѳизмъ въ греческихъ церквахъ неизмѣнно поютъ, а не читаютъ. Чтенія утреннихъ Евангелій миѣ не приходилось слышать у грековъ. Но за то у нихъ тщательно исполняется пѣніе ка-

¹⁾ Такому обращенію лица чтеца къ молящимся помогаетъ устройство греческихъ круглыхъ клиросовъ, легко поворачивающихся на своей оси

нова. Поютъ не ирмосы только, *но обязательно весь канонъ*. Пѣніе канона у нихъ занимаетъ большую часть совершенія утрени. Поютъ на два клироса. Когда я слушалъ утрению въ Николаевскомъ монастырѣ въ Галатѣ, то канонъ пѣли, на правомъ клиросѣ престарѣлый духовникъ монастыря, и только онъ одинъ, а на лѣвомъ молодой діаконъ и тоже только онъ одинъ. Подобное пѣніе канона я часто слышалъ и въ храмѣ Гроба Господня. Наше партесное пѣніе греки, какъ извѣстно, отрицаютъ. Впрочемъ въ монастырѣ Св. Духа въ Константинополѣ я видѣлъ у тамошняго іеродіакона книгу церковныхъ пѣснопѣній съ нотами италіанской гаммы. Книга эта новая, и издана не въ Венеціи, какъ всѣ рѣшительно греческія богослужебныя книги и даже Евангелія, а въ Фессалоникахъ.

Когда окончатъ пѣніе канона, чтецъ читаетъ: *Всякое дыханіе да хвалитъ Господа* и засимъ непосредственно читаетъ, а не поетъ, *Слава въ вышнихъ Богу*. Чтеніемъ великаго славословія собственно и оканчивается греческая утрени. Продолжается служеніе ея не болѣе одного часа. Чтенія часовъ *перваго, третьяго и шестаго* не приходилось мнѣ слышать за греческими службами. Конечно, въ богослужебныхъ книгахъ они сохранены.

Въ греческой церковной практикѣ почти повсюду распространился обычай, по которому священно-дѣйствующій, при началѣ пѣнія канона, облачается во всѣ священныя одежды и начиняетъ совершать проскомидію. Такимъ образомъ, божественная литургія совершается безъ перерыва послѣ утрени. Эта послѣдняя особенность у насъ, какъ извѣстно, имѣетъ мѣсто только за Свѣтлой заутреней, а тамъ такой ежедневный порядокъ совершенія литургіи. Оканчивается чтеніе великаго славословія, и священникъ оканчиваетъ проскомидію. Въ виду сего чтеніе часовъ и пропускается.

Не безъ смущенія и даже не безъ нѣкотораго страха приступаю я къ изложенію особенностей въ совершеніи божественной литургіи въ греческихъ храмахъ. Особенностей сихъ

такъ много, много, и онѣ такъ знаменательны! Я не подвергаю разбору чиновъ греческихъ службъ по ихъ богослужебнымъ книгамъ. Книги одинаковы и тождественны какъ въ Греціи, такъ и въ Россіи. Церковная лишь практика образовалась разнovidная у насъ и у нихъ, и я имѣю въ виду только одну практику. Начать хотъ съ того, что у насъ употребляется пять просфоръ для литургіи, а на востокѣ только одна, раздѣляемая на пять частей, изъ коихъ средняя есть Агнецъ, правая Богородичная часть, лѣвая—девятичинная, верхняя—здравная и противолежащая ей—заупокойная. Изъ сихъ частей, а не изъ отдѣльныхъ просфоръ, и вынимаются священнодѣйствующимъ положенныя по чину литургіи части ¹⁾. Вино для литургіи у насъ употребляется исключительно красное. А красного вина на Востокѣ и мало видно. Тамъ вино по преимуществу густое, темно-коричневаго цвѣта. Оно и идетъ для церковнаго употребленія. Особенности эти мѣстныя и не касаются существа дѣла. Есть тамъ незначительныя особенности и въ священныхъ сосудахъ. Напримѣръ, дискось у грековъ имѣеть видъ металлической тарелки безъ подставки. Но такіе диски встарину существовали и у насъ на Руси, какъ это можно видѣть въ музеяхъ церковныхъ древностей. Чаши греческія небольшихъ размѣровъ, ибо тамъ, какъ замѣтилъ еще Сухановъ, причащаютъ „крохотными частицами“. Да и большихъ просфоръ въ восточной печи невозможно испечь.

Какъ начинается тамъ Божественная литургія?—Въ греческихъ храмахъ вездѣ и всегда предъ литургіей отверзаются царскія врата. Цъ уже при отверстыхъ царскихъ вратахъ, священнодѣйствующій, изобразивъ Евангеліемъ надъ святымъ антиминсомъ крестъ, провозглашаетъ громогласно: Εὐλογεῖται ἡ βασιλεία, и хотя въ греческомъ Служебникѣ и сказано, что

¹⁾ Болѣе подробная зачѣтка „о просфорѣ для проскомидіи въ чинѣ литургіи на Востокѣ“, почѣщена въ 1882 г. въ „Кіевск. Епарх. Вѣд.“ № 12

на сіе начало литургіи *χορός* отвѣтствуетъ— „аминь“, но въ дѣйствительности—аминь и далѣе на ектеніи *Κόριε, ἐλέησον* за пѣвцами произносятся вслухъ всѣ молящіеся. Это участіе всѣхъ въ богослуженіи всегда дѣйствовало на меня умирительно и напоминало извѣстное мѣсто въ посланіи Апостола Павла къ Коринѳяномъ, гдѣ прямо говорится, что въ апостольскомъ богослуженіи *аминь* произносили всѣ присутствовавшіе при молитвѣ. (I Коринѳ. XIV, 16).

Послѣ возгласа *Εὐλογημένη ἡ βασιλεία* царскія врата закрываются, и порядокъ совершенія литургіи ничѣмъ не отличается отъ установившагося у насъ чина до самаго чтенія Евангелія. Чтеніе Евангелія въ греческихъ литургіяхъ всегда оставлено особенною торжественностью. За это имъ хвала. Если въ совершеніи литургіи принимаетъ участіе діаконъ, то онъ всегда благовѣствуетъ Евангеліе съ высокой каеэды, которая имѣется въ каждой греческой церкви, даже самой бѣдной. Если-же совершаетъ литургію одинъ священникъ, то онъ благовѣствуетъ Евангеліе, занявъ мѣсто въ царскихъ вратахъ и обратясь непременно лицомъ къ народу. Держитъ онъ Евангеліе краями своей длинной фелони. У самыхъ царскихъ вратъ предъ благовѣстителемъ Евангелія ставятся два подсвѣщника съ возженными свѣчами. Евангеліе читается особенно громко, раздѣльно и неспѣшаю (но не басовымъ голосомъ...). Въ Николаевскомъ монастырѣ въ Галатѣ служилъ одинъ священникъ, безъ діакона и такъ искусно прочелъ 10-е зачало или Евангеліе отъ Матѳея, что у меня на долго запечатлѣлось въ памяти это чтеніе.

До Херувимской пѣсни литургія совершается обычнымъ порядкомъ, съ той особенностью, что въ пѣніи нѣкоторыхъ пѣснопѣній принимаютъ участіе всѣ присутствующіе въ храмѣ, и съ пропускомъ ектеніи объ оглашенныхъ, хотя, конечно, въ служебникахъ сія ектенія неизмѣнно существуетъ.

Херувимскую пѣснь поютъ только одни псалты; поютъ на

самыхъ высокихъ нотахъ и съ самыми разнообразными переживаниями тоновъ ¹⁾. Совершивъ кажденіе престола, алтаря, иконостаса и предстоящихъ, священникъ staje у жертвенника и „поминаетъ, аже хочетъ, живыя и мертвыя“. При этомъ входятъ въ алтарь и мірскіе люди и творятъ поминаеніе своихъ присныхъ, т. е. *сами читаютъ* имена своихъ родныхъ и знакомыхъ. При семъ чтеніи именъ священнослужащій только многократно повторяютъ: *μνησθε Κοίτη*. Такъ какъ въ практикѣ греческой церкви не употребляются отдѣльныя за здравныя и за упокойныя просфоры, то священнодѣйствующій копьемъ только *ускрѣбаетъ* на дискосъ изъ частей проскомидійной просфоры „крохотки“, какъ именуетъ ихъ Арсеній Сухановъ. Въ одномъ изъ храмовъ Константинополя а видѣлъ, какъ во время пѣнія *Херувимской пѣсни* подступили къ жертвеннику нѣсколько афонскихъ келліотовъ изъ бывшихъ послушниковъ русскихъ монастырей, проживающіе теперь въ Константинополѣ, и, вынувъ изъ кармановъ своихъ цѣлыя тетради съ записью именъ, начали читать сіи записи...

Перенесеніе Св. Даровъ съ жертвенника на престолъ послѣ исполненія первой половины *Херувимской пѣсни* совершается въ греческихъ церквяхъ нѣсколько иначе, нежели у насъ, и именно,—свѣщеносцы съ лампадами, діаконы и священники съ дискосомъ и чапшей *обходятъ весь храмъ*, а не предиконостасную только часть съ сѣверныхъ дверей во врата царскія. Молящіеся приклоняютъ свои главы. Но священникъ не каeтся сихъ главъ святымъ потиромъ, который держитъ въ своей рукѣ. Діаконъ и священникъ идутъ прямо изъ сѣверныхъ дверей къ входнымъ во храмъ—западнымъ и отъ западныхъ въ Царскія врата, не поворачиваясь ни на десно, ни на шуе. *Идутъ прямо и торжественно*. Священникъ произ-

¹⁾ 5 іюля, въ день героименія Е. И. В. Сергія Александровича, Предсѣд. Пр. Палест. Общ., торжественную литургію въ Голгоѣ совершалъ патріархъ. Для пѣнія *Херувимской* былъ приглашенъ особый пѣвецъ изъ мірскихъ людей. Пѣніе это было особенное, но не для рус. слуха.

носитъ поминаніе властей, архіерея своего, палату, воинство, ктиторовъ и всѣхъ православныхъ христіанъ: „*Τὸ ἄνεσθαι καὶ φιλῶν τοῦ Βασιλέως ἡμῶν...*“ да помянетъ Господь, Богъ, взываетъ священникъ...

Св. Дары поставляются на антиминсѣ, который у Грековъ раскрывается, какъ было замѣчено выше, сразу весь, по прочтеніи Евангелія, а не постепенно, какъ это дѣлается у насъ—при произнесеніи ектеніи послѣ чтенія Евангелія ¹⁾).

Оканчивается пѣніе Херувимской пѣсни, и Царскія врата закрываются и задвигаются тѣмъ экраномъ, который у насъ замѣняется катапетасмой.

Символь вѣры при греческомъ богослуженіи никогда не поется, а всегда *читается* тѣмъ духовнымъ лицомъ, которое по своему іерархическому чину выше всѣхъ, находящихся въ храмѣ. При чтеніи *Върую* священникъ „воздвигаетъ воздухъ“, не простирая оный надъ святою чашей и дискосомъ, а *свѣшивая сверху внизъ*, при чемъ онъ потрясаетъ воздухомъ такъ, какъ будто у него происходитъ дрожаніе рукъ. Эту особенность еще въ свое время замѣтилъ составитель Проскинитарія ²⁾).

По прочтеніи *Върую* экранъ съ царскихъ вратъ сдвигается, и врата раскрываются. Священно-дѣйствующій, ставъ во вратахъ, лицомъ къ народу, послѣ *станемъ добръ* произноситъ: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа...*, *Горь имъемъ сердца* и *Благодаримъ Господа*. За симъ возвращаетъ

¹⁾ очень умилятельно изображенъ *Великій входъ* въ Проскинитаріи: „сглаже архидіаконъ несетъ дискосъ, а іерей потиръ, и идучи говорятъ: *встанъ вась да помянетъ Господь Богъ*, идутъ не оборачиваясь ни на лѣво, ни на право, ни къ патріарху, ни къ государю, но идутъ *просто* путемъ своимъ правымъ, якоже подобаетъ царю идти, не склоняся ни на лѣво, ни на десно, понеже царя и не просто царя, но и Бога несетъ“. 268, И дѣйствительно, наиболѣе торжественно обставленъ въ греческой литургіи *Великій входъ*. И молящіеся особенно молятся только при *Херувимской пѣсни*...

²⁾ При чтеніи *по тиху Върую* „потрясаютъ воздухъ, якобы отъ страха руки трепещутъ“. 270.

ся къ престолу. Царскія врата закрываются. Экранъ задвигается. И алтарь, изображая въ сіе время темноту пещеры Гроба Господня, остается при совершенно закрытыхъ Царскихъ вратахъ до возгласа: *Со страхомъ Божиимъ и втрою приступите.*

Освященіе Даровъ благоговѣйно совершается также, какъ и въ Русской Церкви. Но только послѣ возношенія: *Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся* и послѣ молитвы—*Еще приносимъ Ти словесную сію и безкровную службу*, священно-дѣйствующій не читаетъ: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоламъ Твоимъ ниспославый Тою, благій, не отъими отъ насъ, но obnovи насъ молящихся*, а только трижды помолясь предъ престоломъ произнеся: *Ὁ Θεός, ἰλάσθητί μοι τῷ ἁμαρτωλῷ, καὶ ἐλέησον με*, благословляетъ *святый хлѣбъ и святую чашу*, и засимъ благословляя *обоя*, говорить: *Μεταβαλὼν τῷ Πνεύματι σου τῷ ἁγίῳ. Διάκονε: Ἀμήν, Ἀμήν, Ἀμήν.*

Послѣ пресуществленія Св. Даровъ священникъ пріемлетъ въ свои руки блюдо съ раздробленными частями проскомидійной просфоры и касается имъ св. чаши и св. дискаса. Такъ освящается антидоръ, который имѣетъ быть разданнымъ присутствующимъ въ церкви по окончаніи литургіи. Когда я, а равно и другіе священники, присутствовали только въ алтарѣ, а не совершали богослуженіе, то священнодѣйствующій послѣ освященія Св. Даровъ бралъ изъ блюда часть антидора, касался имъ Св. Агнца и Св. чаши, произнося наши имена, и сію часть немедленно передавалъ намъ. Нѣкоторые сейчасъ и съѣдали сію часть, прежде принятія священно-дѣйствующимъ св. Причастія...

Послѣ просительной ектеніи, *Отче нашъ*, также какъ и *Вѣрую*, всегда читается почетнѣйшимъ лицомъ изъ клира.

Во всѣхъ греческихъ храмахъ *теплота* разогрѣвается не на раскаленныхъ угляхъ, а на спиртной лампѣ.

Священнослужашій, причастившись Святыхъ Таинъ, обычно-

венно звонить лжицей о дискось, давая симъ знать клирошанамъ, что можно оканчивать причастный стихъ. Къ возгласу: *Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите* на Востокъ всегда прибавляютъ: *вѣрою и любовію приступите*¹⁾.

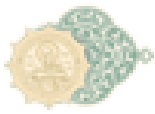
Антидоръ, по окончаніи литургіи, раздаетъ не слушащій, а самое высшее духовное лице, которое обыкновенно въ храмѣ занимаетъ первое мѣсто въ рядѣ стасидій правой стороны. Къ сему лицу подходятъ міряне, получаютъ антидоръ и полагаютъ свои денежные приношенія на антидорное блюдо...

Мірянъ причащаетъ священникъ послѣ полного окончанія литургіи, т. е. даже послѣ отпуска. Такъ, по крайней мѣрѣ, я это видѣлъ въ храмѣ Іакова, Брата Господня, находящемся вблизи храма Гроба Господня.

Я ничего не упомянулъ о такъ называемыхъ *разрѣшительныхъ* обѣдняхъ, хотя и присутствовалъ при совершеніи оныхъ... Я ничего не упомянулъ и о томъ, что въ греческихъ храмахъ при богослуженіи очень часто открываютъ царскія врата міряне. Я нашель, что объ этомъ писать неудобно... Я еще не упомянулъ и о томъ, какъ вообще и при богослуженіи, въ-частности, *свободно* держать себя греческій клиръ, не желая огорчать братскую любовь единовѣрнаго намъ духовенства. Я еще не сказалъ о многомъ другомъ, давая мѣсто изученію Востока другимъ паломникамъ въ Святыхъ мѣста...

Протоіерей *Кл. Хоменко.*

¹⁾ Въ настоящее время прибавленіе: *и любовію* приступите, произносится во всѣхъ греческихъ храмахъ. Но пр. Порфирій въ своей „Книгѣ Живота“ говоритъ, что въ служебникахъ древнихъ онъ не встрѣчалъ этой прибавки *и любовію*.

По вопросу о русско-румынских сношениях.

Речь предъ защитою представленнаго на соисканіе степени магистра богословія сочиненія: Гавріилъ Банулеско-Бодони, молдо-влахійскій ексархъ и митрополитъ Кишиневскій).

Наше изслѣдованіе касается вопроса о русско-румынскихъ сношеніяхъ. Этотъ вопросъ очень мало разработанъ въ нашей исторической литературѣ. Русскіе историки касаются его только мимоходомъ въ своихъ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованіямъ Россіи съ Греціею и славянскими народностями Балканскаго полуострова. Тоже самое нужно сказать и о румынской исторической литературѣ, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ Румыніи, ставшей въ недавнее время королевствомъ, замѣчается въ настоящее время среди ученыхъ сильное стремленіе къ изученію судебъ своего отечества. Это и вызвало въ послѣднее время появленіе историческихъ трудовъ, въ которыхъ не мало отведено мѣста и вопросу о русско-румынскихъ сношеніяхъ¹⁾. Къ сожалѣнію, рѣшеніе этого вопроса во многихъ случаяхъ страдаетъ тенденціозностью, освѣщающею событія не съ надлежащей точки зрѣнія. Тенденціозность эта объясняется какъ младостью исторической науки

---

¹⁾ Достаточно указать на такіе капитальныя сочиненія, какъ *Istoria Românilor din Dacia Traiana*, въ 6-ти томахъ, профес. Букарестскаго университета Ксенопола; *Историческія изслѣдованія о румынахъ* въ тридцати томахъ. Уреке, члена румынской Академіи наукъ; *Матеріалы для исторіи Румыловъ* — труды профессоровъ Тоцилеску и Одобеску, издаваемые по порученію Румынской академіи наукъ.

вообще въ Румыніи, такъ и національнымъ самолюбіемъ румыновъ. Справедливо замѣчено, что такимъ самолюбіемъ страдаютъ преимущественно маленькія государства, выдающія вездѣ воображаемыхъ враговъ, посягающихъ на ихъ самостоятельность. А это отражается какъ на историческихъ трудахъ, такъ и проявляется въ жизни. Нигдѣ такъ много не говорятъ о политикѣ, какъ въ этихъ государствахъ...

Въ силу такого самолюбія, румыны, окруженные отовсюду славянами, долгое время находившіеся въ прямой зависимости отъ нихъ, цѣлые вѣка жившіе общюю съ ними историческою жизнью, гордо и высокомерно заявляютъ притязаніе—быть настоящей, и притомъ—передовой Западно-европейской державой на славянскомъ востокѣ. Въ Россіи же, эгомъ славянскомъ колоссѣ, многіе изъ нихъ, получившіе образованіе въ Западно-европейскихъ школахъ, и не безъ вліянія извнѣ, желаютъ видѣть врага ихъ самобытности.

Подобные взгляды не имѣютъ за собою никакихъ историческихъ основаній. Напротивъ, самое бѣглое знакомство съ исторіею обоихъ государствъ указываетъ на благотворную связь, издавна существовавшую между ними. Этому способствовало какъ географическое положеніе обоихъ государствъ, такъ и единовѣріе... Послѣ паденія византійской имперіи, Россія взяла на себя права и обязанности защищать православно-христіанскія народности юго-востока Европы, а также и ихъ церковь отъ тяжелаго гнета турокъ. Съ этого времени и начались сношенія русскихъ съ румынами—политическія, церковныя и культурныя.

Въ самыя тяжелыя времена своей исторической жизни румынскій народъ всегда возлагалъ свои свѣтлыя надежды на великое славянское царство. Онъ надѣялся, что настанетъ когда либо конецъ насилию, прекратятся муки, возсіяетъ новая заря во мракѣ иноземнаго порабожденія, явится новый вожь, православный Русскій Императоръ, который изведетъ единовѣрный ему народъ изъ турецкой неволи. Эта надежда

никогда не покидала румыновъ, которые всегда живо чувствовали нравственную, отчасти и родственную, связь съ Великой Россіей; тяготѣніе къ этому центру ясно обозначалось во всѣ періоды ихъ исторической жизни. Эти надежды поддерживались и тѣмъ заботливымъ отношеніемъ къ поработенному православному народу румынскому, которое проявляли цари русскіе, особенно начиная со времени Петра Великаго. Россія была *единственнымъ* государствомъ, *искренно* протянувшимъ руку помощи дунайскимъ княжествамъ въ годину самыхъ бѣдственныхъ для нихъ испытаній. И дѣйствительно, нужно сказать, что румынскій народъ обязанъ своею самостоятельностью, своимъ нынѣшнимъ благоденствіемъ Россіи, которая всегда ограждала политическую независимость Румыніи и охраняла православіе въ ней. Вотъ что говоритъ объ этомъ знаменитый румынскій патріотъ Радулеско въ своемъ органѣ *Legalitatea* (1866 г., № 14): „Заботливымъ участіемъ Россіи мы приобрѣли большую часть правъ нашихъ предковъ; поработенная страна свободна, намъ возвращена земля, покрытая турецкими городами и крѣпостями; мы свободно плаваемъ по Дунаю и Черному морю и намъ открытъ путь для торговли и вывоза произведеній чрезъ Босфоръ; правители наши—сыны нашей родины; мы имѣемъ войска для защиты границъ. Вѣчная признательность Россіи, завоевавшей для насъ потерянные права, давшей намъ разумную организацію, которая, начиная съ самыхъ основъ правительственнаго механизма, искоренила столько застарѣлыхъ злоупотребленій, которыя иссушили намъ мозгъ въ костяхъ и угнетали, замучивали до смерти рабочіе классы народа“.

Далѣе судьбы церкви румынской имѣютъ тѣсную связь съ исторіею церкви русской. Достаточно вспомнить, что румыны въ продолженіе многихъ столѣтій имѣли своимъ богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ нашъ языкъ церковно-славянскій. Такое употребленіе церковно-славянскаго языка закрѣпляло ко взаимной пользѣ церковную связь молдаванъ и

русскихъ, благотворно вліяя на успѣхи православія, на развитіе народной нравственности, какъ въ церкви румынской, такъ и въ церкви русской. Румынія подарила Россіи многихъ великихъ іерарховъ, изъ числа которыхъ достаточно назвать: *Грогорія Цамблака*¹⁾, митрополита Воыно - Литовскаго (1415—1419 гг.), знаменитаго *Петра Моилу*, митр. Кіевскаго и основателя Кіевской Академіи (1633—1646 гг.), *Досифея*, весьма ученаго мужа, бывшаго митр. Азовскимъ (1703—11 гг.), *Пахомія Шпаковского*, митр. Воронежскаго (1714—23 гг.), *Арсенія Берло*, еп. Могилевскаго (1728—33 гг.) и Переяславскаго (1733—44 гг.) и, наконецъ, *Гавріила Банулеско—Бодони*, бывшаго митрополитомъ Кіевскимъ (1799—1803 гг.), Молдо-влахійскимъ экзархомъ (1808—12 гг.) и митрополитомъ Бессарабіи (1813—21 гг.). Съ другой стороны, могущественное и доброе воздѣйствіе со стороны православной російской церкви испытывала румынская церковь особенно во время войнъ Россіи съ Турціей, во время протектората Россіи надъ Румыніей, когда первая посылала ей преосвященныхъ архипастырей, которые, несомнѣнно, имѣли благотворное вліяніе на нее.

Просвѣтительное значеніе Россіи по отношенію къ румынамъ выражалась въ томъ, что они получали отсюда какъ духовное просвѣщеніе, такъ и памятники церковной и духовной письменности. Это началось съ XVII столѣтія, когда румыны, вмѣсто юго-славянскихъ земель, стали охотнѣе обращаться за духовною помощію въ образовавшіеся вновь центры русскаго просвѣщенія—Львовъ, Кіевъ и даже Москву. Молдавскіе господа—Александръ Лапушнянъ и Аронъ оказывали Львовскому братству матеріальную помощь. Въ особенно тѣсныхъ связяхъ съ Львовскимъ братствомъ находился родъ Могилъ, занимавшій въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. господарскіе престолы Молдавіи и Валахіи. Могила весьма часто

¹⁾ По мнѣнію преосв. Мелхиседеа, Цамблакъ былъ Задунайскимъ румыномъ, родившимся въ Болгаріи.

оказывали Львовскому братству значительное денежное пособие, поручали братству наблюдать за покупкою для них бумаги и приисканіем переписчиковъ книгъ, посылали молдавскихъ юношей учиться въ братской школѣ и приглашали изъ нея домашнихъ наставниковъ для своихъ дѣтей. Когда же въ первой половинѣ XVII вѣка образовался другой центръ южно-русскаго просвѣщенія,—въ Кіевѣ, то надежды румынъ стали обращаться и въ эту сторону. Такъ, шурина валашскаго господаря Матѳея Бассарабы, боярина Настурень, получилъ образованіе въ Кіевѣ. Другой румынъ, Памва Берында, получивъ остоязованіе въ южной Россіи, остался здѣсь навсегда. Господари молдавскій Василій Лупулъ и валашскій Матѳей Бассараба—оба просили у соплеменника своего, кіевскаго митрополита Петра Могилы, прифѣта для своихъ типографій, и получили просимое; оба они завели также въ своихъ господарствахъ школы при помощи кіевскихъ ученыхъ...¹⁾. Съ начала нынѣшняго столѣтія Россія открыла двери всѣхъ учебныхъ заведеній для румынъ, которые въ значительномъ количествѣ получали и теперь получаютъ образованіе въ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Кіевской Академіи²⁾, просвѣтителное значеніе которой для румынъ несомнѣнно, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и значеніе ея въ исторіи русско-румынскихъ сношеній. Румыны смотрятъ на Кіевскую Академію какъ бы на ихъ родную, потому что она основана ихъ соотечественникомъ Петромъ Могилою, и потому считаютъ себя въ правѣ пользоваться просвѣтителными благами ея. Извѣстный молдавскій митрополитъ Веніаминъ Костани (†1846), въ письмѣ своемъ къ знаменитому Кіевскому митрополиту Фи-

¹⁾ Бессарабія, изд. Батюшкова, стр. 81.

²⁾ Въ Кіевской Академіи въ разное время училось около 100 студентовъ-румынъ. Въ настоящее время здѣсь обучаются три румына: *Николай Мунтянъ*, нынѣ іеродіаконъ *Никодимъ*, священникъ *Георгій Миронъ*, нынѣ ермонахъ *Герасимъ*, *Константинъ Маккавей*.

Филарету (Амфитеатрову) относительно принятія въ Академію одного румына представляетъ, между прочимъ, такое основаніе для этой просьбы: „Вполнѣ надѣмся, что благодѣяніе, которое чрезъ Кіевское свято-освященное училище пойдетъ и въ наше отечество, будетъ продолженіемъ того же содѣйствія, которымъ пользовалась наша страна еще въ XVII вѣкѣ, когда высокопреосвященный Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, нашъ просвѣщеннѣйшій соотечественникъ по особенной заботливости блаженной памяти Государя Василя, царствовавшаго тогда здѣсь государя, присылалъ сюда изъ Кіева наставниковъ, отличныхъ какъ своею ученостію, такъ и нравственностію, которые исполненіемъ своей обязанности много способствовали воспитанію и образованію нашего юношества¹⁾. Просвѣтительное значеніе Кіевской Академіи для румынъ прекрасно выражено студентомъ румыномъ Василиемъ Понеску-Скрибаномъ²⁾, въ послѣдствіи замѣчательнымъ румынскимъ святителемъ, въ рѣчи, приспезнесенной имъ на выпускномъ экзаменѣ, въ присутствіи митрополита Филарета. „Я здѣсь чужеземецъ; мой родъ, мое отечество далеко отсель, и языкъ у насъ иной. Но здѣсь—въ этой колыбели вѣры и просвѣщенія величайшей въ свѣтѣ монархіи, я принятъ, какъ свой, и можетъ быть болѣе, чѣмъ свой. Два года провелъ я здѣсь подъ твоимъ отеческимъ покровительствомъ, подъ руководствомъ добрыхъ наставниковъ, въ пріязни отъ всѣхъ меня окружающихъ,—и эти два года почитаю лучшими въ своей жизни. Кто болѣе меня обязанъ глубочайшею благодарностію къ сему святилищу наукъ и особенно твоимъ, милостивѣйшій архипастырь, попеченіямъ и христіанской любви? Мои товарищи по наукѣ, братья по вѣрѣ, други по душѣ и юношеской пріязни, оспаривали у меня слово благодаренія, но я сказалъ имъ: „вы свои, вы имѣете право на благодѣянія, на благодарности; предоставьте мнѣ—страннику—послѣднюю ми-

¹⁾ Аскоченскій, Исторія Кіевской дух. Академіи. Прим. VII.

²⁾ Магистръ выпуска 1842 г., товарищъ по курсу митрополита московскаго Макарія, и т. д.
Подготовлено Киевской Духовной Академіей и Семинаріей,
<http://kdais.kiev.ua>

нуту и послѣднее слово благодаренія, для изліянія священныхъ чувствій души глубокопривзательной. Они предоставили, и я почитаю себя вполне счастливымъ, что могу изречь предъ тобою, милостивѣйшій архипастырь и отецъ, тѣ чувствованія, съ которыми оставляю сіе незабвенное для меня мѣсто, гдѣ обрѣлъ я сокровище истинной мудрости христіанской и православнаго ученія вѣры, которыхъ не находимъ нигдѣ. Если возвращусь на мою родину, и мое отечество спроситъ меня: позналъ ли ты истинную мудрость и благочестіе христіанское? Я скажу ему: не только познавалъ, но и видѣлъ ихъ,—и укажу на тебя, іерархъ благочестивый. Если сосѣдній моему отечеству гордый мусульманинъ спроситъ у меня: чѣмъ твоя вѣра лучше другихъ? я скажу ему: христіанскою, безкорыстною любовію,—и укажу на тебя, іерархъ христіолюбивый, на великодушіе и гостепріимство великаго народа русскаго, воспитаннаго въ вѣрѣ православной и видимо осѣняемаго благословеніемъ Вышняго. Если похваляющійся всезнаніемъ европеецъ войдетъ со мною въ состязаніе, я скажу ему: можетъ быть вы и все знаете, но вы не видали православной церкви въ древней чистотѣ ея и благолѣпіи, а я между вами не видалъ особъ православныхъ. Такъ, милостивый архипастырь и отецъ, въ твоей паствѣ и въ твоей академіи изучалъ я обширную науку вѣры православной; здѣсь видѣлъ чинъ и устройство истинной церкви Христовой; видѣлъ благолѣпіе церковное во всей красотѣ и чистотѣ древней; при твоёмъ священнослуженіи молился въ древнѣйшихъ храмахъ Руси православной, и все, что могъ познать,—все понесу въ мою любезную родину и все постараюсь обратить въ назиданіе себѣ и моимъ соотечественникамъ. Это—мой святой обѣтъ и кромѣ исполненія сего обѣта мнѣ нечѣмъ возблагодарить тебя, милостивѣйшій архипастырь..... Какъ вождѣльно будетъ для цѣлаго моего отечества, когда принесу ему кладъ христіанскаго просвѣщенія изъ того самаго вертограда, кото-

рый насаждалъ одинъ изъ сыновъ его, столь извѣстный ревностію по вѣрѣ православной“¹⁾).

По нашему мнѣнію, *эту рѣчь долженъ выучить всякій иностранецъ, получившій образованіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, и преимущественно—духовныхъ*. Къ сожалѣнію, подобные люди въ настоящее время часто оплачиваютъ черною неблагодарностію какъ заведенію, воспитавшему ихъ, такъ и странѣ, пріютившей ихъ.

Пребываніе Скрибана въ Академіи, гдѣ онъ „обрѣлъ сокровище истинной мудрости хрістіанской и православнаго ученія вѣры, которыхъ не находимъ нигдѣ“, оказало ему величайшую пользу какъ въ дѣлѣ достиженія личнаго самоусовершенствованія, такъ и въ приготовленіи къ той дѣятельности, когорою онъ впоследствии прославилъ себя на родинѣ, какъ защитникъ церкви православной противъ антиканоническихъ требованій князя Кузы и его единомышленниковъ. Эта борьба, извѣстная въ исторіи румынской церкви, какъ борьба о *каноничности и неканоничности Церкви*, окончилась побѣдою епископа Скрибана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торжествомъ православія, не смотря на неравномѣрность борьбы и на малую поддержку и сочувствіе своимъ воззрѣніямъ со стороны его соотечественниковъ. *За то такую поддержку и сочувствіе онъ нашелъ въ единовѣрныхъ ему русскихъ*, въ лицѣ знаменитыхъ іерарховъ русской церкви. Съ преосвященными—*Иннокентіемъ* Борисовымъ и его достойнымъ преемникомъ *Димитріемъ* Муретовымъ, какъ съ бывшими его начальниками и наставниками, Филаретъ Скрибанъ велъ весьма замѣчательную переписку въ продолженіе всей жизни; равно какъ съ великими святителями: *Филаретомъ*, митрополитомъ Московскимъ, и *Филаретомъ*, митрополитомъ Кіевскимъ..... Замѣтимъ, при этомъ, что Филаретъ Скрибанъ былъ однимъ изъ горячихъ румынскихъ патріотовъ, тѣмъ не менѣ онъ не видѣлъ никакой

¹⁾ Ibid. стр. 204.

опасности для своего отечества въ сближеніи съ Россією, а напротивъ считалъ необходимымъ такое сближеніе въ виду просвѣтительнаго и благотворнаго значенія для его отечества русской православной Церкви и науки ¹⁾).

Послѣ этого весьма странными представляются взгляды нѣкоторыхъ румынскихъ историковъ, отрицающихъ, вопреки исторической истинѣ, какое либо благотворное вліяніе на румынов со стороны русскихъ. Вотъ что, напр., говоритъ объ этомъ г. *Ксенополъ* (Хенорол), считающійся въ настоящее время первымъ румынскимъ историкомъ: „Географическое положеніе румыновъ рѣшило во многихъ отношеніяхъ ходъ исторіи этого народа. Раздѣленіе ихъ по обѣимъ сторонамъ Карпатъ способствовало политическому разъединенію, въ которомъ они теперь находятся, разселеніе румыновъ по нижнему теченію Дуная, съ одной стороны, сохранило ихъ народность, а съ другой—заставило ихъ испытать вліянія, которыя замедлили ихъ развитіе, *и даже были вредны для нихъ....* Окруженные отовсюду славянскими народами, румыны и испытывали вліяніе со стороны ихъ. Изъ славянскихъ царствъ ни одно такъ сильно не вліяло на румынскія страны, какъ Россія, во 1-хъ, вслѣдствіе обширности и могущества этой имперіи, а во 2-хъ, вслѣдствіе дипломатической хитрости.... Изъ всѣхъ странъ Европы единственнымъ независимымъ православнымъ государствомъ была Россія. Послѣ паденія византійской имперіи, Россія взяла на себя права и обязанности защищать православно-христіанскую Церковь противъ турокъ, желавшихъ, по завоеваніи Царь-града, наложить свою тяжелую руку не только на востокъ Европы, но и на Западъ ея. Румыны были тоже православнымъ народомъ, какъ и русскіе, но не великимъ, какъ послѣдніе, и не независимымъ, а малымъ и въ подчиненіи у турокъ. При приближеніи Россіи

---

¹⁾ См. о Филаретѣ Скрибанѣ въ нашемъ сочиненіи: „Румыны, получившіе образованіе въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ“.

къ румынамъ, они не могли не чувствовать нѣкоторой симпатіи къ ней, какъ поклонявшіеся одному и тому же Богу, и тѣмъ болѣе, что румыны, какъ и многіе восточные православные народы не могли выносить турецкаго ига. Во имя креста Россія начала вѣковую борьбу противъ полумѣсяца, и подъ тѣнью его (креста) вполне развивалась ея политика по-рабощенія“¹⁾.

Мало этого, въ другомъ мѣстѣ, въ томъ же сочиненіи, г. Ксенополь считаетъ несчастіемъ для румыновъ, что они исповѣдывали одну и ту же православную религію вмѣстѣ съ русскими. Вотъ это мѣсто: *pentru nenorocirea terii religia ei era identica cu a cea a Rusiei*“²⁾ (на несчастіе страны, религія ея была одинакова съ религіею Россіи). Дальше уже, кажется, некуда идти, если православіе румыновъ поставляется имъ въ вину и считается причиною ихъ несчастій! Г. Ксенополь, должно быть, самъ устыдился этого выраженія, потому что оно выпущено въ его „Исторіи румыновъ“³⁾, куда по частямъ вошло и это сочиненіе, откуда мы привели его фразу о православіи румыновъ.

Г. Ксенополь, очевидно, не хочетъ признавать того, что румыны исключительно обязаны православной Церкви сохраненіемъ своего національнаго существованія. Православная церковь была прочнымъ оплотомъ для защиты румыновъ отъ всевозможныхъ чужихъ вліяній; заключая союзъ съ турками, румыны первымъ условіемъ ставили—защиту и неприкосновенность православной церкви и ея правъ. Вѣра православная была тою жизненною силою румынскаго народа, сохраненіемъ, живучестію, преспѣваніемъ которой обезпечивалась историческая будущность его, какъ народа. Она спасала его отъ поглощенія исламомъ и латинствомъ; она давала ему чув-

¹⁾ *Resboacle d'entre Rusi si Turci*. Vol. 1. 1880 an p. 1—3

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Istoria Românilor*. . 1891 an Vol. IV, p. 524.

ствовать и свою особенность и свое единство въ качествѣ православно-христіанскаго народа. Православная румынская церковь была выраженіемъ религіозныхъ, нравственныхъ и національных потребностей румынскаго народа; она образовала и сохранила обработанный общенаціональный языкъ; она была школой добрыхъ привычекъ народа и воспитанія въ немъ здравыхъ идей; она была, наконецъ, путеводителемъ культуры и національной цивилизаціи ¹⁾....

Въ дѣлѣ сохраненія православія въ Румыніи, въ минуту тяжелаго положенія ея, имѣла весьма важное значенія Россія, входя въ общеніе какъ съ румынами, такъ и другими православными пародностями востока. Въ настоящее время особенно необходимо живое общеніе между православными церквями, участіе къ положенію другъ друга и готовность ихъ помочь другъ другу, въ виду извѣстныхъ всѣмъ послѣднихъ попытокъ римскаго первосвященника войти въ сношеніе съ народами православнаго востока. Опасность католицизма особенно угрожаетъ румынскому народу; угрожаетъ она также и сербскому, болгарскому, греческому, даже русскому народу, которому къ тому же особенно надлежитъ блюсти общеправославные интересы. Но для этого нужно знать востокъ, знать церковную жизнь восточныхъ православныхъ народовъ. А можемъ ли мы сказать, что знаемъ востокъ? Тогда какъ Западъ снаряжаетъ на востокъ всевозможныя ученыя и неученыя экспедиціи, на глазахъ всего міра имѣетъ цѣлыя институты и конгрегаціи для распространенія своихъ культурныхъ и исповѣдныхъ идей,—сторонимся отъ востока только мы, связанные съ востокомъ болѣе, чѣмъ кто либо и единствомъ вѣры, и традиціями исторіи, и потребностями своей православно-богословской науки.... Въ самомъ дѣлѣ, много ли

¹⁾ Это прекрасно доказалъ замѣчательный румынскій ученый, магистръ Киевской Академіи и почетный членъ ея, нынѣ покойный, преосв. Мелхиседекъ въ своемъ сочиненіи: „Parîmul si starea actuala a Bisericei orthodexe in regatul Romaniei“.

напр., знаемъ мы о румынахъ? Знаютъ ли румыны насъ? Неправильныя мнѣнія нѣкоторыхъ румынскихъ ученыхъ о русскихъ и объ отношеніи ихъ къ румынамъ проистекаютъ, главнымъ образомъ, отъ незнакомства ихъ съ Россіею и исторіею ея. Къ сожалѣнію, подобный же упрекъ, съ обратной стороны, можетъ быть отнесенъ и къ русскимъ. Для большинства русскихъ сосѣдняя единовѣрная намъ Румынія—terra incognita. Не выясняя въ данномъ случаѣ причинъ подобнаго явленія, мы скажемъ только, что оно прискорбно и, повторяемъ, не имѣетъ за собою никакихъ историческихъ основаній....

Изъ сказаннаго нами отчасти видно благотворное значеніе Россіи въ дѣлѣ русско-румынскихъ сношеній, указана также и основа для такихъ сношеній. Этимъ также опредѣляется и значеніе нашего труда, предметомъ котораго служитъ одно изъ просвѣтительныхъ, но совершенно не изслѣдованныхъ, вліяній православной русской Церкви, благотѣтельно отразившихся на возвышеніи и укрѣпленіи румынской церковной жизни. Это—учрежденіе молдо-влахійскаго экзархата во время русско-турецкой войны 1806—12 г.г. Существованіе его и благотворное значеніе находится въ тѣснѣйшей связи съ дѣятельностію митрополита и экзарха молдо-влахійскаго Гавріила Банулеско-Бодони, который служилъ связующимъ звеномъ между единовѣрными—Россіею и Румыніею,—полагая въ основу своей дѣятельности любовь къ православной Церкви Христовой, гдѣ нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни варвара, ни скиѣа, ни обрѣзаннаго, ни необрѣзаннаго, но всѣ во Христѣ.

Преподаватель Кишиневской Семинаріи
Авксентій Стадницкій.

ПРЕДАНИЕ ІЕРУСАЛИМСКАГО КРЕСТНАГО МОНАСТЫРЯ О ДРЕВѢ КРЕСТНОМЪ.

(Изъ записокъ путешественника въ Св. Землю).

Вблизи Іерусалима, за Яффскими воротами, въ живописной и плодородной долинѣ, находится „Крестный монастырь“. Отъ Яффскихъ воротъ до этого уединеннаго загороднаго монастыря не болѣе получаса пути. По мѣстному преданію, Крестный монастырь сооруженъ на томъ мѣстѣ, гдѣ росло древо Животворящаго Креста Господня. По болѣе близкому преданію, на этомъ же мѣстѣ провелъ ночь императоръ Ираклій наканунѣ торжественнаго внесенія во Св. Градъ Животворящаго Креста, отнятаго имъ у Персовъ въ 628 г. Извѣстно, что Крестный монастырь принадлежалъ въ прежнее время Грузинамъ, о чемъ и до настоящаго времени свидѣлствуютъ грузинскія надписи, уцѣлѣвшія на нѣкоторыхъ священныхъ стѣнныхъ изображеніяхъ ¹⁾).

При Іерусалимскомъ Крестномъ монастырѣ издавна существуетъ греческое богословское училище. Въ 70-хъ годахъ настоящаго столѣтія училище это было закрыто, но въ прошломъ году оно опять возобновлено нынѣшнимъ патріархомъ Св. Града Герасимомъ.

По приѣздѣ въ Іерусалимъ я желалъ посѣтить Крестный монастырь, чтобы поклониться его святынямъ и осмотрѣть греческое богословское училище. Это я исполнилъ 27-го іюня. Я пришелъ въ монастырь къ вечерней службѣ, которая вообще на Востокѣ совершается вскорѣ послѣ полудня и за-долго до заката солнца. Поклонившись тому мѣсту гдѣ, по

¹⁾ Памятники грузинской старины этого монастыря и вообще Св. Земли Разобраны А. Цагарелли и изданы Палестинскимъ Обществомъ въ 1883 г

преданію, росло „древо Креста“, (въ настоящее время сіе мѣсто покрыто Святымъ престоломъ), я обратилъ вниманіе на невиданную мною особенность стѣнной иконописи Крестнаго Монастыря. Это было изображеніе въ лицахъ *мѣстнаго преданія* о древѣ Крестномъ.

Преданіе Крестнаго монастыря слѣдующее¹⁾.

„Патріархъ еврейскаго народа Авраамъ, желая узнать—проститъ-ли Богъ извѣстное тяжкое грѣхопаденіе его племянника Лота, (Бытія XIX, 30—38), посадилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время св. престолъ главнаго храма Крестнаго монастыря, три вѣтки изъ трехъ не гниющихъ деревъ—кипариса, певга и кедра²⁾. и велѣлъ Лоту возигъ воду изъ Іордана и поливать насажденныя вѣтки. Симъ велѣніемъ на Лота налагался подвигъ покаянія. При чемъ Авраамъ поставилъ, что если насажденные вѣтви прорастутъ, то это будетъ означать, что Господь принялъ подвигъ Лота и простилъ его тяжкое прегрѣшеніе, а если не прорастутъ, то это будетъ означать, что Господь не простилъ Лота. Лотъ самоотверженно приступилъ къ исполненію возложеннаго на него подвига и началъ на ослѣ въ сосудахъ возигъ воду изъ Іордана для поливанія насажденій Авраама. Врагъ рода человѣческаго—искуситель діаволь, видя трудъ кающагося, началъ чинить ему всякія препятствія. И для этой цѣли или похищаль сосуды Лота съ іорданской водой, или опрокидывалъ ихъ на трудномъ пути отъ св. рѣки, или-же разбивалъ оныя въ то время, когда они были наполнены водой. Но три вѣтки прорасли... Мало этого. Они сраслись въ одинъ стволъ и образовали *одно древо*. Изъ сего-то *единого древа* и былъ впослѣдствіи содѣланъ Животворящій Крестъ Господень. Къ сему преданіе добавляетъ, что первоначально сросшееся древо Ав-

¹⁾. Объ этомъ преданіи, хотя и имѣющемъ свою разнovidность, святит. Димитрій Ростовскій замѣтилъ, что оно „аще и сгнанные, обаче ѳронія не недостойное“. Розыскъ стр 107.

²⁾. Перечисленіе подрядъ этихъ *трехъ* деревъ нѣсколько разъ встрѣчается въ Библии. Прор. Исаія сіи три дерева называетъ *славой Ливана*, которая имѣетъ украсить святилище Божіе въ Іерусалимѣ Гл. 60, 13. гл. 35, 1. Свѣд. 24. 15.

раама было срублено для храма Соломона. Но на постройку не пошло. Позже оно было помѣщено въ купѣли овчей, о которой говорится въ V-й главѣ ев. отъ Іоанна, и здѣсь оно *пробразовательно* исдѣляло недужныхъ. А сдѣлавшись св. Крестомъ для Искушителя рода человѣческаго, Господа нашего Іисуса Христа, вно омываетъ грѣхи рода человѣческаго излиянною на немъ Кровію Спасителя и симъ исдѣляетъ насъ отъ недуговъ духовныхъ“¹⁾.

Несомнѣнно, что сіе преданіе было широко распространено во всей Палестинѣ и Сиріи съ первыхъ вѣковъ христіанства. Несомнѣнно, что это преданіе было извѣстно въ вѣкъ Ираклія. И въ виду этого преданія онъ и избралъ мѣсто Крестнаго монастыря для ночной остановки съ древомъ Крестнымъ наканунѣ торжественнаго вношенія Креста Господня въ св. градъ. Несомнѣнно, что это преданіе было извѣстно священнымъ составителямъ канонѣвъ и пѣсно-пѣній честному и Животворящему Кресту. И только знаніемъ сего преданія можетъ быть объяснено слѣдующее мѣсто канона Григорія Синаита Честному Кресту: „крестъ *трисоставный* честное древо, Троицы бо носитъ“²⁾ трупостасныя образъ“. (Пѣснь 8.) Несомнѣнно, что мѣстное преданіе Крестнаго монастыря зналъ и великій подвижникъ монастыря пр. Саввы Освященнаго, великій Творецъ канонѣвъ Октоиха—св. Іоаннъ Дамаскинъ и внесъ это преданіе въ 5-ю пѣснь воскреснаго канона гласа втораго: „Яко кедръ, Христе, языкомъ шатаніе сокрушилъ еси волею, Владыко: яко изволилъ еси *на кипарисъ, и на певъ и кедръ, плотью совоздвигаемъ*“. (Ст. 1-й 5-й пѣсни)³⁾.

Прот. К. Ѳоменко.

1) () трисоставномъ Крестѣ Господнемъ говорится еще и въ слѣдующихъ канонахъ: гласъ 2-й, въ среду на утрени, пѣснь 9, ст. 2-й и гл. 3-й въ среду и пятюкъ на утрени сѣдаленъ и др.

2) Певгомъ называется финиковая пальма, въ изобиліи произрастающая на финикійскомъ берегу Палестины. Сираха XXIV, 15.

3) Св. Димитрій Ростовск. въ иномъ видѣ передаетъ преданіе о Древѣ Крестномъ. „Адамъ, егда разболѣся къ смерти, такъ сообщаетъ преданіе Дим Р., посла сына своего Снеа въ рай за врачевствомъ. Въ рай Снеа получилъ три зерна Адамъ умеръ, когда возратился изъ рай Снеа. Снеа посадилъ зерна на могилѣ отца. Изъ сихъ зеренъ выросли три дѣторасли—кедрова, кипарисная и певгова. Но Святитель Димитрій Ростовскій говоритъ, что повѣсть о Древѣ Крестномъ онъ собралъ отъ книгъ различныхъ и именно отъ книги, глаголемой: „Ключъ разумѣнія“ отъ „хрѣпки Іоанна Навклира“ и друг. (Розыскъ 207 л.) Я же записалъ преданіе *на мѣсть*. Почившему архим. Автопину преданіе о древѣ Крестномъ было сообщено въ такомъ-же видѣ, какъ и мнѣ (Пять дней на Св. Землѣ“ арх. Ант. 88 стр).

БОЛЬШОЙ МОСКОВСКИЙ СОБОРЪ

1666—1667 годовъ.

(Продолженіе)*).

II.

Судъ надъ расколоучителями и ихъ послѣдователями.

Однимъ утвержденіемъ православія греко-русской церкви не ограничивалась дѣятельность отцовъ Большого Московскаго собора по отношенію къ расколу: имъ предлежала и другая задача—*произвести рѣшительный и окончательный судъ надъ всѣми расколниками*. Такъ отцы собора и дѣлаютъ: а) съ одной стороны, *они производятъ судъ надъ вождями раскола*, какъ первыми виновниками нарушенія церковнаго мира, б) а съ другой,—*произносятъ проклятіе и на всѣхъ тѣхъ которые бы оказались послѣдователями этихъ расколоучителей и сдѣлались непокорниками святой Церкви и ея опредѣленіямъ*.—

А) Судъ надъ расколоучителями, по недостатку историческихъ данныхъ, мы будемъ излагать не въ хронологическомъ порядкѣ, но въ строго систематическомъ, т. е. будемъ излагать весь судебный процессъ каждаго расколоучителя въ отдѣльности въ томъ порядкѣ, какой указанъ въ соборныхъ дѣяніяхъ, причемъ не оставимъ безъ вниманія и тѣхъ расколоучителей, о судѣ надъ которыми извѣстно изъ другихъ историческихъ источниковъ.

*) См. Труды Киевской дух. Академіи за м. январь 1895 г.